

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2018 – № 2 (выпуск 36)

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2018 – No. 2 (issue 36)

Научный журнал

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии СО РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лингвистика

д-р филол. наук, проф. Н. Н. Широбокова (ИФЛ СО РАН) – главный редактор;
д-р филол. наук, проф. И. Я. Селютина (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора;
канд. филол. наук Н. С. Уртегешев (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Фольклористика

д-р филол. наук, проф. Е. Н. Кузьмина (ИФЛ СО РАН) – главный редактор;
канд. искусствоведения Г. Е. Солдатова (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора;
Т. В. Дайнеко (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. А. С. Булдыбай (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан), д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук Н. Р. Ойноткинова (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук, проф. Ж. К. Орозобекова (Институт манасоведения КГУ им. И. Арабаева, Кыргызстан), д-р филол. наук, доцент В. Н. Соловар (ОУИПИИР), канд. филол. наук Е. В. Тюнтешева (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук, проф. Ф. Г. Хисамитдинова (ИИЯЛ УНЦ РАН), д-р филол. наук А. Н. Чугункова (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова), канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, академик А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН), канд. филол. наук М. В. Бавуу-Сюрюн (ТувГУ), д-р филол. наук, проф. Б. В. Болдырев (ИФЛ СО РАН), д-р филол. наук, проф. Ф. Я. Вейсялли (Азербайджанский университет языков, Азербайджан), д-р филол. наук Л. С. Дампилова (ИМБТ СО РАН), д-р филол. наук, академик З. Д. Джапуа (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия), д-р филол. наук, чл.-кор. А. В. Дыбо (ИЯз РАН), д-р филол. наук, проф. В. В. Илларионов (СВФУ), д-р филол. наук А. Н. Каксин (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова), д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН), д-р искусствоведения, проф. М. Г. Кондратьев (ЧГИГН), д-р филол. наук, проф. О. Т. Молчанова (Щецинский университет, Польша), д-р филол. наук, проф. С. Ю. Неклюдов (РГГУ), д-р филол. наук, проф. Олмез Мехмет (Технический университет Йылдыз, Турция), д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия), д-р филол. наук, проф. П. А. Слепцов (ИГИиПМНС СО РАН), канд. искусствоведения, доцент Г. Б. Сыченко (Италия), д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Университет Хельсинки, Финляндия), д-р филол. наук, проф. Л. А. Шамина (ИФЛ СО РАН)

ISSN 2312-6337

Key title: Âzyki i fol'klor korenyh narodov Sibiri

Abbreviated key title: Âzyki fol'k. korenyh nar. Sib.

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia (LFIPS)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Грамматика

- Байыр-оол А. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
О частицах тувинского языка, образованных от глагола де= ‘сказать’,
‘говорить’ 5–12
- Либерт Е. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Фризский след в Сибири 13–19
- Озолия Л. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
О непредикативных синтаксических структурах в тунгусо-
маньчжурских языках: атрибутивная конструкция в орокском языке 20–32
- Озонова А. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Система косвенных наклонений в грамматических исследованиях по
алтайскому языку 33–44
- Тазранова А. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Семантика и функция форм настоящего времени изъявительного накло-
нения в тюркских языках Сибири (на примере алтайского и якутского) 45–50
- Федина Н. Н.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
О смысловозначительной роли ударения в чалканском языке 51–56
- Широбокова Н. Н., Озонова А. А., Тазранова А. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Показатели лично-числового спряжения в алтайском языке и его диа-
лектах 57–66

Фонетика

- Добринина А. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Акустические характеристики гласного «а» в языке теленгитов 67–73

Лексика

- Чебоचाкова И. М.** (Абакан, ХакНИИЯЛИ)
Колоративы в хакасском языке: особенности их словообразовательного
потенциала 74–81

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Теоретические проблемы изучения фольклора

- Козлова Н. К.** (Омск, ОмГПУ)
Что есть мотив (ещё раз к вопросу о научной терминологии) 82–87

Обрядовый фольклор

- Ойроткинова Н. Р.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Функционально-тематическая типология и синтагматика шаманских
текстов алтайцев 88–95

Повествовательный фольклор

- Руей-Уиллоуби Дж.* (Лексингтон, Университет Кентукки)
Представления о жанрах несказочной прозы в американской фольклористике 96–100
- Миндибекова В. В.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Особенности исторического предания об Ир Тохчине в несказочной прозе хакасов 101–106

Этномузыковедение

- Сыченко Г. Б.* (Рим, Международный совет по традиционной музыке)
Шаманское призывание Кана-Суйлы: к проблеме работы с ранними источниками 107–117
- Солдатова Г. Е.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Интонационные феномены медвежьего праздника манси 118–127

Полевая фольклористика

- Дайнеко Т. В.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Записки из Петропавловки: по результатам экспедиции 2016 г. в Маслянинский район Новосибирской области 128–136

ЛИНГВИСТИКА

ГРАММАТИКА

УДК 811.512.156
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-5-12

А. В. Байыр-оол

*Институт филологии СО РАН
Стамбульский университет*

О частицах тувинского языка, образованных от глагола *де* = ‘сказать’, ‘говорить’

В статье исследуются частицы тувинского языка, образованные от глагола *де* = ‘говорить’, ‘сказать’. Описывается их структура, выражаемые значения и особенности употребления. Исследуемые частицы по своей структуре являются простыми и сложными (составными): простыми являются частицы, образованные от различных функциональных форм глагола; сложные (составные) частицы образуются путем комбинации двух или более частиц, одна из которых восходит к глаголу *де* =. Примеры частиц: усиленная частица *деп*, частица *дижик* // *дийик* со значением допущения и предположения, риторические частицы *дээр* и *дээр силер* // *дээр сен*, вопросительная частица *деппе* // *деп бе*, частицы с эвиденциальным значением *диведиве* и *дивежикпе*, выделительные частицы *дээрге* и *деден* // *дедаан* // *денаан*. Исследуемые частицы активно употребляются в диалогической речи и характеризуются ярко выраженной коммуникативно-прагматической направленностью. Отглагольное происхождение данных частиц прослеживается в их структуре и частично сохраняется в выражаемых значениях.

Ключевые слова: служебное слово, частица, простая частица, сложная (составная) частица, глагольные формы, семантика.

От различных функциональных форм глагола говорения *де* = ‘говорить’, ‘сказать’ во многих тюркских языках образуются слова, употребляющиеся в служебной функции. Общетюркской же является функция глагола *де* = в деепричастной форме в качестве служебного элемента при построении прямой речи (тув. *деп*, хак. *мин*, тур. *диye*).

В тувинском языке от данной глагольной основы образуются различные служебные слова, выполняющие роль синтаксических показателей связи. Еще Н. Ф. Катанов отмечал, что формы *деп*, *дээш* употребляются в роли показателей связи между частями сложного предложения причинной семантики [Катанов, 1903, с. 930]. Служебные слова, образованные от глагола *де* = ‘говорить’, ‘сказать’, неоднократно были объектом исследования в статьях Ш. Ч. Сата («О некоторых служебных словах, возникших на базе глагольной основы *ди-* / *де-*» [Сат, 1961]), «Роль служебных слов *деп*, *дээш* в сложноподчиненном предложении тувинского языка» [Сат, 1981]»), М. В. Оюн («Придаточные определительные предложения,

Байыр-оол Азияна Витальевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН; преподаватель отделения современных тюркских языков и литератур факультета литературы Стамбульского университета.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: azikoa@mail.ru, тел: +7-(383)-330-84-69.

вводимые служебными словами *деп*, *дээр*, *дээн* в тувинском языке» [Оюн, 1983]), Л. А. Шаминой («Изыяснительные конструкции со скрепой *деп* в тувинском языке» [Шамина, 1989]), Д. А. Монгуша («О некоторых моделях предложений в тувинском языке, образованных при участии производных от глагола *де= / ди=* ‘говорить’, ‘сказать’» [Монгуш, 1987]). В данных работах рассматривались синтаксические функции служебных слов, образованных от глагола *де=*: как показателей связи в сложноподчиненных предложениях, в сложных предложениях с придаточными определительными, изъяснительными предложениями; служебное слово *деп* в сочетании с глагольными сказуемыми образуют конструкции со значением намерения говорящего совершить действие и т. д.

В тувинском языке к глаголу *де=* также восходит целый ряд служебных слов, употребляющихся в функции частиц. Описанию различных модальных значений и функций этих частиц как компонента простых и аналитических сказуемых посвящены статьи Д. А. Монгуша («Частицы как компонент аналитических сказуемых» [Монгуш, 1998], «Сказуемые тувинского языка со значением ирреальной модальности и вопросительности» [Монгуш, 1995]).

Объектом нашего исследования являются тувинские частицы, образованные от глагола *де=* ‘говорить’, ‘сказать’. Для полноты описания, отмечая уже описанные частицы, в работе также рассматриваются ранее не выделенные единицы, которые, на наш взгляд, выполняют функции частиц. В статье проводится описание структуры исследуемых единиц, выражаемых значений и особенностей их употребления.

Материалом для анализа послужили данные тувинско-русского и толкового словарей, а также выборка многочисленных примеров из тувинской художественной литературы.

Исследуемые частицы по структуре могут быть простыми и сложными (составными): простыми являются частицы, образованные от различных функциональных форм глагола; сложные (составные) частицы образуются путем комбинации двух или более частиц, одна из которых восходит к глаголу *де=*. В предложении они употребляются в постпозиции к сказуемому, которое может быть глагольным, именным, а также выраженным предикатами наличия *бар* ‘есть’, ‘имеется’ и отсутствия *чок* ‘нет’.

Простые частицы

Усилительная частица *деп*

У служебного слова *деп* в толковом словаре тувинского языка выделяют десять разных значений. Рассматриваемое нами значение частицы *деп* определяют следующим образом: «будучи в конце вопросительного по форме предложения, может выражать отрицание или утверждение [ТСТЯ, 2003, с. 428–429].

(1) *Бойдус чаңы ындыг-ла-дыр, боду буткен делегейниң аажызын канчаптар деп* (М.К.И.) ‘Таков ведь закон природы, что же сделаешь с врожденным нравом этого мира?’;

(2) *Дөржөк чалаң ону күүсеткеш, чоғум кандыг сартык четтиргенин кым көргөн деп?* (С.С.А.д.) ‘Кто же видел, чем именно угостил (их) старший чиновник Доржөк, выполнив это?’;

(3) *Кобду дайынынче шериг аъткарып турган Таңды Тывазы чүгө бодунуң шерин чыып шыдавас деп!* (Ш.С.Х.н.) ‘Танну-Тува, отправлявшая свою армию на войну в Кобдо, почему же не сможет собрать свою армию!’.

Приведенные выше предложения хотя по форме и являются вопросительными (содержат вопросительные местоимения *кым* ‘кто?’, *чүгө?* ‘почему?’ или вопросительно-местоименный глагол *канчаар?* ‘что делать?’), но по содержанию являются утвердительными. Например, в следующем предложении (4) ... *хөй ажы-төлдүг меңээ мал чоп херек эвес деп* (В.Х.Ч.а.) (букв. ‘... почему же многодетному, мне не нужен скот’) говорящий на самом деле подразумевает противоположное ‘как это мне, многодетному, не нужен скот, нужен’.

Частица *деп*, на наш взгляд, выражает уверенность говорящего в общем положительном или отрицательном смысле высказываемого.

Частица *дижик* // *дийик* со значением допущения, предположения

Служебное слово *дижик* // *дийик* выделяется в тувинско-русском словаре как частица со следующими значениями: ‘положим’, ‘например’, ‘допустим’, ‘пусть’, ‘если б’ [ТРС, с. 161, 162]. Также ее описывает Д. М. Монгуш: «Частица *дижик* // *дийик* восходящая, видимо, к древней форме прошедшего времени на

=йук, =йык от глагола говорения *ди*= ‘говорить’, ‘сказать’, присоединяется к причастию или имени и образует вместе с ним аналитическое сказуемое со значением допущения, предположения [Монгуш, 1998, с. 141]».

(5) *Белбейже чоруй баар дижик...* (С.Т.У.у.) ‘Допустим, (он) уедет в Белбей...’;

(6) *Сеңээ тутсупкан дижик, канчаар сен, чээ?* (С.С.А.д.) ‘Допустим, тебе дали, что бы ты делал, ну?’;

В структуре глагольного сказуемого, выраженного 1-м и 2-м лицом ед. и мн.ч., *дижик* // *дийик* занимает место между причастной формой и предикативным показателем лица (см. (7), (8)).

(7) *Че харын, мону сен харыылаvas дижик сен. Бертен чүге озалдадыңар?* (С.С.Н.о.79) ‘Ну ладно, на это ты, допустим, не ответишь. Почему утром опоздали?’;

(8) *Мынча малды чаңгыс хүн-не бүгү негелдези-биле чемгерип азыраан дижик бис, чеже сиген, чеже немере чем херек-тир* (С.С.Ч.ч.П) ‘Столько скота за один день по всем требованиям вырастили, предположим, сколько же нужно сена, сколько дополнительного корма’.

Риторическая частица дээр

Служебное слово *дээр*, восходящее к глаголу *де*= в форме причастия на =*ар*, примыкает к сказуемому, выраженным отрицательной формой одного из прошедших времен – на =*ды* или =*ган* – и предикатом отсутствия *чок*, в вопросительных по форме предложениях выражает усиленное риторическое восклицание.

(9) *Акың Амырын чуну көр=бе=ди дээр* (Э.Д.Э.х.) ‘Чего (только) не видел твой дядя Амырын!’;

(10) *Журналист салым-чол мени кандыг чурттарга чедир=бэ=эн дээр* (К-Э.К.С.с.П) ‘Судьба журналиста в какие (только) страны меня не заносила!’;

(11) *Бисти ынчан канчаар түре=вэ=эн дээр* (К-Э.К.С.с.) ‘Как мы тогда (только) не мучались!’;

(12) *Чоннуң аас чогаалында малды мактаан чеже тоолдар, кожамыктар, тывызыктар чок дээр!* (С.С.Т.к.,168) ‘В устном народном творчестве каких только нет (букв. сколько (только) нет) сказок, песен, загадок, восхваляющих домашних животных!’.

В приведенных предложениях употреблены вопросительные местоимения *чуну?* ‘что?’, *кандыг?* ‘какой?’ и местоименный глагол с вопросительным значением *канчаар?* ‘как делать?’ ‘каким образом?’.

В некоторых случаях при наличии в предложении вопросительных местоимений типа *чеже?* ‘сколько?’ *кандыг?* ‘какой?’ сказуемое с *дээр* выражает многократность, интенсивность совершения действия, о чем упоминается в толковом словаре [ТСТЯ, с. 567]. Например:

(13) *Сендай болап чеже эрт=пэ=эн дээр, ол станцияга чеже чор=ба=ан дээр* (Е.Т.К.) ‘Сколько не проходил по этой дороге Сендай, сколько не ходил к этой станции’;

По нашему мнению, *дээр*, возможно, восходит к сочетанию *чүү дээр* букв. ‘что сказать’. Данное предположение мы основываем на том, что в тувинском языке есть восклицательные по значению конструкции с *чүү дээр*, где у *чүү дээр* сохраняется буквальное значение ‘что сказать’. Например:

(14) *Ол аныктарның концертиниң солунун чүү дээр* (В.С.С.ч.т.) ‘Что (и) сказать об интересном концерте этой молодежи!’;

(15) *Амгы аныктарны чүү дээрил аан!* (К-Э.К.С.с.П) ‘Что и сказать о нынешней молодежи!’;

Следовательно, предложения *Сендай болап чеже эрт=пэ=эн дээр, ол станцияга чеже чор=ба=ан дээр* (Е.Т.К.) ‘Сендай сколько не проходил по этой дороге, сколько не ходил к этой станции’, возможно, имели первоначально следующий вид: *Сендай болап чеже эрт=пэ=эн, ол станцияга чеже чор=ба=ан, чүү дээр* (Е.Т.К.) ‘Сендай сколько не проходил по этой дороге, сколько не ходил к этой станции, что сказать’.

Риторическая частица дээр силер / дээр сен

Выделяемая нами частица *дээр силер* // *дээр сен* образована сочетанием глагола *де*= в форме причастия =*ар* и предикативного показателя 2-го лица множественного числа *силер* или единственного числа *сен*. Обычно употребляется в постпозиции к сказуемому в предложениях с вопросительными местоимениями. *Дээр силер* // *дээр сен* употребляется для выражения вежливого вопроса, часто не рассчитанного на получение ответа, или риторического вопроса. В речи такие предложения сопровождаются различными субъективно-эмоциональными реакциями говорящего (сомнение, удивление, беспокойство и т.д.).

(16) Тамара арай элдесинип: «БЯ ол аразында канчап тыпчы берген дээр силер» деп бодавышаан... (Ш.К.Б.) Тамара немного удивленно думала: «За такое короткое время как же они нашли друг друга (интересно)» ...»;

(17) Кымчыдан чоп кончуг коргар дээр силер? (В.С.С.ч.т.) «Почему же (он) так сильно боится плетки?» Боларны канчаар чивес дээр сен – хаарып, быдаалап, дузап, кургадып, үүжелеп... (К–Э.К.Т.к.) «Как же их только не едят: жарят, суп делают, солят, сушат, на зиму запасают ...»;

Возможно, что изначально дээр силер // дээр сен представляла собой обращение говорящего к собеседнику с целью узнать его мнение «как вы думаете?», «что вы скажете?», «интересно!» по поводу вопроса, который он задает. На это указывает само буквальное значение дээр силер // дээр сен «скажете вы // скажешь ты». Это значение иногда проявляется в предложениях, содержащих прямой вопрос.

(18) Канчап душчуп келиривис ол дээр силер, буяныг-ла хүн аа? (В.С.С.ч.т.) «Как же это мы встретились, (скажите), счастливый день, так ведь?»;

Выбор говорящим вариантов дээр силер или дээр сен иногда можно определить по контексту: в присутствии одного или нескольких человек оно было высказано (см. (19), (20)).

(19) Чуну ырлаваас дээр силер. Бо шагның кудай-дээриниң-даа кончуун көрбес силер бе! (С.С.А.д.) «чего только не поют! Не видите ли вы, в настоящее время даже небо страшное.» После первого предложения с дээр силер, следует второе восклицательное предложение, где сказуемое стоит во 2-м лице множественного числа.

(20) Шаг-төре мындыг турда, сагыш-сеткилге чү-чү кирбес дээр сен, кызым! (С.С.А.д.) «Когда время-устройство такое, что только не приходит на ум, дочка!» В данном предложении содержится обращение кызым «дочка», чем и продиктован выбор дээр сен.

Выделительная частица дээрге

Частица дээрге восходит к причастию на ар= в форме дательного падежа. Служебное слово дээрге функционирует в качестве выделительной частицы в простом предложении и при специфических частных конструкциях, где причастие стоит в лично-притяжательной форм (см. (21), (22)).

(21) Азас дээрге бойдустуң ховар шүлүглелдериниң бирээзи (К-Э.К. Ч.ч.П) «Азас ведь одна из редких поэм природы»;

(22) Орустаарың дээрге ана тас болган-дыр сен, күжүрүм! (Э.Д.Э.Х.) То, как ты говоришь по-русски, – ну просто прекрасно, дорогой!

Значение и функции дээрге мы исследовали ранее в отдельной статье [Байыр-оол, 2009, с. 152–156]. Аналогичные по структуре и близкие по семантике и функциям служебные слова обнаруживаются в монгольских языках, где они служат средством выделения членов предложения. Вполне вероятно, что наличие и функционирование частицы дээрге в тувинском языке связано с влиянием монгольских языков.

Сложные частицы

Вопросительная частица деп бе // деппе

Частица деп бе // деппе образована от глагола де= в форме соединительного деепричастия и вопросительной частицы бе. В толковом словаре тувинского языка деп бе // деппе определяют как частицу, выражающую вопрос или сомнение в чем-либо [ТСТЯ, с. 429]. Анализируя контекст употреблений деп бе // деппе, нами обнаружено, что, как правило, она употребляется в качестве или в функции переспроса «думаете?», «подразумеваете?», «считаете?», «хотите сказать ...», заданного говорящим собеседнику с целью уточнения, подтверждения смысла услышанного.

(21) Сеңгинчикти өттүнер мен деп бе! Чок, ол бодалың кажан-даа болдунмас ... (В.К.Ч.) «Сенгинчику подражать, думаешь! Нет, такому никогда не бывать ...»;

(22) Эки мени мегелеп, куйгаадып олур. Сени ындыг амыр салыр деп бе? (С.С.А.д.) «Хорошо меня обманывай, сбивай с толку. Так просто тебя отпустят, считаешь?»;

(23) Энир чылын база тараа моон дора болган деп бе? (К-Э.К.Ы.б.) «В прошлом году пшеница тоже хуже этой была, хотите сказать?»;

- (24) ... аянный таптыг хөөрежир болза, ол оолдар бистиң талаже тыртылып келбес деппе ... ? (В.К.Ч.) – ‘... если как следует поговорить с ними, думаете, не потянутся эти парни в нашу сторону ... ?’;
(25) Бирээзи силерниң уруунар эвес деп бе? (В.К.Ч.) ‘Одна из них не ваша дочь, хотите сказать?’.

Эвиденциальные частицы диведиве и дивежикпе

Частицы *диведиве* и *дивежикпе* образованы от отрицательно-вопросительных форм (глагольное отрицание =*ве* и вопросительная частица *бе*) недавно-прошедшего времени на =*ды* и прошедшего риторического времени на =*чык*.

Д. А. Монгуш отмечает, что вопросительно-отрицательные формы прошедших времен на =*ды* и =*чык* всегда осложнены оттенком подчеркнутой достоверности и сказуемые, оформленные ими, «выступают не в своих прямых значениях, а для выражения категорического утверждения о достоверности высказываемого. Поэтому авторы текстов в конце таких предложений не ставят вопросительного знака и нередко пишут вопросительную частицу слитно с глаголом, показывая тем самым, что здесь особая форма, отличная от обычных вопросительно-отрицательных форм прошедших времен на *ды*= и на *чык*=. Поскольку прошедшие времена на *ды*= и *чык*= передают очевидные действия, то из значения их вопросительно-отрицательной формы легко может развиваться значение категорического утверждения, особенно в тех случаях, когда обозначаемые этими формами действия являются очевидными и для собеседника, и для говорящего. Вопрос *албажык бе?* ‘не взял ли (он)’ при условии, что сообщаемое достоверно известно и говорящему, и его собеседнику (т.е. оба наблюдали, как происходило событие), равносильно утверждению ‘он же взял’» [Монгуш, 1989, с. 24, 25].

Следует отметить, что при помощи отрицательно-вопросительных форм времен на =*ды* и =*чык* также образуются частицы с модальной семантикой от бытийного глагола *бол*= ‘быть’, ‘становиться’: (*болбадыве*) *чор*= ‘идти’, ‘быть’ (*чорбадыве*, *чорбажыкпе*) [Байыр-оол, 2009, с. 82–84, 155–158].

В толковом словаре тувинского языка значение *диведиве* описывают как ‘говорят’, ‘говорили’, а *дивежикпе* – ‘ведь говорили’ [ТСТЯ, с. 441]. Можно сделать вывод, что эти частицы выражают эвиденциальное значение с оттенком подчеркнутой достоверности.

(26) Чингин-оол аалынга чырык хүндүс маңнап кээрде, кажсаага турган чылгы хойгаиш, буза халыжсып унген диведиве (С.С.А.т.) ‘Когда Чингин-оол светлым днем прибежал в аал, сказали ведь, что табун, который был в хлеву, шарахаясь от испуга, разломал (его), выбежал’;

(27) Кончуг кайгал, угаанныг кижидир ол. Ам эзулуг кожжай болганнар диведиве (И.Б.А.К.) ‘Лихой, умный он человек. Говорят ведь, (что) сейчас (и вообще) стали богачами’;

(28) Бо кончуг сойлуктарыңар даиш шивээ иштинде бузуй берген чыдар диведи бе, оолдар (С.Т.Х.д.) ‘Парни, сказали ведь, что эти собаки скрываются внутри каменной крепости’;

(29) «Угу-төөгүм моол кижиди мен» диген дивежикпе (И.Б.А.К.) ‘Сказали ведь, (что) он сказал: «По роду-происхождению я монгол»’.

По структуре предложений можно сказать, что очевидно *диведиве* и *дивежикпе* представляли собой главные предикаты в полипредикативных конструкциях изъяснительного типа. Эти единицы в современном языке грамматикализовались, и их составители толкового словаря тувинского языка относят уже к разряду частиц.

Выделительная частица деден // дедаан // денаан

Частица *деден* // *дедаан* // *денаан* (букв. скажи-ка) образована от глагола *де*= и, видимо, частицы *даан* ‘же’, ‘-ка’, которая употребляется при просьбе или обращении что-либо сделать: *чугаала даан* ‘скажи же’; *көр даан* ‘посмотри-ка’. В толковом словаре тувинского языка отмечается, что *деден* соответствует частицам *але*, *болгай*, *эвеспе* и дается перевод ‘так ведь’ [ТСТЯ, с. 409].

Частица *дедаан* встречается в основном в диалогической речи. По нашим наблюдениям, она употребляется говорящим для выделения и уточнения определенных деталей темы разговора, говорящий как бы акцентирует внимание на каких-либо подробностях обсуждаемого, о чем мы узнаем из контекста. Например:

(30) [А сен Дажыма чаңгы, Дарина биле Дырыштың үннерин дыңнап, танып чору сен бе?] Танывас боор бе?! Дүүндөн бээр ийи черге дыңнадым. Артында-ла дүне ырлажып эртерлер дедаан. (С.С.А.д.)

[Ты слышишь, узнаешь голоса начальника перегона Дажымы, Дарины и Дырыша?] ‘Как же не узнать?! Со вчерашнего дня слышал в двух местах. К тому же ночью, напевая (песню), проезжают ведь’;

(40) [Дуун кежээликтей ... эьди аарый берген. Бакка мөгүдээн болбас ийик бис бе.] Эмчи-домчу чаладыр дээривиске, оода аалда эр кижн база чок дедаан, угбакым – деп, шала аныяк херээжен база улашкан (К-Э.К.Ы.б.) [Вчера вечером... начались схватки. Очень сильно встревожились.] Чтобы вызвать врача, в аале ни одного мужчины не было, так ведь, сестра, – присоединилась также молодая женщина’;

В некоторых случаях частица *дедаан* сохраняет исходное значение ‘скажи, скажи-ка’.

(41) [Амгы үе дээрге, кым кымны мурнаарын бодаар шаг ышкажыл.] Кым-кымны мөлчүптерин бодаар дедаан. (В.С.С.ч.т.) [Сейчас ведь такое время, когда думают, кто кого опередит.] ‘Думают, скажи, кто кого поэксплуатирует’.

Выводы

В статье рассмотрены простые и сложные (составные) частицы тувинского языка, восходящие к глаголу говорения *де=*: усилительная частица *деп*, частица *дижик* // *дийик* со значением допущения и предположения, риторические частицы *дээр* и *дээр силер* // *дээр сен*, вопросительная частица *депте* // *деп бе*, частицы с эвиденциальным значением *диведиве* и *дивежикпе*, выделительные частицы *дээрге* и *деден* // *дедаан* // *денаан*. В предложении они употребляются в постпозиции к сказуемому, которое может быть глагольным, именным, а также выраженным предикатами наличия *бар* ‘есть’, ‘имеется’ и отсутствия *чок* ‘нет’. Исключение составляет риторическая частица *дээр*, употребляющаяся только с отрицательными формами прошедших времен на *=ды*, *=ган* и предикатом отсутствия *чок*. Усилительная частица *деп* и риторические частицы *дээр* и *дээр силер* // *дээр сен* употребляются также в вопросительных по форме предложениях.

Исследуемые частицы активно употребляются в диалогической речи и характеризуются ярко выраженной коммуникативно-прагматической направленностью. Отглагольное происхождение данных частиц прослеживается в их структуре и частично сохраняется в выражаемых значениях. Некоторые частицы, на наш взгляд, представляют собой усеченные и утратившие первоначальное значение различные конструкции с глаголом *де=* (вопросительная, изъяснительная). В связи с этим частицы наглядно демонстрируют переход некоторых функциональных форм глагола *де=* ‘говорить’, ‘сказать’ и отдельных конструкций с этим глаголом в разряд частиц. Следует также отметить частицу *дээрге*, которая, на наш взгляд, сформировалась под влиянием монгольских языков, характеризующихся употреблением специальных выделительных частиц, восходящих к функциональным формам глагола.

Список литературы

Байыр-оол А. В. частицы тувинского языка, образованные от бытийных глаголов (в сопоставлении с якутским и хакасским языками). Диссертация ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009.

Байыр-оол А. В. О служебном слове *дээрге* в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. Новосибирск, 2009. С. 152–156.

Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типолитогр. Имп. Казан. ун-та, 1903. XLII, 488, LX с.

Монгуш Д. А. О некоторых моделях предложений в тувинском языке, образованных при участии производных от глагола *де=* / *ди=* ‘говорить’, ‘сказать’ // Показатели связи в сложном предложении. Новосибирск, 1987. С. 83–88.

Монгуш Д. А. Сказуемые тувинского языка со значением ирреальной модальности и вопросительности // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1, Новосибирск, 1995. 22–52.

Монгуш Д. А. Частицы как компонент аналитических сказуемых // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1998. 122–152.

Оюн М. В. Придаточные определительные слова, вводимые служебными словами *деп*, *дээр*, *дээн* в тувинском языке // Тюркские языки Сибири (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1983. С. 46–55.

Сам Ш. Ч. О некоторых служебных словах, возникших на базе глагольной основы *ди- / де-* ‘говорить’ в тувинском языке // Ученые записки Кызыльского гос. пед. института, Вып. II. Кызыл, 1961. С. 47–64.

Сам Ш. Ч. Роль служебных слов *деп, дээш* в сложноподчиненном предложении тувинского языка // Падежи их эквиваленты в строе сложного предложения тувинского языка. Новосибирск, 1981. С. 112–115.

Толковый словарь тувинского языка. Том I. Новосибирск, 2003.

Тувинско-русский словарь. Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968.

Шамина Л. А. Изъяснительные конструкции со скрепой *деп* в тувинском языке // Предложение в языках Сибири (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1989. С. 131–140.

Список сокращений и условных обозначений

И.Б.А.К.	Иргит Бадра. Арзылаң Күдерек. Кызыл, 1996.
В.К.Ч.	Виктор Көк-оол. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1976.
В.С.С.ч.т.	Владимир Серен-оол. Сөөскеннер чечектелип турда. Кызыл, 1995.
В.Х.Ч.а.	Василий Хомушку. Черим арны. Кызыл, 2000.
К–Э.К.С.с.	Кызыл–Эник Кудажы. Чогаалдар чыындызы. I том. Кызыл, 1979.
К–Э.К.С.с.П	Кызыл–Эник Кудажы. Чогаалдар чыындызы. II том. Кызыл, 1980.
К–Э.К.Ы.б.	Кызыл–Эник Кудажы. Ыржым булун. Кызыл, 1965.
М.К.И.	Мария Кужугет. Идегел. Кызыл, 2005.
С.С.А.д.	Степан Сарыг–оол. Алдан дургун. Кызыл, 1987.
С.С.А.т.	Степан Сарыг–оол. Аңгыр–оолдун тоожузу. Кызыл, 2008.
С.Т.У.у.	Салчак Тока. Улуг уजारже: чыынды чогаалдар. Кызыл, 2001.
Ш.К.Б.	Шомаадыр Куулар. Баглааш. Кызыл, 2010.
Ш.С.Х.н.	Шаңгыр–оол Суван. Хемчик нояны: тоожу. Кызыл, 2009.
Э.Д.Э.х.	Эдуард Донгак. Эрги хонаштар. Кызыл, 1983.
Е.Т.К.	Екатерина Танова. Кара–Бай. Кызыл, 2008.
ТРС	Тувинско-русский словарь. Под ред. Э. Р. Тенишева М., 1968.
ТСТЯ	Толковый словарь тувинского языка. Том I. Новосибирск, 2003.

A. V. Bayyr-ool

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
Istanbul University, Istanbul, Turkey;
azikoa@mail.ru*

On Tuvan Particles Derived from the Verb *de=* ‘to say’, ‘to speak’

In many Turkic languages, function words are frequently derived from various functional forms of the speech verb *de=* ‘to say’, ‘to speak’. The adverbial participle form of the verb *de=* serves as the function element marking direct speech on the all-Turkic level (Tuvan *dep*, Khakas *tip*, Turkish *diye*). In the Tuvan language, this verb stem is used to form various function words serving as markers of syntactic relations. Many Tuvan function words used as particles are also derived from the verb *de=*.

In our research, we focus on Tuvan particles derived from the verb *de=* ‘to say’, ‘to speak’. Some examples of such particles: intensifying particle *dep*; *dižik* // *diyik* denoting presupposition or speculation; emphasizing particles *дээрзе* and *de-den* // *dedaan* // *denaan*, rhetorical particles *deer* and *deer siler* // *deer sen*; evidential particles *divedive* and *divežikpe*; interrogative particle *deppe* // *dep be*. In our article, we offer a description of these words, their structures, meanings, and nuances of their usage. We attempt to create a complete description of their semantics and their communicative and pragmatic functions.

Keywords: function word, particle, simple particle, compound particles, verbal forms, semantics.

References

Bayyr-ool, A.V. O sluzhebnoy slove *deerge* v tuvinskom yazyke [On the Function Word *deerge* in Tuvan]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. Novosibirsk, 2009, no. 2, pp. 152–156.

Bayyr-ool, A.V. *Chastitsy tuvinskogo yazyka, obrazovannyye ot bytiynykh glagolov (v sopostavlenii s yakutskim i khakasskim yazykami)* [Tuvan Particles Derived from Existential Verbs (Compared to Yakut and Khakas)]. Cand. Phil. Sci. Diss. Novosibirsk, 2009, 186 p.

Katanov, N.F. *Opyt issledovaniya uryankhaiskogo yazyka s ukazaniyem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii yego k drugim yazykam tyurkskogo kornya: Monogr.* [A Study of Uryankhai Language with a Listing of Its Main Genetic Relations with Other Turkic Languages: A Monograph]. Kazan’: Litograph. Imp. of Kazan University, 1903. XLII, 488, LX p.

Mongush, D.A. *O nekotorykh modelyakh predlozheniy v tuvinskom yazyke, obrazovannykh pri uchastii proizvodnykh ot glagola de= // di= «govorit’», «skazat’»* [On Several Tuvan Sentence Models Formed with Derivates from Verb *de=* // *di=* ‘to talk’, ‘to say’]. In: Pokazateli svyazi s slozhnom predlozhenii [Complex Sentences Relation Markers]. Novosibirsk, 1987, pp. 83–88.

Mongush, D.A. Skazuyemye tuvinskogo yazyka so znacheniyem irreal’noy modal’nosti i voprositel’nosti [Tuvan Predicates with the Meaning of Irreal Modality and Interrogation]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Native Siberian Languages]. Novosibirsk, 1995, no. 1, pp. 22–52.

Mongush, D.A. Chastitsy kak komponent analiticheskikh skazuyemykh [Particles as Elements of Analytical Predicates]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Native Siberian Languages]. Novosibirsk, 1998, no. 4, pp. 122–152.

Oyun, M.V. Pridatochnyye opredelitel’nye slova, vvodimyye sluzhebnyimi slovami *dep*, *deer*, *deen* v tuvinskom yazyke [Subordinate Attributive Words Introduced by *dep*, *deer*, *deen* in the Tuvan Language]. *Tyurkskiye yazyki Sibiri* [Siberian Turkic Languages]. Novosibirsk, 1983, p. 46–55.

Sat, Sh. Ch. O nekotorykh sluzhebnykh slovakh, vznikshikh na baze glagol’noy osnovy *di- / de-* «govorit’» v tuvinskom yazyke [On Certain Function Words Derived from Verb Stem *di- / de-* ‘to speak’ in the Tuvan Language]. *Uchenyye zapiski Kyzyl’skogo gos. ped. instituta* [Kyzyl State Pedagogical Institute Scientific Bulletin]. Kyzyl, 1961, no II, pp. 47–64.

Sat, Sh. Ch. Rol’ sluzhebnykh slov *dep*, *deesh* v slozhnopodchinennom predlozhenii tuvinskogo yazyka [Role of Function Words *dep*, *deesh* in Tuvan Complex Sentences]. *Padezhi i ikh ekvivalenty s stroe slozhnogo predlozheniya v yazykakh narodov Sibiri* [Cases and Their Equivalents in Siberian Languages Complex Sentences]. Novosibirsk, 1981. pp. 112–115.

Shamina, L.A. Izyasnitel’nye konstruksii so skrepoy *dep* v tuvinskom yazyke [Content Clauses with *dep* in the Tuvan Language]. *Predlozheniye v yazykakh Sibiri* [Sentence in Siberian Languages]. Novosibirsk, 1989. pp. 131–140.

Tolkovyy slovar’ tuvinskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Tuvan Language]. Novosibirsk: Nauka, 2003, Vol. I., 599 p.

Tuvinsko-russkiy slovar’ [Tuvan-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1968, 648 p.

УДК: 811.11'36
DOI 10.25205/2312-6337-2018-1-13-19

Е. А. Либерт

Институт филологии СО РАН

Фризский след в Сибири

Статья посвящена именам уменьшительным (диминутивам) в языке меннонитов плотдич (*Plautdietsch*), оформление которых происходит при помощи форманта фризского происхождения. Вопрос о влиянии фризского языкового субстрата на плотдич относится к спорным, однако присутствие такого форманта позволяет обозначить его как своеобразный «фризский след» в германском языке, бытующем в Сибири. Плотдич представлен двумя диалектами, сохраняющими разную степень палатализации этого форманта (*-kje* и *-tje*). Приводятся образцы текстов детского фольклора, записанного в ходе экспедиций в места проживания этнических меннонитов Сибири, которые дают примеры имен уменьшительных.

Ключевые слова: плотдич, фризский язык, меннониты, имя уменьшительное (диминутив), суффикс, полевые материалы

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. в России проживало 394138 немцев [Всероссийская перепись населения, 2010]. Есть все основания предполагать, что среди заявивших себя как «немцы» были и потомки меннонитов. Когда-то выходцы из Нидерландов и северной Германии, притесненные одной из наиболее старых протестантских церквей, меннониты на протяжении веков вынуждены были мигрировать из-за преследований со стороны светских и церковных властей. Почти два века представители этой особой этно-конфессиональной общности [Ипатов, 1978] жили на территории бывшей Пруссии. В конце XVIII в. первая группа меннонитов переселяется на территорию Малороссии (Хортица), где были основаны крупные меннонитские колонии. Особый язык меннонитов (самоназвание *Plautdietsch*) оформлялся в Пруссии как особое языковое образование, уникальным образом сочетая в себе как элементы нижнефранкских и нижнесаксонских племенных диалектов, так и значительную долю фризского наследия, которая проявлялась, прежде всего, в фонетическом своеобразии этого языка. На Украине, где он был представлен в виде двух диалектов старой и новой колоний – хортицкий и молочинский, – плотдич получает окончательное оформление в иноязычном окружении вдалеке от каких-либо немецких диалектов и говоров. В ходе дальнейших миграций этот язык был перенесен с юга Российской империи в Канаду, в страны Южной Америки (конец XIX в.) и, наконец, в Сибирь (начало XX в.).

Плотдич сохраняет свою генетическую связь с нижне немецким языковым ареалом, прежде всего в грамматике. Вместе с тем яркий звуковой облик, не имеющий абсолютных аналогов в западногерманском языковом ареале, некоторые германисты объясняют, прежде всего, наследием фризского. На

Либерт Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: azzurro@ Rambler.ru, тел: +7-913-918-45-92.

общем нижненемецко-голландско-фризском фоне вокализм западного варианта фризского языка выглядит очень богатым, развернутым: он представлен девятью краткими, девятью долгими гласными и девятью дифтонгами двух типов (открытые и закрытые) [Kanakin, Wall 1994, с. 3, Tiersma 1985, с. 11–15, De Graaf 1985, с. 23]:

Таблица 1
Table 1

Вокализм западного варианта фризского языка
Vocalism of the Western version of the Frisian

Краткие гласные			Долгие гласные			Открытые дифтонги			Закрытые дифтонги		
i	y	u	i:	y:	u:	iə	yə	uə			
ɪ		o	e:	ø:	o:	ɪə	œə	oə			
ɛ	œ	ɔ	ɛ:		ɔ:				ɛi	ɫy	oi
	a			a:					ai		ɔu

Вопрос о влиянии фризского субстрата на плотдич по сей день остается открытым. Сама возможность этого влияния находит разные оценки у германистов – от полного отрицания, см. об этом [Siemens, 2012, с. 56] и вероятного допущения [там же] до безусловного принятия факта фризского влияния [Kanakin, Wall 1994, с. 3–12, 16]. Одним из ярких подтверждений фризского наследия в плотдич является формант имен уменьшительных, практически без ограничений оформляющий имена собственные и нарицательные в этом языке.

1. Появление нового диминутивного форманта в германском языковом ареале как фризская инновация

Примерно в XIV в. (а возможно, и ранее) во фризском языке зарождается новое явление – палатализация заднеязычных смычных согласных типа «к», т. е. продвижение места их артикуляции вперед, которое могло сопровождаться (хотя и необязательно) их последующей ассибиляцией. Этот процесс происходил масштабно во всех языках и диалектах ингвеонской группы (др.-англ. и др.-фризск.) [Миронов, 1973, с. 57]. В истории английского языка это «щепление заднеязычных» привело к становлению аффрикат *ts* и *dʒ* [Плоткин, 1982, с. 47]. Это явление охватывало разные группы согласных в языках и диалектах; в разных условиях оно имело неодинаковые результаты.

Следствием этих процессов во фризском стало преобразование общегерманского диминутивного форманта *-kin / -ken*: в результате апокопы согласного «н» он стал звучать как *-ke*, его реализация была обусловлена фонетическим окружением, давая алломорфы *-je* и *-tje*, где *-ke* подвергался изменениям по схеме: *-ke(n) > -kje > -t'je / -tsje / -je*, давая новые палатализованные варианты имевшегося диминутивного показателя.

Эти суффиксы имен уменьшительных во фризском языке исторически находились в отношении дополнительного распределения относительно друг друга: *-(t)sje* присоединяется к тем существительным, основа которых заканчивается на *t, d, n, l*: в именах собственных: *Geartsje*; в именах нарицательных: *staltsje* ‘маленькая конюшня’, *boardsje* ‘дощечка’, *partsje* ‘частичка’; тогда как *-je* присоединяется к основам на согласные *-k, -ch*: *koekje* уменьшительное от ‘пирожное’, на *-ng* (переходит в *-nk*): *wankje* ‘щечка’ [Жлуктенко, Двухжилов, 1984, с. 129].

Новый палатализованный диминутивный формант постепенно вошел в диалекты нижнесаксонского и нижнефранкского ареалов. Так, в нижнесаксонском он представлен в западной части северной Германии и звучит как *-tje*, оставаясь приметой гамбургского диалекта и не признаваемый литературной немецкой нормой: *Balje* ‘детский тазик, ванночка’, *Böntje* ‘конфетка’, *Mietje* ‘девушка’ [Schmachthagen, 2010].

Что касается нидерландского языка, имеющего нижнефранкскую основу, то в нем закрепление палатализации под действием фризского шло постепенно и не всегда последовательно, долгое время в соседстве находились палатализованные и непалатализованные формы. Но постепенно на протяжении XVII–XVIII вв. исконно нидерландские формы на *-ke(n)* вытеснялись, уступая место палатализованным вариантам *-je, -tje, -pje*, которые становятся в конце концов единственно признаваемыми в

литературном языке суффиксами [Миронов, 1973, с. 62]. В настоящее время пестроту диминутивных формантов в голландском дополняет и сохраняющийся во фламандском суффикс *-ke*, без сомнения восходящий к общегерманскому форманту уменьшительных на *-k*. Факт использования в голландском смягченного диминутивного форманта по фризскому образцу очень любопытен, так как такое смягчение согласных в прочих позициях в голландском отсутствует: например, голл. *kaas* – фризск. *t'siis* ‘сыр’, голл. *kerk* – фризск. *tsjerke* ‘церковь’ [Миронов, 1973, с. 55; Tiersma, 1985, с. 3].

Тот же диминутивный формант *-tje*, являющийся результатом описанной фризской палатализации, представлен в плотдич.

2. Реализация диминутивных алломорфов *-kje / -tje* в языке меннонитов

Между двумя диалектами, которыми представлен язык меннонитов, по сей день сохраняются несовпадения различного рода; в качестве одного из таких различий выступает диминутивный суффикс, имеющий два варианта соответственно: в языке меннонитов Хортицы он звучит как *-kje*, молочночинский диалект имеет *-tje* [Wall, Wendel, Jedig, 1979; Rempel, 1984]. Оба варианта носят продуктивный характер.

Алломорф *-kje* сохраняют канадские меннониты. Так, словарь Х. Ремпеля [Rempel, 1984], вышедший в Канаде, дает диминутивы на *-kje*: *Määkje* ‘девушка’, *Mumkje* ‘замужняя женщина’, *Spoolkje* ‘маленький бассейн’. Сохранение смягченного *k* характерно для других позиций в слове, например: *Kjoakj* ‘церковь’, *Kjosch* ‘вишня’ [Ibid]. Этот же формант встречаем в онлайн-словаре *Plautdietsch Lexicon (Low-German Dictionary)*, созданный в Канаде: *Buakja* ‘книжка’, *Poakje* ‘парочка’ [Zaharias, Koeler, 2009]. У канадских писателей, пишущих на плотдич, например, у Р. Эппа (Reuben Epp): *Jungkje* ‘мальчонка’, *miene Mumkje* ‘моя мамочка’, *Mondkje* – уменьшит. от *Mond* ‘луна’, *Hootkje* ‘волосок’ [Epp, 1972].

Очевидно большее распространение с течением времени получил другой вариант того же форманта, суффикс *-tje*, который представлен в речи носителей плотдич в Сибири: *baint'ə* ‘ножка’, *baunt'ə* ‘томик’, ‘связочка’, *bilt'ə* ‘картинка’ [Wall, Wendel, Jedig, 1979]. Соответствующее смягчение происходит в других позициях в слове: *tjoatj* ‘церковь’, *tjosch* ‘вишня’. Этот суффикс образует диминутивы как от имен собственных: *Liestjə*, *Pəitatjə*, *Abromtjə*, так и от имен нарицательных: *baint'ə* ‘ножка’, *baunt'ə* ‘томик’, ‘связочка’, *bilt'ə* ‘картинка’, *da:rpt'ə* ‘деревенька’, *zupt'ə* ‘супчик’ [там же].

Если основа производящего слова оканчивается на *-t*, то при аффиксации происходит геминация согласного, что является регулярной закономерностью, если согласный поствокальный:

bra:tt'ə ‘дощечка’ от *bra:t* ‘доска’; *fauutt'ə* ‘бочонок’ от *faut* ‘бочка’;

если постконсонантный, то удвоения нет – *fy:st'ə* ‘кулачок’ от *fy:st* ‘кулак’.

Вариант этого суффикса *-st'ə* менее частотен: *bänt'st'ə* ‘скамеечка’, *bi:tst'ə* ‘кусочек’, *flät'st'ə* ‘пятнышко’, *gyrt'st'ə* ‘огурчик’.

Иногда возможно сочетание одной основы с обоими суффиксами:

bu:əkst'ə и *bu:əkt'ə* ‘книжка’;

me:ät'ə (а также *məja:lt'ə*) и *me:ät'st'ə* ‘девушка’.

Как и в немецком, имена уменьшительные в плотдич относятся к среднему роду: *daut ho:st'ə* ‘зайчик’, *daut kout'ə* ‘коровка’, *daut laumpt'ə* ‘лампочка’ [Wall, Wendel, Jedig, 1979]. Лишь некоторые могут быть женского: *die mumt'ə* ‘бабуля’, *die mutat'ə* ‘мамочка’ и мужского рода: *dit ho:at'ə* ‘волосок’, *dit fo:rat'ə* ‘папочка’ [там же].

Все диминутивы образуют множественное число так же, как во фризском и голландском – добавлением форманта *-s*: *die bānt'st'əs* ‘скамеечки’, *die fo:rpt'əs* ‘папочки’ [там же].

3. Имена уменьшительные в образцах детского фольклора

В силу требований протестантской этики фольклор меннонитов достаточно беден. Причиной может являться и то, что плотдич функционирует почти исключительно в устной форме; все необходимые формы записи всегда делались на литературном немецком или на русском языках. Далее представлены образцы песенного и детского фольклора, собранные автором из устного общения с носителями этого языка (диминутивные единицы выделены жирным шрифтом).

<p> <i>Wull etj mul een bya woare</i> <i>Wull etj uck een hantje habe</i> <i>Wulle oule menseche weete</i> <i>Woo mien hantje soul dan heete?</i> <i>Rane, rane, ran,</i> <i>Soo heet dan miene han.</i> <i>Wull etj mul een bya woare</i> <i>Wull etj uck een huntje habe</i> <i>Wulle oule menseche weete</i> <i>Woo mien huntje soul dan heete?</i> <i>Trepeltun – heet de hun.</i> <i>Rane, rane, ran,</i> <i>Soo heet dan miene han.</i> <i>Wull etj mul een bya woare</i> <i>Wull etj uck een gounztje habe</i> <i>Wulle oule menseche weete</i> <i>Woo mien gounztje soul dan heete?</i> <i>Langhoulz – heet de gounz.</i> <i>Trepeltun – heet de hun.</i> <i>Rane, rane, ran,</i> <i>Soo heet dan miene han.</i> <i>Wull etj mul een bya woare</i> <i>Wull etj uck een tjnachjtje habe</i> <i>Wulle oule menseche weete</i> <i>Woo mien tjnachjtje soul dan heete?</i> <i>Jisbrachjt – heet de tjachjt.</i> <i>Langhoulz – heet de gounz.</i> <i>Trepeltun – heet de hun.</i> <i>Rane, rane, ran,</i> <i>Soo heet dan miene han.</i> <i>Wull etj mul een bya woare</i> <i>Wull etj uck een wieftje habe</i> <i>Wulle oule menseche weete</i> <i>Woo mien wieftje soul dan heete?</i> <i>Tietfedrief – heet de wief.</i> <i>Jisbrachjt – heet de tjachjt.</i> <i>Langhoulz – heet de gounz.</i> <i>Trepeltun – heet de hun.</i> <i>Rane, rane, ran,</i> <i>Soo heet dan miene han.</i> <i>Wull etj mul een bya woare</i> <i>Wull etj uck een ostje habe</i> <i>Wulle oule menseche weete</i> <i>Woo mien ostje soul dan heete?</i> <i>Rootknos – heet de os.</i> <i>Tietfedrief – heet de wief.</i> <i>Jisbrachjt – heet de tjachjt.</i> <i>Langhoulz – heet de gounz.</i> <i>Trepeltun – heet de hun.</i> <i>Rane, rane, ran,</i> <i>Soo heet dan miene han.</i> <i>Wull etj mul een bya woare</i> <i>Wull etj uck een schwientje habe</i> <i>Wulle oule menseche weete</i> <i>Woo mien schwientje zoul dan heete?</i> </p>	<p> ‘Если бы был я крестьянином, Была бы у меня курочка. Все бы люди захотели узнать, Как зовут мою курочку? Ране, ране, ран, Так зовут мою курицу. Если бы был я крестьянином, Была бы у меня собачка. Все бы люди захотели узнать, Как зовут мою собачку? Тrepельтун – вот имя собаке, Ране, ране, ран, Так зовут мою курицу. Если бы был я крестьянином, Был бы у меня гусенок. Все бы люди захотели узнать, Как зовут моего гусика? Длинношейка – назову гуся. Тrepельтун – вот имя собаке, Ране, ране, ран, Так зовут мою курицу. Если бы был я крестьянином, Был бы у меня слуга, Все бы люди захотели узнать, Как зовут моего слугу? Гисбрехт – вот имя слуге, Длинношейка – назову гуся, Тrepельтун – вот имя собаке, Ране, ране, ран, Так зовут мою курицу. Если бы был я крестьянином, Была бы у меня женушка, Все бы люди захотели узнать, Как зовут мою женушку? Титфердрит зовут жену, Гисбрехт – вот имя слуге, Длинношейка – назову гуся, Тrepельтун – вот имя собаке, Ране, ране, ран, Так зовут мою курицу. Если бы был я крестьянином, Был бы у меня бычок, Все бы люди захотели узнать, Как зовут моего бычка? Роткнос – так зовут быка, Титфердрит зовут жену, Гисбрехт – вот имя слуге, Длинношейка – назову гуся, Тrepельтун – вот имя собаке, Ране, ране, ран, Так зовут мою курицу. Если бы был я крестьянином, Был бы у меня поросенок, Все бы люди захотели узнать, Как зовут моего поросенка? </p>
--	---

<p><i>Blotkrin – heet de schwien. Rootknos – heet de os. Tietfedrief – heet de wief. Jisbrachjt – heet de tjachjt. Langhoulz – heet de gounz. Trepeltun – heet de hun. Rane, rane, ran, Soo heet dan miene han. Wull etj mul een bya woare Wull etj uck een piettje habe...</i></p>	<p>Блоткрин – зовут свинью, Роткнос – имя быку, Титфердрит зовут жену, Гисбрехт – вот имя слуге, Длинношейка – назову гуся, Трепельтун – вот имя собаке, Ране, ране, ран, Так зовут мою курицу. Был бы я крестьянином, Была бы у меня лошадка...'</p>
<p><i>Ous hee schuptjes maltje jintj, tjijt'a nu de woltje: Wan't bloos nichj rejne deed, bot etj ha jemoltje. Ous'a don jemoltje haft, luscht he zichj dout dymtje – uba zeea zeet es dout ous een tsockaplymtje!</i></p>	<p>‘Когда он пошел доить овец, Посмотрел на облака: Только бы не было дождя, Пока я доил. И пока он доил, Облизал свой пальчик – Ой как сладко это, Как сахарная слива!’</p>
<p><i>Eene, meene, metje-cogel wem wie tjrie wele wie joge Ope lien enn ope lada de zoul hete pomtje-mada Tjemt nichj wada Edel, bedel, byw, baw, ouf.</i></p>	<p>‘Эне, мене, метье-когель, Когда мы получим – тогда погоним На вожжах и на телеге. Его должны звать Помтье-мада, Он больше не вернется, Эдель, бедель, бюв, бав, оф.’</p>
<p><i>Waut will jie op onsem hoff? Je pletje aule bloumtjes auf, Daut ess ons vâl tou groff. Mamatje woat junt schelle, Papatje woat junt schlone. Tiep heenasjes, tiep honnasjes, Wo woat junt daut dann gone?</i></p>	<p>‘Что вам надо на нашем дворе? Все цветочки вы сорвали, Это очень грубо. Мамочка будет на вас ругаться, Папочка будет бить, Тип, петушки, тип, курочки, Как вам будет после этого?’</p>
<p><i>Ryzha-petryzha, wea ryzhelt em stroo? De janztjes zent boaft enn habe tjeene schoo. De schusta haft lada, tjeen leestje dotoo. Zoo gune onze janztjes boaft, une schoo.</i></p>	<p>‘Ружа-петружа, что шуршит в соломе? Гусята босые, у них нет ботиночек. У сапожника есть кожа, но нет муляжа, Вот и ходят наши гусята босые, без ботинок.’</p>

Список литературы

- Брейзе А. А., Колоткин М. Н.* Немецкая диаспора в Сибири. Новосибирск, 1992.
- Всероссийская перепись населения 2010 г.* URL: <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii>. (Дата обращения 26.05.2017).
- Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. М.; Л., 1956. 637 с.
- Жлуктенко Ю. А.* Фризский язык. Киев, 1984. 200 с.
- Ипатов А. Н.* Меннониты: Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности / А. Н. Ипатов; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Ин-т науч. атеизма. М., 1978. 213 с.
- Миронов С. А.* Становление литературной нормы современного нидерландского языка. М.: Наука, 1973. 312 с.
- Плоткин В. Я.* Эволюция фонологических систем: На материале германских языков. М.: Наука, 1982. 129 с.
- De Graaf T.* Phonetic Aspects of the Frisian Vowel System // North-Western European Language Evolution. Vol. 5. Odense: Odense University Press. 1985. Pp. 23–40
- Kanakin I., Wall M.* Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994.
- Nieuweboer R.* The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998.
- Rempel H.* Kjennt jie noch Plautdietsch? A Mennonite Low German Dictionary. Winnipeg, Manitoba, Canada, 1984.
- Schmachthagen P.* Sprechen Sie Hamburgisch? / P. Schmachthagen. Hamburg: Hamburger Abendblatt, 2010. 427 с.
- Siemens H.* Plautdietsch. Tweeverlag. Bonn. 2012.
- Tiersma P. M.* Frisian reference grammar / P. M. Tiersma. – Dordrecht; Cinnaminson: Foris Publications, 1985. 157 p.
- Wall H., Wendel S., Jedig H.* Niederdeutsch-Deutsches Wörterbuch. Omsk, 1979.
- Zaharias Ed, Koeler L.* *Plautdietsch Lexicon (Low-German Dictionary)*, 2013: URL: <http://plautdietsch.22web.org/home/index.htm>. (Дата обращения: 26.05.2017).

Список источников

- Epp R.* Plautdietsche Schreftsteckja (Low-German Writings) / Reuben Epp. Steinbach, Man.: Derksen Printers, 1972. 115 p.

Список сокращений

- др.-англ. – древнеанглийский;
др.-фризск. – древнефризский.

E. A. Liebert

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
azzurro@rambler.ru

Frisian mark in Siberia

The article deals with the diminutive formant in Plautdietsch (the Mennonites Language, spoken all around the world by the Mennonites, also in West Siberia). This language remains genetically connected with Low German linguistic areal, primarily in its grammar.

At the same time, according to many linguists, a bright and unique phonological system of Plautdietsch is attributable mainly to Frisian linguistic heritage.

There is still an open-ended question, concerning the Frisian's influence on Plautdietsch. The possibility of this influence is considered by germanists in various ways. One of the evident acknowledgments of Frisian influence on Plautdietsch is its formant of Diminutives, that unrestrictedly models the proper and common nouns in that language.

In the 14th century (or maybe earlier), the phenomena of dorsal plosive consonant palatalization was emerging, which involved the change in the place of articulation towards to the palatal region, that could be followed by their assimilation to sibilant (fricative) consonants.

This process was happening ambitiously in all languages and dialects of the Ingveonic group.

Consequently, to these processes, the Germanic diminutive formant *-kin / ken* transformed into *-ke* after the final consonant loss, and after the palatalization gave following reflections: *-je, -tje*.

The same diminutive formant *-tje*, being a result of considered palatalization of Frisian language, is presented in Plautdietsch.

This suffix has two variants: therefore, it sounds as *-kje* in the Mennonite language in Chortitza and as *-tje* in Molochna dialect.

The article presents song folklore and children's folklore samples, collected by the author from verbal communication with the native speakers.

Keywords: Plautdietsch, Frisian, Mennonites, diminutive noun, suffix, field materials.

References

- Breyze A.A., Kolotkin M.N. *Nemeckaya diaspora v Sibiri* [German Diaspora in Siberia]. Novosibirsk, 1992, 183 p.
- De Graaf T. Phonetic Aspects of the Frisian Vowel System. *North-Western European Language Evolution*. Vol. 5. Odense: Odense University Press. 1985, pp. 23–40.
- Ipatov A.N. *Mennonity: (Voprosy formirovaniya i ehvolyucii ehtnokonfessional'noj obshchnosti)* [Mennonites: The questions of forming and evolution of the ethno-confessional community]. Moscow, 1978, 213 p.
- Kanakin I., Wall M. *Das Plautdietsch in Westsibirien*. Groningen, 1994.
- Mironov S.A. *Stanovlenie literaturnoj normy sovremennogo niderlandskogo yazyka* [Marking of the literary norm of modern Dutch language]. Moscow: Nauka, 1973, 312 p.
- Nieuweboer R. *The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German)*. Rijksuniversiteit Groningen, 1998, 380 p.
- Plotkin V.Ya. *Evoluciya fonologicheskikh sistem: na materiale germanskih yazykov* [Evolution of the phonological systems: on the material of Germanic languages]. Moscow: Nauka, 1982, 129 p.
- Rempel H. *Kjennt jie noch Plautdietsch? A Mennonite Low German Dictionary*. Winnipeg, Manitoba, Canada, 1984.
- Schmachthagen P. *Sprechen Sie Hamburgisch? / P. Schmachthagen*. Hamburg: Hamburger Abendblatt, 2010, 427 p.
- Siemens H. *Plautdietsch*. Tweeverlag. Bonn, 2012.
- Tiersma P.M. *Frisian reference grammar / P.M. Tiersma*. Dordrecht; Cinnaminson: Foris Publications, 1985, 157 p.
- Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 g. URL: <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii>. (accessed 26.05.2017).
- Wall H., Wendel S., Jedig H. *Niederdeutsch-Deutsches Wörterbuch*. Omsk, 1979.
- Zaharias Ed, Koeler L. *Plautdietsch Lexicon (Low-German Dictionary)*, 2013: URL: <http://plautdietsch.22web.org/home/index.htm>. (Date of application: 26.05.2017).
- Zhirmunskij V.M. *Nemeckaya dialektologiya* [German dialectology]. Moscow; Leningrad, 1956, 637 p.
- Zhluktenko Yu.A. *Frizskij yazyk* [Frisian language]. Kiev, 1984, 200 p.

УДК 81.2.2
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-20-32

Л. В. Озолия

Институт филологии СО РАН

**О непредикативных синтаксических структурах в тунгусо-маньчжурских языках:
атрибутивная конструкция в орокском языке**

В статье рассматриваются вопросы структурной и компонентной организации атрибутивной (определяющей) конструкции в орокском языке. Традиционная структура атрибутивной конструкции – определение + определяемое в контактной позиции, связанные по типу примыкания – может варьироваться в зависимости от компонентного состава: грамматической квалификации определения (прилагательное качественное, относительное, обладания, местоимение-прилагательное, причастие-прилагательное, порядковое числительное-прилагательное) и определяемого (имя существительное, местоимение-существительное, причастие-существительное), порядка (препозиция или постпозиция определения относительно определяемого); типа синтаксической связи (примыкание и факультативно – неполное согласование прилагательных нескольких разрядов). Атрибутивные конструкции представлены двухкомпонентными и несколькими типами многокомпонентных: конструкциями с препозитивным и постпозитивным определением при одном определяемом и конструкциями с препозитивными определениями разных разрядов. К многокомпонентным отнесены также словосочетания с определением, одновременно входящим в атрибутивную и поссессивную (притяжательную) конструкции. Каждый компонент атрибутивной конструкции выступает в функции самостоятельного члена предложения: несогласованного или согласованного определения.

Ключевые слова: атрибутивная определяющая конструкция, имя прилагательное, определение, определяемое, препозиция, постпозиция, примыкание, неполное согласование.

Традиционно в языках, где наличествует грамматический класс прилагательных, атрибутивные отношения между именами выражаются лексико-синтаксическим способом: словосочетанием имени прилагательного в функции определения и имени существительного в функции определяемого, т. е. атрибутивной (определяющей) конструкцией. К грамматическому классу прилагательных в тунгусо-маньчжурских языках отнесены собственно прилагательные, причастия-прилагательные, местоимения-прилагательные и числительные-прилагательные: всем им присуще общеграмматическое значение атрибутивности, все они способны выступать в функции определений при именах существительных в составе атрибутивных конструкций.

Собственно прилагательные представлены в орокском языке качественными, относительными, притяжательными; местоимения-прилагательные – относительными, определяющими, указательными, вопросительными и возвратными. Причастия-прилагательные и порядковые числительные

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru, тел: +7-905-951-24-28.

прилагательные в качестве грамматических подразрядов входят в семантический разряд относительных прилагательных, так как выражают признаки предметов по их отношению к действиям или количественным представлениям.

В большинстве своем прилагательные в орокском языке, в отличие от прилагательных в эвенкийском, эвенском, нанайском и др., характеризуются неизменяемостью: им не свойственны категории падежа и числа, поэтому к определяемому они присоединяются по типу примыкания, связь находит выражение исключительно в порядке и обязательной контактной позиции компонентов определительного словосочетания. Исключение составляют качественно-характеризующие прилагательные и прилагательные обладания, допускающие согласование по числу, присоединяемые к определяемому по типу неполного согласования. Множественное число прилагательных выражается теми же суффиксальными показателями, что и число существительного: это суффиксы *-л* или *-сал ~ -сол ~ -сел*. В отличие от категории числа имен существительных, число прилагательных носит сугубо согласовательный характер, определяется числом имени существительного, как заметил В. А. Аврорин, «как бы копирует его» [Аврорин, 1981, с. 54].

Особенности синтаксической системы орокского языка обусловлены категориальными характеристиками элементов его структуры. Фактически компонентами предложения в большей степени выступают синтаксические конструкции, нежели морфологические единицы, что объясняется характеристиками грамматической системы тунгусо-маньчжурских языков, например, в сравнении с русским.

Общеграмматическим значением имен прилагательных является атрибутивность, что определяет их синтаксические функции: они традиционно выступают в роли определений при словах субстантивной семантики, обозначая статические признаки – в функции определений в атрибутивной конструкции, выражая динамические признаки – в роли именной части сложного сказуемого в предикативной конструкции.

В атрибутивной или определительной конструкции для имени прилагательного регулярно препозиция относительно определяемого существительного. Исключение составляют прилагательные обладания и определительные местоимения-прилагательные, которые обычно помещаются в постпозицию.

В предикативной конструкции в функции части сказуемого прилагательные могут занимать исключительно постпозицию относительно определяемого, причем, это обычно позиция абсолютного конца предложения. Фактически всякая атрибутивная конструкция в орокском языке легко может быть преобразована в предикативную.

Примеры:

Гој анани-ду сагзи гилэуэ буччини.

Гој *анани=ду* *сагзи* *гилэуэ* *бу=ччи=ни.*
Прошлый =Pron год =LocI/Sg старый=Adj нивх=N/Sg умереть=Past-3Sg

В прошлом году старый нивх умер (В).

Тари мапа сагзи биччини.

Тари *мапа* *сагзи* *би=ччи=ни.*
Тот-Pron старик=N/Sg старый=Adj быть=Past-3Sg

Старик был старым (букв.: старый был) (В).

Традиционная атрибутивная конструкция в орокском языке – словосочетание, в котором препозитивное определение-прилагательное занимает контактную позицию, всегда обозначает статический признак, отношения между членами конструкции носят атрибутивный характер и оформляются преимущественно по типу примыкания, допуская в отдельных случаях неполное согласование в числе.

Примеры:

Ситэу улбахулба путтэтэчки гатчимби.

Ситэу *улбаху=л=ба* *путтэ=тэчки* *га=тчим=би.*
Новый=Adj рубаха=Acc/Pl ребенок=Dat/Poss-refl.Sg купить=Past-1Sg

Я новые рубашки своим детям купила (В).

Тончи зи гэлбу-лу нарисал чуп буччичи.

Тончи=зи *гэлбу=лу* *нари=сал* *чуп* *бу=ччи=чи.*
Тончи=Instr/Sg имеющий имя=Adj/Sg человек=N/Pl полностью умереть=Past-3Pl

Зовущиеся тончи люди совсем все вымерли (Пил).

Структура атрибутивной конструкции в орокском языке варьирует незначительно: это пре- или постпозиция позиции определения относительно определяемого. Прилагательные обладания обычно занимают постпозицию, но допускают и препозицию при развертывании конструкции обладания или наличии препозитивного определения при определяемом.

Примеры:

Гедда дукуду Педанзи гэлбулу нари битчини.

Гедда дуку=ду Педан=зи гэлбу=лу нари би=тчи=ни.

Один дом=LocI/Sg Педа=Instr/Sg имеющий имя=Adj/Sg человек жить=Past-3Pl

В одном доме жил человек, которого звали Петя (букв.: в одном доме Петей называемый мужчина жил) (В).

Исключительно постпозицию в составе атрибутивной конструкции занимают также определения, выраженные местоимением-прилагательным *мэнэ* ~ *мэн* 'сам, сама, само', не дифференцируемым в отношении числа.

Примеры:

Хол'дохо мэнэ зимбэ сэпнэ гатчини.

Хол'дохо мэнэ зим=бэ сэпнэ га=тчи=ни.

Хольдохо сам=Adj четыре=Acc соболь=Acc/Sg добывать=Past-3Sg.

Сам Хольдохо четырех соболей добыл (П).

Би мэнэ ча амбамба варилахамби.

Би мэнэ амбам=ба ва=ри=ла=хам=би.

Я сам=Adj черт=Acc/Sg убить=Futur-1Sg

Я сам убью этого черта (Пил).

Бу мэнэ сиромбо вауану бакка.

Бу мэнэ сиром=бо ва=га=ну бакка.

Мы сами=Adj дикий олень=Acc/Sg убить=Past-3Pl тоже.

Мы сами тоже убили дикого оленя (В).

Частнограмматические характеристики второго компонента атрибутивной конструкции – имени существительного – определяются его функциональным статусом в предложении. Определяемое имя допускает форму любого падежа и числа, входя в качестве зависимого или независимого члена в другие непредикативные или предикативные структуры в синтаксической роли подлежащего, дополнения или определения.

Примеры:

Тар авланду мапануни нучи бојомбо итэхэни.

Тар авлан=ду мапа=ну=ни нучи бојом=бо итэ=х=эни.

Та поляна=LocI/Sg старик=Poss3Sg маленький медведь=Acc/Sg видеть=Past-3Sg

На той поляне ее муж медвежонка (букв.: маленького медведя) увидел (Н).

Горо <нѳни> тари самасал дуку-чи нава-ккѳ-ни итэчихэни.

Горо тари сама=сал дуку=чи нава=ккѳ-ни итэ=чи=хэ=ни.

Долго тот=Adj шаман=Pl дом=Poss3Pl окно=Prol/Poss3Sg смотреть=Past-3Sg

Долго он в окно дома тех шаманов (букв.: те шаманы дом=их окно=его) смотрел (Н).

В орокском языке в атрибутивной конструкции используются такие виды синтаксической связи, как примыкание и неполное согласование. Неполное согласование компонентов не носит регулярного характера и выражается в факультативном уподоблении зависимого слова (определения) главному (определяемому) в числе (категория числа носит согласовательный характер, распространяется на прилагательные обладания) или падеже (при определении, выраженном количественным числительным-существительным), которое квалифицируется как приложение.

Примеры:

Чотчи луча нарисал гудакталул синдауачи.

Чотчи луча нари=сал гудакта=лу=л синда=га=чи.

Потом русский=Adj/Sg мужчина=N/Pl имеющие бороду=Adj/Pl прийти=Past-3Pl

Потом русские мужчины с бородами (имеющие бороды) пришли (В).

Гудактавна нарисал луча нарисал битчичи.

Гудактавна нари=сал луча нари=сал би=тчи=чи.

Бородатый=Adj/Sg мужчина=N/Pl русский=Adj/Sg мужчина=N/Pl быть=Past-3Pl

Бородатые мужчины были русскими (букв.: бородатые мужчины русские мужчины были) (Н).

Нони зимбэ сэпнэвэ гатчини.

Нони зим=бэ сэпнэ=вэ га=тчи=ни.
Он=Pron/3Sg четыре=Acc/Sg соболь=Acc/Sg добыть=Past-3Sg
Он четырех соболей добыл (П)

Определяемое в притяжательной конструкции – это всегда слово субстантивной семантики, способное выступать как носитель некоего признака, выраженного определением. В функции определяемого в атрибутивной конструкции в орокском языке могут выступать преимущественно собственно имена существительные (нарицательные и собственные); с определенными ограничениями – личные местоимения-существительные (только в сочетании с определительным местоимением-прилагательным *мэнэ* ~ *мэн* ‘сам, сама, само’ [ССТМЯ, I, с. 568]) и активные причастия-существительные (при определениях, выраженных указательными или определительными местоимениями-прилагательными). Причастия-существительные в роли определяемого атрибутивной конструкции в орокском языке используются преимущественно в форме именительного падежа, заполняя в предложении позицию подлежащего, но допустима позиция дополнения.

Примеры:

Си мэнэ мокке капав!

Си мэнэ мо=кке капа=в!
Ты сам дерево=Prolativ/Sg взбираться=Imp-2Sg
Ты сам на дерево влезь! (В).

Тар тутаха(н) зин даи битчи(н), эдэчи битчи(н).

Тар туту=ха(н) зин даи би=тчи=ни эдэ=чи
Тот убежавший=PP-Past очень большой-Adj быть=Past-3Pl царь=Poss3Pl
би=тчи=ни.
быть=Past-3Pl
Тот убежавший был очень велик, их царь был (П).

К конструкциям с качественным прилагательным в орокском языке отнесены конструкции с определениями, лексическое значение которых собственно называет признак, который может проявляться с разной степенью интенсивности. Определения, выраженные качественными прилагательными, всегда занимают препозицию и присоединяются по типу примыкания (за исключением качественных прилагательных размера и величины), независимо от того выступают ли они в основной (начальной) форме или форме сравнительной (превосходной) степени.

Примеры:

Кэлдэру эвэчэмбэ дэпурсэри, чоччи акпаттари.

Кэлдэру эвэчэм=бэ дэпун=ссэри чоччи акпан-ттари.
Пестрый=Adj собака=Acc/Sg кормить=FuturII-2Sg потом ложиться спать=FuturII-2Sg
Пеструю собаку накорми, а потом ложись спать (Н).

Нэлэ бују, мут-тэј эззе синда!

Нэлэ бују му=ттэј эззе синда!
Страшный=Adj зверь мы=Dat/Sg прийти=Neg/Imp-2Sg
Страшный зверь, к нам не приходи! (Пил).

Качественные прилагательные, характеризующие предмет по размеру или величине, допускают присоединение к определяемому по типу неполного согласования в числе. Оно не носит регулярного характера, реализуется преимущественно при определяемом в синтаксической позиции подлежащего, когда характеристика по размеру или величине требует актуализации, средством которой в этом случае выступает такое согласование определения и определяемого.

Примеры:

Ча гасанду даи-л дуку-л, гугда-л нэвлэ-л биччици.

Ча гасан=ду даи=л дуку=л гугда=л нэвлэ=л
Тот селение=LokI большой=Adj/Pl амбар=Pl высокий=Adj/Pl вешала для рыбы
би=ччи=чи.
быть=Past-3Pl

В том селении были большие дома, высокие вешала для рыбы (Н).

Единственное качественное прилагательное в орокском языке *орки(н-)* ‘плохой (старый, больной, слабый, глупый, некачественный и т.п.)’, традиционно квалифицируемое либо как «имя качества», либо как лексическая единица с синкретичной основой (ср. *орки(н-)* 1. плохой; 2. плохо; 3. несчастье, неприятность; нечто неприятное, плохое), допускает в орокском языке согласование с определяемым в форме падежа, по мнению Т. И. Петровой, вероятно, «... под влиянием языков северной группы – эвенкийского или эвенского» [Петрова, 1967, с. 55]. Кроме форм винительного падежа, других согласовательных падежных форм этого прилагательного не отмечено.

Примеры:

Нарисал синдауаччерри оркимба амбамба вауачи.

Нари=сал синда=уачче=ри орким=ба амбам=ба ва=уа=чи.

Человек=PI приход= Simul/PI плохой=Acc черт=Acc/Sg убить=Past-3PI

Пришли мужчины и убили злого (плохого) черта (В).

Тар соримари, оркимба нарре эси вара битчичи.

Тар сори=ма=ри орким=ба нарре эси вара би=тчи=чи.

Так при вражде=Simul/PI плохой=Acc человек=Acc/PI убить=Neg-3PI

Так, враждуя, они плохих (слабых, ничем не примечательных) людей не убивали (II).

Конструкции с определениями – относительными прилагательными, обозначающими признак по материалу, характеристику по способу действия, временные и количественные признаки, в функции определения допускают исключительно препозицию относительно определяемого, всегда присоединяются по типу примыкания.

Примеры:

Болори натта-л-бари нарисалтај бурилээту.

Болори натта=л=ба=ри нари=сал=тай бу=ри=лэ=уэ=ту.

Осенний=Adj шкурка=Acc/Poss3PI человек=Dat/PI отдать=Futur-1PI

Осенние шкурки мы отдадим мужчинам (H).

Мэнуэмэ сирэмбэ эззе гада!

Мэнуэмэ сирэм=бэ эззе гада!

Серебряный=Adj серьги=Acc/Sg покупать= Neg/Imp-2Sg

Серебряные серьги ты не покупай (В)!

Особенности конструкций с определениями – прилагательными обладания определяются семантикой самих прилагательных этого разряда, обозначающих отыменной признак по принадлежности, то есть принадлежность того, что названо их производящей основой тому, кто выступает их обладателем (то есть определяемому). Присоединяемый к основе имени существительного суффикс обладания *-лу* придает образованному прилагательному значение ‘имеющий то, что названо основой; обладающий тем, что названо основой’, например: *нуттэ-лу* ‘имеющий ребенка’ (букв.: ‘детный’), *дукулу* ‘имеющий дом’ (букв.: ‘домный’) и т. п.

Как отмечала Т.И. Петрова, особенностью прилагательных обладания является их способность присоединять «пояснительные слова ... (указывающие, каков предмет обладания или сколько их) в форме творительного падежа» [Петрова, 1967, с. 56]. Поводом для причисления этих слов к падежным формам послужило их внешнее совпадение с формой творительного падежа существительных.

Так как в функции обстоятельства при определении-прилагательном довольно регулярно выступает присоединяемое по типу примыкания качественное наречие (обычно из тех лексических единиц, которые характеризуются синкретичной основой), то, по мнению Б. В. Болдырева [2007, с. 759], справедливо было бы квалифицировать форму с суффиксальным показателем *-зи* как наречие. На материале орокского языка В. А. Аврорин и Б. В. Болдырев подчеркивали: «... если прилагательное обладания выступает в предложении в роли определения, то к нему может примыкать <только> наречие, оформленное суффиксом *-зи*», т.к. «... суффикс *-зи..* в составе наречий ... является их формальным признаком» [Аврорин, Болдырев, 2001, с. 122].

В пользу не падежного, а скорее словообразовательного значения суффикса *-зи* при присоединении к основам прилагательных в синтаксической позиции обстоятельства при определениях в составе атрибутивной конструкции, говорит тот факт, что, во-первых, в орокском языке наличествует такая словообразовательная модель: от основы качественного прилагательного суффикс *-зи* образует наречие, во-вторых, параллельно в этой же позиции может выступать форма непроизводного однокоренного наречия с тем же значением.

Примеры:

Чаду ду ситто бичи: гида сэгдэн-зи муллу, гида – тагдан-зи муллу.

Чаду ду ситто би=чи гида сэгдэн=зи гида тагдан=зи
Там два бочка=Acc/Sg быть=Past=3Pl один красно(й)=Adv один бело(й)=Adv
му=лу.

воду имеющий (букв.: воду имеющий)

Там есть две бочки: одна с красной водой, другая – с белой водой (букв.: одна бочка красно=водная, другая – бело=водная) (П).

Чотчи Гэвхэту тагда мулу ситтот-тои хиндахани.

Чотчи Гэвхэту тагда му=лу сито(н)=тои хинда=ха=ни.
Потом=Adv Гэвхэту бело(и)=Adv воду имеющий=Adj бочка=Dat/Sg подойти=Past-3Sg
Потом Гэвхэту подошел к бочке с белой водой (букв.: бело=водной бочке) (Н).

Совершенно иная ситуация наблюдается в орокском языке в случае присоединения суффикса *-зи* к основе имени существительного в позиции препозитивного компонента при прилагательном обладания-определении в атрибутивных конструкциях. Такая словоформа выступает при прилагательном обладания в функции преимущественно не факультативного, а обязательного, необходимого в семантическом плане компонента.

Формально такой элемент конструкции обладания, в роли которого выступает, например, количественное числительное-существительное или имя собственное, «разворачивающий» определение, выраженное прилагательным обладания, не может быть ни по семантическим, ни по грамматическим основаниям приравнен к наречию: он сохраняет лексическое значение существительного и его грамматические признаки – показатель падежа *-зи*. Тонко подмеченная Т. И. Петровой необходимость, обязательность этого компонента при прилагательных обладания, требующих индивидуализации или конкретизации, например, количественного или качественного уточнения (<ду-зи> *пурилу* ‘имеющий детей’ – сколько? <двух>; *гэлбуллу* ‘имеющий имя’ – какое? и т. п.) в орокском языке свидетельствует о более тесной, нежели в первом случае, связи между прилагательным обладания и дополняющим, уточняющим его семантику компонентом [Петрова, 1968, с. 151]. При присоединении суффикса *-зи* к основе существительного, в том числе имени собственного, словоформа может быть квалифицирована исключительно как форма творительного падежа (при понимании падежа исключительно как формы, управляемой глаголом, – как форма с «омертвевшим» показателем творительного падежа [Аврорин, 1981, с. 30]). Квалифицировать это имя существительное как наречие было бы абсолютно неверно: во-первых, формы творительного падежа в орокском языке не адвербиализуются, во-вторых, данная словоформа выступает в предложенном контексте в функции не факультативного, а семантически обязательного компонента.

С одной стороны, эти определения можно было бы квалифицировать как двухкомпонентные или составные, но это не снимает вопроса о статусе компонентов и не отражает реального характера отношений между ними. На наш взгляд, двухкомпонентные прилагательные обладания в орокском языке можно рассматривать как аналитические формы, что подтверждается их семантикой и функционированием в предложении в качестве неделимого целого (доминирующим носителем лексического значения является первый компонент – имя собственное или числительное-существительное, – лексическое значение прилагательного обладания как бы «стирается», отступает на второй план, выступает скорее, как показатель грамматического класса).

Примеры:

Мапа Налма-зи гэлбулу нари-тај учини.

Мапа Налма=зи гэлбу=лу нари=тај у=ччи=ни.
Старик Налма=Instr/Sg имеющий имя=Adj человек=Dat/Sg сказать=Past-3Sg
Старик человеку по имени Налма (букв.: зовущемуся Налмой, Налмой именуемому) сказал (В).

Мангасал дузи зилилу амбамба ваҕачи.

Манга=сал ду=зи зили=лу амбам=ба ва=ҕа=чи.
Богатырь=Pl два=Instr головами обладающий=Adj черт=Acc/Sg убить=Past-3Pl
Богатыри двухголового (букв.: двумя головами обладающего) черта убили (В).

Такие прилагательные обладания в аналитической форме в составе атрибутивной конструкции нейтральны в отношении числа, связываются с определяемыми существительными по типу примыкания, обычно занимая препозицию.

Исключение составляют прилагательные обладания в функции постпозитивного определения в составе трехчленной атрибутивной конструкции, когда препозицию уже занимает определение, выраженное прилагательным другого грамматического разряда.

Примеры:

Пурэнду тар сагзи мапа ниндалу, меокчалу гедда нарре бахани-тани.

Пурэн=ду тар сагзи мапа нинда=лу меокча=лу
 Тайга=LocI тот старый=Adj старик=N/Sg собаку имеющий=Adj ружье имеющий=Adj
 гедда нарре ба=ха=ни
 один человек=Acc встречать=Past-3Sg

В лесу тот старый (=немогущий) старик с собакой и с винтовкой одного человека встретил (H).

Эр мапа ниндалу, мевчалу синдахани.

Эр мапа нинда=лу мевча=лу синда=ха=ни.
 Этот=Adj старик собаку имеющий=Adj ружье имеющий=Adj прийти=Past-3
 Этот старик с собакой и с ружьем пришел (B).

Прилагательные не-обладания в орокском языке представлены преимущественно аналитическими формами: они образуются присоединением к прилагательному обладания отрицательной постфиксальной частицы *ана* 'не, без', суффикс обладания *-лу* в соответствии с законом гармонии гласных выступает в этом случае в своих фонетических вариантах *-ла ~ -лэ*, например: *путтэлэ ана* 'бездетный', *дукула ана* 'бездомный'.

Относительно регулярно из-за совпадения конечного гласного суффикса *-ла* и начального гласного частицы *ана* 'без, не' происходит стяжение гласного *a*, в результате наряду с аналитическими формами в орокском языке развиваются синтетические формы прилагательных не-обладания, например: *асил'ана < асила ана* 'холостой' (букв.: жены не имеющий, неженатый) [ССТМЯ, I, с. 55]; *мурул'ана ~ мурула ана < мурула ана* 'глупый, неразумный' (букв.: неумный, ума не имеющий) [ССТМЯ, I, с. 558].

При определяемом, занимающем в предложении позицию подлежащего, прилагательные не-обладания, подобно прилагательным обладания, допускают постпозицию по отношению к определяемому-существительному, если препозиция уже «занята» другим определением.

Примеры:

Тари нари асил'ана (<асила анна) сагзи эччин биэ.

Тари нари асил'ана сагзи э=ччи=ни(и) би=э.
 Тот=Adj мужчина жены не имеющий=Adj старый быть=Neg/Past-3Sg
 Тот холостой (неженатый) мужчина был не стар (B).

Конструкции с определениями, выраженными причастиями-прилагательными, отличаются от атрибутивных конструкций с собственно прилагательными незначительно. Отличия сводятся к тому, что определение, выраженное причастием-прилагательным, может иметь при себе управляемое имя существительное, выполняющее функцию обстоятельства места, времени, причины, и занимает исключительно постпозицию относительно определяемого. Одиночные определения, выраженные причастиями-прилагательными, в составе определительной конструкции присоединяются к определяемому по типу примыкания и занимают относительно него препозицию, как и определения – собственно прилагательные.

Примеры:

Ночи, городу хинзесали, алиуачи.

Ночи городу хинзе=сал(и) али=уа=чи.
 Они издалика пришедший=Adj/Pl устать=Past-3Pl
 Они, издалика пришедшие, устали (П).

Конструкции с определениями, выраженными относительными местоимениями-прилагательными, достаточно многочисленны. В невопросительных атрибутивных конструкциях местоимения-прилагательные *хай-да ~ хаи-да* 'какой-либо, какой-нибудь, какой-то (о предмете, животном)' и *нуј-да ~ нуи-да* 'какой-либо, хоть какой (о человеке)' квалифицируются как относительные. В функции определения эти прилагательные всегда занимают препозицию и присоединяются к определяемому существительному по типу примыкания.

Примеры:

Нуж-да нари-тај сэвэм-би (вин. п., ед. ч.) бухэни, билэрэ.

Нуж=да нари-тај сэвэм=би бу=хэ=ни билэрэ.
 Какой-то=Adj человек=Dat/Sg божок=Acc/PossSg отдать=Past-3Sg наверное
 Своего божка-сэвэна он какому-то человеку отдал, наверное (Н).

В отрицательных конструкциях относительные местоимения-прилагательные квалифицируются (преимущественно на основании перевода) как отрицательные местоимения-прилагательные, хотя в действительности для орокского языка двойное отрицание не характерно, в отрицательных конструкциях в функции определений используются те же относительные местоимения.

Примеры:

Долбоду хай-да бууата эпүлэ итэптэ.

Долбо=ду хай=да бууата эпүлэ итэ.
 Ночью=Adv никакой (букв.: какой=то) остров невидимый=Adj
 Ночью никакой остров не виден (букв.: какой-либо остров невидимый <есть>) (Н).

Атрибутивные конструкции с определительными местоимениями-прилагательными, дифференцируются на основании регулярной позиции определения по отношению к определяемому и представлены словосочетаниями с препозитивными и постпозитивными определениями, присоединяемыми по типу примыкания. Определения, выраженные местоимениями-прилагательными *хатчи* ~ *хаччи* 'разный', *гој* ~ *гои* 'иной, другой', *гаксе* 'другой, второй (из парных предметов)' всегда занимают препозицию относительно определяемого.

Примеры:

Лэккэни гаксе совони аптухани.

Лэккэ=ни гаксе со=ва=ни апту=ха=ни.
 Стрела=N/Poss3Sg другой=Adj конец=Acc/Poss3Sg достигать=Past-3Sg
 Его стрела достигла другого конца <берега реки> (П).

Определения, выраженные местоимением-прилагательным *чипал* ~ *чипали* ~ *чупал* 'весь, вся, всё', *гэм* 'весь, вся, всё', *мэнэ* ~ *мэн* 'сам, сама, само' регулярно помещаются в постпозицию по отношению к определяемому-существительному, но местоимение-прилагательное *чипал* ~ *чипали* ~ *чупал* 'весь, вся, всё' допускает и препозицию.

Примеры:

Аче тэлини чипали абулихани.

Аче тэли=ни чипали абули=ха=ни.
 Мышка запас=N/Poss3Sg весь=Adj кончатся=Past-3Sg
 У мышки весь запас кончился (букв.: мышка запас-ее весь) (В).

Ча сундатталба гэм газиви.

Ча сундатта-л=ба гэм га=зи=ви.
 Тот=Adj рыба=Acc/Pl полностью купить=Pres-1Sg
 Всю ту рыбу я покупаю (букв.: тех рыб я полностью покупаю) (Н).

Конструкции с определениями, выраженными вопросительными местоимениями-прилагательными, используются в составе вопросительных предложений. Такие определения всегда помещаются в качестве вопросительного слова в начало предложения и занимают препозицию относительно определяемого. В препозиции относительно такого определения может находиться только указательное местоимение-прилагательное *эри* ~ *эр* 'этот, эта, это, эти'. Атрибутивные конструкции с вопросительными местоимениями в функции определения формируют коммуникативную установку частного-вопросительного предложения в целом.

Примеры:

Хайни ула-зи (тв. п. ед. ч.) си нэннелэси?

Хайни ула=зи си нэнне=лэ=си?
 Чей=Adj олень=Instr/Sg ты=Pronom/2Sg ехать=Futur-2Sg
 На чем олене (букв.: чьим оленем) ты поедешь? (В).

Эри хай амбани гасамбану манахани-га?

Эри хай амба=ни гасам=ба=ну мана=ха=ни?
 Этот=Adj какой=Adj злая сила=N/Poss3Sg селение=Acc/Poss1Pl уничтожить=Past-3Sg
 Это какая злая сила уничтожила наше селение? (П).

Конструкции с определениями указательными местоимениями-прилагательными, всегда занимающими препозицию, присоединяются к определяемому по типу примыкания, т.к. указательные местоимения в орокском языке нейтральны в отношении формообразования.

Примеры:

Тари мангасал мэргэсэл соррилууачи.

Тари манга=сал мэргэ=сэл сорри=лу=га=чи.
 Тот=Adj могучий=Adj/Pl силач=Pl начать бороться=Past-3Pl
 Те могучие силачи стали бороться (Пил).

Атрибутивные конструкции с определениями порядковыми числительными-прилагательными также характеризуются регулярной препозицией определения относительно определяемого, субстантивная семантика которого «... обозначает порядковый (нумеративный) признак предмета, определяя его место в ряду других» [Аврорин, Болдырев, 2001, с. 237]. Определение вследствие его семантических особенностей нейтрально в отношении числа и примыкает к определяемому-существительному, допускающему любую падежную форму.

Примеры:

Тари мапа гедзе нари-тај унзани: «Давав!».

Тари мапа гед=зе нари-тај ун=зи=ни: «Дана=в!».
 Тот=Adj старик первый=Adj мужчина=Dat/Sg говорить=Pres-3Sg брат=Imp-2Sg
 Тот старик первому мужчине говорит: «Бери!» (В).

Атрибутивные конструкции с определениями количественными числительными встречаются крайне редко, но представлены двумя типами: определение согласуется с определяемым в форме падежа (квалифицируется как приложение) и определение (а не определяемое!) принимает форму падежа, в этом случае определяемое примыкает к определению. Определения, выраженные количественными числительными-существительными, отмечены только в формах винительного падежа.

Примеры:

Мама дубэ апумбэ гандахани.

Мама ду=бэ апум=бэ га=нда=ха=ни.
 Старуха два=Acc шапка=Acc пойти купить=Past-3Sg
 Старуха пошла и купила две шапки (П).

Омболотто иламба сэпнэ вахани.

Омболотто илам=ба сэпнэ ва=ха=ни.
 Омболотто три=Acc соболев убить= Past-3Sg
 Омболотто трех соболев убил (П).

В орокском языке достаточно широко распространены многокомпонентные (трехкомпонентные и четырехкомпонентные) определительные конструкции. В трехкомпонентных конструкциях при одном определяемом отмечаются два определения, такие конструкции представлены несколькими типами.

В конструкциях первого типа одно определяемое одновременно входит в состав двух определительных словосочетаний: первое словосочетание с препозитивным определением, выраженным качественным или относительным прилагательным любого разряда, в том числе местоимением-прилагательным и числительным-прилагательным; второе – с постпозитивным определением – прилагательным обладания или при определяемом местоимении-существительном – определительным местоимением-прилагательным.

Примеры:

Чун би золосу бууатам-ба мосол'ана итэхэмби.

Чун би золо=су бууатам=ба мо=сол=ана итэ=хэм=би.
 Вдруг я скалистый=Adj остров=Acc/Sg не имеющий деревьев=Adj видеть=Past-3Sg

Вдруг я увидел скалистый голый (безлесый) остров (букв.: скалистый лишенный деревьев остров) (Н).

Тари нари иландо ананинулу этэ даруни хотт-тој нэннени.

Тари нари илан=до анани=ну=лу этэ даруни хотто=тој
 Тот=Adj мужчина тридцать имеющий лет=Adj женщина из=за город=Dat/Sg
 нэнне=ни.
 ехать=Pres-3Sg
 Тот тридцатилетний мужик уезжает в город из-за женщины (В).

В конструкциях второго типа определения, выраженные качественным и относительным прилагательными, занимают препозицию относительно определяемого, причем, относительное прилагательное обычно предшествует качественному, указательное местоимение-прилагательное и числительное-прилагательное предшествуют качественному или относительному прилагательному. Следует отметить, что подобные конструкции встречаются в орокском языке чрезвычайно редко.

Примеры:

Гороччи мома хун'ази силлом=бо дэпувки биви.

<i>Гороччи</i>	<i>мо=ма</i>	<i>хун'а=зи</i>	<i>силлом=бо</i>	<i>дэп(у)=вки</i>
Старинная=Adj	деревянная=Adj	ложка=Instr/Sg	суп=Acc/Sg	едящая=PP-Sg я
<i>би=ви.</i>				
быть=Pres-1Sg				

Я всегда ем суп деревянной старинной (давнишней) ложкой (В).

Определения-прилагательные в многочленных комбинированных словосочетаниях, состоящих из определительной и притяжательной конструкций, в которых в функции определяемого выступает одно имя существительное, занимают относительно него позицию в соответствии со своим морфологическим статусом. Определения, выраженные собственно прилагательными, «разрывают» притяжательную конструкцию, занимая препозицию относительно определяемого существительного. Определения, выраженные порядковым числительным-прилагательным, занимают постпозицию относительно притяжательно-оформленного определяемого, препозицию по отношению к которому занимает определение притяжательной конструкции. Определения, выраженные прилагательными обладания / не-обладания, также занимают постпозицию относительно определяемого, одновременно являющегося определяемым притяжательной конструкции и т. д.

В многочленных (трехкомпонентных, четырехкомпонентных) атрибутивных конструкциях эти модели выступают в различных комбинациях. В комбинированных (атрибутивно-притяжательных) конструкциях атрибутивное словосочетание с постпозитивным или с препозитивным определением может «вклиниваться» в притяжательную (поссесивную) конструкцию.

Примеры:

Мама бутчи мапанулу абдулбани дэгдэлэ=ндэ=тэ=хэ=ни.

<i>Мама</i>	<i>бутчи</i>	<i>мапануби</i>	<i>чипал</i>	<i>абду=л=ба=ни</i>	<i>дэгдэлэ=ндэ=тэ=хэ=ни.</i>
Старуха	умерший=Adj	муж=Poss1Sg	весь=Adj	вещи=Acc/Poss3S	сечь пойти со- браться=Past-3Sg

Старуха умершего мужа своего все вещи собралась пойти сечь.

В орокском языке могут быть выделены 4 модели двучленной определительной конструкции, структура которых варьируется в зависимости от позиции определения относительно определяемого и типа синтаксической связи (примыкание или неполное согласование):

I тип – определение в основной форме + определяемое в форме любого падежа (связь – примыкание):

улинга мамача ‘добрая старушка’;

улинга мамача=тај (направит.-дат п. ед. ч.) ‘доброй старушке <сказать>;’;

улинга нари=сал=ба (вин. п. мн. ч.) ‘добрых людей <увидеть>;’;

II тип – определение в согласовательной форме числа + определяемое в форме любого падежа и числа (связь – неполное согласование):

ситэу=л дуку=сал=ду (местн. I п. мн. ч.) ‘в новых домах’;

нари=сал ула=ку=л ‘олений имеющие мужчины’

III – определяемое в форме любого падежа и числа + определение в основной форме (связь – примыкание):

нари=сал чипали ‘все люди’;

куји=ндэ (совместн. II. ед. ч.) *асил'ана* <синдахани> ‘с айну, не имеющим жены <пришел>;’;

IV тип – определяемое в форме любого падежа и числа + определение в согласовательной форме числа (связь – неполное согласование):

эни=л эзи=лу=л ‘замужние женщины (букв.: женщины, мужей имеющие)’.

Выводы

1. Атрибутивная или определительная конструкция – это словосочетание, выражающее атрибутивные отношения между именем прилагательным в функции определения и именем существительным в функции определяемого, связанными по типу примыкания или неполного согласования. Средством выражения атрибутивных отношений является жесткий порядок слов: определение традиционно занимает препозицию относительно определяемого

2. Для определения и определяемого в определительной конструкции обязательна контактная позиция.

3. Определение в атрибутивной конструкции обычно выражено именем прилагательным, большинство имен прилагательных в орокском языке нейтрально в отношении формообразования. Прилагательные грамматических разрядов качественных и обладания могут выступать в формах множественного числа, категория числа носит согласовательный характер.

4. В функции определения в атрибутивной конструкции могут выступать имена прилагательные грамматических разрядов собственно прилагательных (качественных, относительных и притяжательных), прилагательных обладания / необладания (в синтетических и аналитических формах), причастия-прилагательные, местоимения-прилагательные семантических разрядов определительных, указательных, относительных и вопросительных; порядковые числительные-прилагательные и количественные числительные-существительные.

5. В функции определяемого в определительной конструкции могут выступать слова грамматического класса имени существительного: собственно существительные, личные местоимения-существительные (при определении, выраженном определительным местоимением-прилагательным *мэнэ* ~ *мэн* 'сам, сама, само'), действительные причастия-существительные (при определении, выраженном указательным или определительным местоимением-прилагательным).

6. В орокском языке могут быть выделены 4 модели двухкомпонентной определительной конструкции, структура которых варьируется в зависимости от позиции определения относительно определяемого и типа синтаксической связи (примыкание и неполное согласование):

7. Функция определения в атрибутивной конструкции – характеристика предмета, определение может выражать только признак предмета. Оно всегда является зависимым, подчиненным членом конструкции. Определяемый компонент (имя существительное) может быть зависимым или независимым членом предложения, т. к. определение может относиться к подлежащему, дополнению, а также обстоятельству, если оно выражено именем существительным в падежной форме.

Список литературы

- Аврорин В. А.* Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. 196 с.
Аврорин В. А., Болдырев Б. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2001. 399 с.
Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 746 с.
Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.
Петрова Т. И. Орокский язык // Языки народов СССР. Л., 1968. Т.V. С. 149–171
Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. I. 672 с.; 1977. Т. II. 992 с. [ССТМЯ].

Список источников

- В – материалы из Архива Л. Озолиной, записанные в с. Вал Ногликского района Сахалинской области в 1989-2005 гг. (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
Н – материалы из Архива К. А. Новиковой, записанные в с. Вал Восточно-Сахалинской области в 1949 году (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
П – «Тексты и переводы», взятые из книги Т. И. Петровой «Язык ороков (ульта)». Л.: Наука, 1967. 156 с.
Пил. – материалы Б. О. Пилсудского, взятые из книги «The Orok (Uilta) Grammar and Texts» // Materials for the Study of the Orok (Uilta) Language and Folklore. V. 4. The Collected Works of the Bronislaw Pilsudski. Stenszew, PEOS, 2002, pp. 1–79.

Список условных обозначений и сокращений

Acc – винительный падеж;
Adj – прилагательное;
Adv – наречие;
Dat – направительно-дательный падеж;
Imp – повелительное наклонение;
Instr – творительный падеж;
Futur I (II) – будущее I (II) время;
Loc I (II) – местный I (II) падеж;
N – номинативный падеж;
Neg – отрицательная форма глагола;
Past – прошедшее время;
Pl – единственное число;
Poss – лично-притяжательный суффикс;
Poss-refl – возвратно-притяжательный суффикс;
Pres – настоящее время;
Prol – продолжный падеж;
Pron – местоимение;
Simult – симультив;
Sg – единственное число;
1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо.
букв. — буквально;
и др. — и другие;
орок. — орокское (слово);
рус. — русское (слово);
ср. — сравни,
см. — смотри.

L. V. Ozolinya

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
larisa-3302803@rambler.ru

On non-predicative syntactic structures in the Orok language

The paper attempts to analyze and describe one of the types of the Tungusic attributive construction – an adjectival one. Its structural and componential features in the Orok language are discussed.

The traditionally viewed structure of the Tungusic attributive construction is as follows: an attribute [an adjective] + a modified component [a noun] being in a contiguous position and linked by concord [an adjective is characterized by the number and case categories] or by parataxis can vary depending on the component structure: the grammatical status of an attribute and a modified component, position (pre-position or post-position of an attribute relative to a modified component) and the syntactic linking type (concord or parataxis).

In Orok, qualitative, relative, possessive adjectives; pronominal adjectives, participial adjectives, adjective numerals used as attributes to a noun, a noun-pronoun, a noun-participle. can be used functioning as attributes. The position (pre-position or post-position) and any other type of syntactic linking (parataxis and optionally non-complete agreement) are determined by an attribute status (concord in number is possible in case of a number of attribute types and concord in case is controlled by ordinal noun-numerals). In Orok a pre-position attributive adjective is usually coded by a singular nominative case marker and non-complete number category concord covers adjectives in the syntactic position of post-position attributives or complex predicates in the predicative structure.

The attributive constructions are presented by a number of types: two component (an attribute + a modified noun) and multi-component constructions including a pre-position or post-position component used as an attribute to the same referent noun (an attribute + a modified noun + an attribute) and constructions involving other types of pre-position attributes (an attribute + an attribute + a modified noun). The multi-component constructions also include attributive noun phrases parallelly forming attributive and possessive constructions (an attribute [a noun] + a modified component [a possessively marked noun]), linked by a reflection syntactic type). Each attributive construction component has an independent syntactic function used either as an attribute not in concord or an attribute in concord.

Keywords: Orok language, attributive construction, adjective, attribute, modified phrase, preposition, postposition, parataxis, non-complete concord.

References

- Avrorin V.A. *Sintaksicheskie issledovanija po nanajskomu jazyku* [Syntactic studies of the Nanai language]. Leningrad, Nauka, 1981, 196 p.
- Avrorin V.A., Boldyrev B.V. *Grammatika orochskogo jazyka* [An Oroch grammar]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, 2001, 399 p.
- Boldyrev B.V. *Morfologija jevenkijskogo jazyka* [Evenki morphology]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 746 p.
- Petrova T.I. *Jazyk orokov (ul'ta)*. [The Orok [Uilta] language]. Leningrad, Nauka, 1967, 156 p.
- Petrova T.I. Orokskij jazyk [The Orok language]. In: *Jazyki narodov SSSR* [The languages of the USSR peoples]. Leningrad, 1968, vol. V, pp. 149–171.
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov* [The comparative dictionary of the Tungusic languages]. Leningrad, 1975, vol. I, 572 p.
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov* [The comparative dictionary of the Tungusic languages]. Leningrad, Leningrad, vol. II, 1977, 992 p.

УДК 811.512.151
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-33-44

А. А. Озонова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Система косвенных наклонений в грамматических исследованиях по алтайскому языку

В статье рассматриваются косвенные наклонения, зафиксированные в известных научных грамматиках алтайского языка: «Грамматике алтайского языка (1869), «Грамматике ойротского языка» (1940) Н. П. Дыренковой и «Грамматике современного алтайского языка. Морфология» (2017). Общим для этих грамматик является выделение повелительного, желательного и условного наклонений. Однако имеются различия в составе форм, относимых к конкретному наклонению, а также в определении их семантики. Отсутствие единства в выделении лично-числовых форм повелительного наклонения обусловлено, с одной стороны, с разной трактовкой семантики конкретной формы, с другой стороны, с языковыми изменениями происшедшими в языке.

Ключевые слова: алтайский язык, грамматика, категория наклонения, повелительное наклонение, желательное наклонение, условное наклонение.

Грамматическая система алтайского языка получила свое описание в трех научных грамматиках. Это «Грамматика алтайского языка» (1869), написанная членами Алтайской духовной миссии в середине XIX века, «Грамматика ойротского языка» (1940) Н. П. Дыренковой, изданная в середине XX века, и коллективная «Грамматика современного алтайского языка. Морфология» (2017), опубликованная в начале XXI века.

По мнению авторов «Грамматики алтайского языка» (1869), глагол «в соответствии времен, наклонений и других принадлежностей русского спряжения» имеют следующие формы: «1) повелительные, 2) деепричастия, 3) причастия, 4) повествовательные, 5) описательные, 6) предварительную и 7) нерешительную» [Грамматика, 1869, с. 61]. Они выделяют три косвенных наклонения: повелительное, предварительное (-*СА*) и нерешительное (-*Кай*) (таблица 1). Повелительную, нерешительную, повествовательную, наряду с описательной, авторы называют окончательными глагольными формами, «которыми оканчивается главное предложение, которые, следовательно, дают самостоятельность предложению» [Грамматика, 1869, с. 216]. Отмечается, что предварительная форма -*СА* служит «средством подчинения зависящих предложений» [Грамматика, 1869, с. 211]. Авторы грамматики дают довольно полное описание семантики выделенных ими форм и примеры их спряжения в положительном и отрицательном аспектах.

Н. П. Дыренкова, как и предшественники, вместо термина «наклонение» пользуется термином «форма глагола». Она также выделяет три косвенных наклонения: «повелительные формы, форма

Озонова Айяна Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: ajanao@mail.ru, тел. (383) 3308469.

желания, предварительная или условная форма» [Дыренкова, 1940, с. 155–170] (таблица 1). Особенность «Грамматики ойротского языка» Н. П. Дыренковой в том, что в ней помимо основных указываются формы, используемые в тех или иных диалектах или говорах, даются сведения о частоте употребления этих форм, возможности замены их другими формами. Наклонение, названное авторами «Грамматики алтайского языка» нерешительным, Н. П. Дыренкова рассматривает как желательное. Это оправдано, поскольку эта форма *-Кай* активно употребляется в значении желания. Форму на *-Са* она называет «предварительной или условной формой», используя название данное предшественниками и, в то же время, внося свое уточнение.

В «Грамматике современного алтайского языка. Морфология» (2017) выделены семь косвенных наклонений: повелительное, желательное, условное, уступительное, предположительное, сослагательное и наклонение возможного действия [ГСАЯ, 2017, с. 327–353]. В ней расширен список выделяемых для алтайского языка наклонений, внесены семантические уточнения, дополнены сведения об употреблении форм наклонений, отмечена такая особенность, как «присутствие в системе алтайского императива форм минимального и расширенного инклюзива», что характерно сибирским тюркским языкам и туркменскому [ГСАЯ, 2017, с. 340].

Таблица 1
Table 1

Состав косвенных наклонений в грамматиках по алтайскому языку Irrealis Moods in Altai Grammars

Грамматики / Косвенные наклонения	«Грамматика алтайского языка» (1869)	Н. П. Дыренкова «Грамматика ойротского языка» (1940)	«Грамматика современного алтайского языка. Морфология» (2017)
Повелительное	+	+	+
Желательное	+	+	+
Условное	+	+	+
Сослагательное	-	-	+
Уступительное	-	-	+
Предположительное	-	-	+
Возможного действия	-	-	+

Общим для трех научных грамматик алтайского языка является выделение следующих косвенных наклонений: повелительное, желательное и условное, которые будут рассмотрены в статье.

Повелительное наклонение (императив)

Известно, что среди косвенных наклонений императив занимает особое место по своей семантике, а также «формальной неоднородностью лично-числовой парадигмы» [Гусев, 2013, с. 15]. Категориальное значение императива – значение повеления. Исследователями императив 2-го л. признается каноническим, а все остальные лица – неканоническими [Aikhenvald, 2010].

Императив в алтайском языке, по сравнению с другими наклонениями, имеет несколько формальных показателей. Лично-числовые показатели императива, выделяемые в рассматриваемых грамматиках, несколько различаются (таблицы 2–4).

Лицо	Число	
	Единственное	Множественное
1	-(А)йЫн	-(А)йЫк -й/(А)лы -й/(А)лык -(й)АлдАр
2	∅ -КЫн -САН	-(Ы)гАр -ЛАр -САгАр
3	-СЫн	-СЫндАр -СЫн

Табл. 2. Лично-числовые формы императива в «Грамматике алтайского языка» (1869)
Table 2. Personal-Numerical Imperative Forms in Altai Grammar (1869)

Лицо	Число	
	Единственное	Множественное
1	-(А)йЫн	-й/(А)лы / -Айлы -й/(А)лык -(А)лыктАр -АлдАр -(А)АктАр -ААк
2	∅ -КЫн -САН	-(Ы)гАр -КЫла -САгАр
3	-СЫн	-СЫн -СЫндАр

Табл. 3. Лично-числовые формы императива в «Грамматике ойротского языка» (1940)
Table 3. Personal-Numerical Imperative Forms in Oirat Grammar (1940)

Таблица 4

Лично-числовые формы императива в «Грамматике современного алтайского языка» (2017)
Personal-Numerical Imperative Forms in *Modern Altai Grammar* (2017)

Лицо	Число	
	Единственное	Множественное
1	–	-Ак -АктАр -й/-АлЫ -й/АлЫк -й/-(А)лЫктАр
2	∅ -САН -КЫН/-КЫН	-(Ы)гАр / -ААр -САгАр / -СААр
3	-СЫН	-СЫН

Отсутствие единства в выделении лично-числовых форм императива обусловлено, с одной стороны, с разной трактовкой семантики той или иной формы (например, форма 1 л. ед. ч.), с другой стороны, с языковыми изменениями происшедшими в языке (например, форма 3 л. мн. ч.). Так, например, в первых двух грамматиках форма на *-(А)йЫн* дается как форма императива 1 л. ед. ч. В последней по времени грамматике она определяется как форма деизидератива и выводится из системы императива.

Рассмотрим лично-числовые формы императива подробнее.

2-е лицо

Форма 2 л. является центральной формой императива и выражает речевую каузацию говорящего совершить какое-либо действие слушающим(и). Она же является наиболее частотной формой по употреблению.

Во всех трех алтайских грамматиках выделяются три показателя 2 л. ед. ч. императива: ∅, *-САН*, *-КЫН*.

Нулевое маркирование второго лица единственного числа «объясняется, вероятно, прагматической важностью императива, для выражения которого язык часто резервирует наиболее экономичные средства» [Бирюлин, Храковский, 1992, с. 25]. Нулем выражается три значения: императив, 2-е лицо и единственное число.

(1) *Хаджи, санан!* (АА, ЈТЈ, 87)

Хаджи=∅ санан=∅
Хаджи=NOM думать=IMP.2SG
‘Хаджи, думай!’

Во всех трех грамматиках нулевая форма признается основной для выражения значения повеления. Она выражает разные виды повеления: приказ (2), наказ (3), инструкцию (4).

(2) *Эмди ле тур!*

эмди ле тур=∅
сейчас РТCL вставать=IMP.2SG
‘Сейчас же вставай!’

(3) *Элден ле озо орынын жуу. Ажанып алала, такааларды азыра. Айылдын эжигин жалмап сал. Огурчындырды көр. Айылдан ыраак барба.* (ТШ, АК, 18)

элден.ле.озо орын=ын=∅ жуу=∅
прежде всего постель=POSS.2SG=NOM заправлять=IMP.2SG
ажан=ып ал=ала такаа=лар=ды азыра=∅
кушать=CV1 братъ=CV3 курица=PL=ACC кормить=IMP.2SG
айыл=дын эжиг=и=н жалма=п сал=∅
дом=GEN дверь=POSS.3SG=ACC подметать=CV1 класть=IMP.2SG
огурчын=дар=ды көр=∅

огурец=PL=ACC смотреть=IMP.2SG
 айыл=дан ыраак бар=ба=Ø
 дом=ABL далеко идти=NEG=IMP.2SG

‘Прежде всего заправь постель. Покушав, накорми куриц. Подмети возле дома. Посмотри огурцы. От дома далеко не уходи.’

(4) *Класстан чыгар алдында компьютерди токтодып сал.*

класс=тан чыг=ар алд=ы=н=да компьютер=ди
 класс=ABL выходит=PrP нижняя часть=POSS.3=INFIX=LOC компьютер=ACC
 токто=д=ып сал=Ø
 останавливаться=CAUS=CV1 AUX: класть=IMP.2SG
 ‘Перед выходом из класса выключи компьютер.’

Следующая форма *-САН* выражает «значение смягченного повеления, сопряженного с семантикой просьбы» [ГСАЯ, с. 338]. В русском языке одним из основных способов выражения просьбы служит императивное высказывание с глаголом в форме императива и показателем вежливости *пожалуйста*. Например: *Скажи, пожалуйста; Помогите нам, пожалуйста*. В алтайском языке нет лексемы подобно русскому *пожалуйста*. Просьба выражается императивным высказыванием с глаголом в форме на *-САН* (по отношению к одному лицу) или *-СагАр / -СААр* (по отношению к одному лицу или множеству лиц).

(5) – Э-э, турзан. Ажан, кузуктап барак. (ТШ, АК, 27)

э-э тур=зан ажан=Ø кузукта=п бар=ак
 INTERJ стоять=IMP.2SG кушать=IMP.2SG шишковать=CV1 идти=IMP.1Pl
 ‘Э-э, вставай [пожалуйста]. Кушай, пойдем шишковать.’

(6) *Эки-үч күнге артып калзан, а?* (АА, JTJ, 130)

эки-үч күн=ге арт=ып кал=зан а
 два-три день=DAT оставаться=CV1 AUX: оставаться=IMP.2SG PTCL
 ‘Останься, [пожалуйста], на два-три дня, а?’

(7) *Меге бичигерди сыйлазаар, Эркелей.*

ме-ге бичиг-ер=ди сыйла=заар Эркелей=Ø
 я-DAT книга-POSS.2PL=ACC дарить=IMP.2PL Эркелей=NOM
 ‘Подарите [пожалуйста] мне свою книгу, Эркелей.’

В современном алтайском активно используется императивная конструкция с глаголом в форме на *-САН* или *-СагАр / -СААр* с русским словом *пожалуйста*.

(8) *Санат Самырович, пожалуйста, энемди алдыртпазаар.*

Санат Самырович=Ø пожалуйста эне=м=ди
 Санат Самырович=NOM пожалуйста мама=POSS.1SG=ACC
 алдырт=па=заар
 вызывать=NEG=IMP.2PL
 ‘Санат Самырович, пожалуйста, не вызывайте мою маму.’

Форме на *-САН* синонимична редкая форма *-КЫн*. «Грамматика современного алтайского языка. Морфология» (2017) называет *-КЫн* формой смягченного императива 2 л. ед. ч. Она может также выражать просьбу [ГАЯ; ГОЯ].

(9) *Эртен бери келгин!* (ГСАЯ, 339)

эртен бери кел=гин
 завтра сюда приходиться=IMP.2SG
 ‘Завтра сюда приходи-ка!’

В Сибири аффикс *-КЫН* зафиксирован только в алтайском языке, а за ее пределами – в киргизском, уйгурском, туркменском. В современном алтайском языке эта редкая форма встречается в разговорном языке, а также в фольклоре. В фольклорных текстах также встречается вариант *-КЫН*.

(10) *Көк талайды кечир салгын, кемирү жок тенгис эмей!* (ГСАЯ, с. 399)

көк талай=ды кеч=ир сал=гын
 синий море=ACC перевозить=CAUS класть=IMP.2SG
 кемир=ү=Ø жок тенгис=Ø эмей
 мост=POSS.3 =NOM нет океан=NOM ведь
 ‘Через синее море переведи, океан без своего моста ведь.’

В рассматриваемых грамматиках выделяется разный инвентарь форм 2 л. мн. ч. императива: *-(Ы)гАр*, *-ЛАр*, *-САгАр* [ГАЯ, с. 216–226], *-(Ы)гАр*, *-КЫЛА*, *-САгАр* [ГОЯ, с. 156–157], *-(Ы)гАр / -ААр*, *-САгАр / -СААр* [ГСАЯ, с. 333–335]. Во всех трех работах выделяются формы *-(Ы)гАр* и *-САгАр*, которые в современном алтайском языке являются наиболее частотными в употреблении.

Форма 2 л. мн. ч. императива *-(Ы)гАр / -ААр* выражает побуждение, направленное на множество лиц («вы») или на одно лицо («Вы»).

(11) *Бир кижиден јергелей туруп алыгар.* (ТШ, АК, 30)

бир кизи=ден јергелей тур=уп ал=ыгар
 один человек=ABL рядом стоять=CV1 брать=IMP.2PL
 ‘Вставайте рядом по одному человеку.’

(12) *Павел Егорович, слер Сергей Сергеевичтин јуугына туруп алыгар, биске чаптык этпегер.* (АА, ЈТЈ, 101)

Павел.Егорович=Ø слер=Ø Сергей.Сергеевич=тин
 Павел.Егорович=NOM вы=NOM Сергей.Сергеевич=GEN
 јуугына тур=уп ал=ыгар бис=ке чаптык.эт=пе=гер
 рядом стоять=CV1 AUX: брать=IMP.2PL мы=DAT мешать=NEG=IMP.2PL
 ‘Павел Егорович, вы, станьте рядом Сергей Сергеевичем, нам не мешайте.’

Форму 2 л. мн. ч. императива *-САгАр / -СААр*, как и форму 2 л. ед. ч. *-САН*, можно назвать формой вежливого императива. Она выражает мягкое побуждение, просьбу, направленное на множество лиц (13) или на одно лицо (14).

(13) *Балдар, табыштанбазаар.*

балдар=Ø табыштан=ба=заар
 дети=NOM шуметь=NEG=IMP.2PL
 ‘Дети, [пожалуйста], не шумите!’

(14) *Пропускар көргүзеер* (КТ, КҮ, 228)

пропуск=ар=Ø көр=гүз=еер
 пропуск=POSS.2PL=NOM смотреть=CAUS=IMP.2PL
 ‘Покажите, [пожалуйста], свой пропуск.’

Только в «Грамматике 2018» указываются варианты с выпавшим в интервокальной позиции «г»: *-ААр* и *-СААр*: *айд=ыгар / айд=аар* ‘говорите’, *болуш=сагар / болуш=саар* ‘помогите [пожалуйста].’

В алтайском языке форма *-КЫЛА* указывает на дистрибутивность, многократность действия или на множество субъектов. Эта форма может использоваться также в качестве 2 л. мн. ч. императива. В этом случае *-КЫЛА* стоит только в финальной позиции. Только Н. П. Дыренкова включает эту форму в парадигму императива как показатель 2 л. мн. ч. Употребление *-КЫЛА* в качестве 2 л. мн. ч. императива отмечалось для шорского языка [Михайлова, 1997, с. 8].

Эта форма выражает повеление, направленное на несколько лиц.

(15) *Кыстар картошко каскылайт.*

кыс=тар=Ø картошко=Ø кас=кыла=йт
 девушка=PL=NOM картофель=NOM копать=ITER=PRES
 ‘Девушки копают картофель.’

(16) *Картошканы каскыла!*

картошко=ны кас=кыла
картофель=АСС копать=ІМР.2PL
'Копайте картофель!'

В следующем примере *-КЫЛА* выступает как показатель итератива, а *-(Ы)ЗАР* указывает на 2 л. мн. ч. императива.

(17) *Албаданып иштегилегер.*

албадан=ып иште=гиле=гер
стараться=CV1 работать=ІТЕР=ІМР.2PL
'Старательно работайте.'

Авторы «Грамматики алтайского языка» (1869) пишут, что «прямо к единственному числу прибавляют множественную приставку *лар (дар): ал – алдар»* для выражения 2 л. мн. ч. императива [ГАЯ, с. 62)]. Однако примеры не приводят.

1-е лицо

Авторы первых двух грамматик форму на *-(А)ЙЫН* определяют как форму императива 1 л. ед. ч. Она выражает «побуждение к себе самому обращенное, т. е. больше или меньше решительное и вместе свободное намерение осуществить его, обещание с свободным расположением исполнить, а также желание себе чего-нибудь» [ГАЯ, с. 22–223]. Н. П. Дыренкова называет ее «собственно желательной формой» [ГОЯ, с. 158–159]. Авторы обеих грамматик усматривают в этой форме семантику желания, но рассматривают в системе императива.

Авторы же новой грамматики *-(А)ЙЫН* определяют как форму деизидератива и считают одним из показателей оптатива, тем самым выводят ее из системы императива [ГСАЯ, с. 340–341].

(18) *Кайда, суур, жаман берейин.* (КТ, КӰ, 41)

кайда суур=Ø жам=ап бер=ейин
где снимать=ІМР.2SG заплатать=CV1 AUX: дать=OPT.1SG
'Давай, снимай, заплаताю-ка.'

По данным рассматриваемых грамматик императив 1 л. мн.ч. имеет несколько показателей: четыре *-(А)ЙЫК, -Й/(А)ЛЫК, -Й/(А)ЛЫ, -(Й)АЛДАР* [ГАЯ, с. 63], шесть *Й/(А)ЛЫ / -(А)ЙЫ, -Й/(А)ЛЫК, -(А)ЛЫКТАР, -АЛДАР, -(А)АКТАР, -(А)АК* [ГОЯ, с. 159–161], пять *-(АК, -АКТАР, -Й/АЛЫ, -Й/АЛЫК, -Й/АЛЫКТАР)* [ГСАЯ, с. 336–339].

Общим для всех трех грамматик является выделение форм *-Й/АЛЫ* и *-Й/АЛЫК*. Авторы «Грамматики современного алтайского языка. Морфология» определяют как формы минимального инклюзива. Они выражают призыв, предложение, приглашение говорящего к одному адресату к совместному с ним действию, причем форма *-Й/АЛЫК* выражает эти значения в более категоричной форме. Интересно, что форма *-Й/АЛЫК* состоит из *-Й/АЛЫ* и показателя множественности *-К*. Но на современном этапе языка эта форма не имеет значение множественности адресатов.

(19) *Адын кем? Таныжалы.* (АА, ЈТЈ, 6);

ад=ын=Ø кем=Ø таныж=алы
имя=POSS.2SG=NOM кто=NOM знакомиться=ІМР.1PL
'Как твое имя? Давай познакомимся.'

(20) *Урмат, бистин јерге баралык.* (КТ, КӰ, 60)

Урмат=Ø бис=тин јер=ге бар=алык
Урмат=NOM мы=GEN земля=DAT идти=ІМР.1PL
'Урмат, поехали в нашу деревню.'

Н. П. Дыренкова как параллельную форме *-Й/(А)ЛЫ* приводит форму – *-(А)ЙЫ*. Например: *бар=айлы* 'пойдемте / давайте пойдём', *өз=өйли* 'давайте расти' [ГОЯ, с. 160].

Общим для первых по времени двух грамматик является наличие формы *-АлдАр*, которая отсутствует в современном алтайском языке. Авторы грамматик не дают описания семантики этой формы. В «Грамматике 1869 г.», в отличие от «Грамматике 1940», указывается вариант *-йЫлдар* после основ на гласный: *јаза=йылдар* ‘стройте’. В «Грамматике ойротского языка» (1940) форма на *-АлдАр*, вместе с формой на *-(А)ктАр*, указывается как параллельная форме *й/АлЫктАр* и отмечается использование этих форм в говорах [ГОЯ, с. 160].

Последние по времени две грамматики объединяет наличие формы расширенного инклюзива *-й/АлЫктАр* (форма *-й/АлЫк* + аффикс множественного числа *-ЛАр*). Она выражает призыв к нескольким адресатам [ГОЯ, с. 160; ГСАЯ, с. 338].

(21) *Бис мынан ары Кураанакты Кураан деп айдалыктар.* (ЖК, АЈӦ)

бис=∅	мы-нан	ары	Кураанак=ты	Кураан=∅
мы=NOM	этот-ABL	POSTP	Кураанак=ACC	Кураан=NOM
деп	айд=алыктар			
CONJ	говорить=IMP.1PL			

В современном алтайском языке центральными и наиболее используемыми формами императива 1 л. мн. ч. являются *-Ак* (минимальный инклюзив) и *-АктАр* (расширенный инклюзив). Они не выделялись в «Грамматике 1869», а в «Грамматике 1940» даются как формы, используемые в говорах. При этом Н. П. Дыренкова указывает формы с двумя гласными после основ на согласный *-(А)Ак* и *-(А)АктАр*: *бар=аак* ‘давай пойдем (я и ты)’, *кел=еек* ‘давай придем (я и ты)’, *ойно=ок* ‘давай играть (я и ты)’, *кел=еектер* ‘давайте придем (я и вы)’, *ойно=октор* ‘давайте играть (я и вы)’ [ГОЯ, с. 160]. В современном алтайском языке независимо от оттого, на какой звук оканчивается основа (гласный или согласный) всегда прибавляются аффиксы с одним гласным *-Ак* и *-АктАр*: *бичи=ик* ‘давай напишем (я и ты)’, *бичи=иктер* ‘давайте напишем (я и вы)’, *кычыр=ак* ‘давай читать (я и ты)’, *кычыр=актар* ‘давайте читать’ (я и вы).

Форма *-Ак* выражает побуждение к одному лицу.

(22) *Кел бери. Кожо ойноок.* (ТШ, АК, 20)

кел=∅	бери	кожо	ойно=ок
идти=IMP.2SG	сюда	вместе	играть=IMP.1PL
‘Иди сюда. Давай вместе играть.’			

Форма *-АктАр* выражает побуждение к множеству лиц либо к одному лицу (вежливая форма)

(23) *Је, уулдар, барактар.* (КТ, КӮ, 75)

је	уул=дар=∅	бар=актар
ну	парень=PL=NOM	идти=IMP.1PL
‘Ну, парни, пойдёмте.’		

(24) *Эје, тураны черетектер.*

эје=∅	тура=ны	черете=ктер
старшая сестра=NOM	дом=ACC	белить=IMP.1PL
‘Старшая сестра, давайте белить дом.’		

В «Грамматике алтайского языка» (1869) указываются кондомские формы *-ан*, *-аннар* с соответствующей пометой «кондомское».

Таким образом, в современном алтайском языке основной формой императива 1 л. мн. ч. являются *-Ак* и *-АктАр*, которые еще не были зафиксированы в «Грамматике 1869». Некогда активные формы императива 1 л. мн. ч. *й/АлЫ*, *-й/АлЫк*, *-й/АлЫктАр* продолжают использоваться в алтайском языке, но более ограничено. Они характерны для письменной и официальной речи. Форма *-АлдАр* вышла из употребления.

3-е лицо

Формы 3-го лица выражают опосредованное повеление. В отличие от форм 1-го и 2-го лиц императива в предложениях с формами 3-го лица возможны как одушевленный, так и неодушевленный субъект.

Авторы всех трех грамматик алтайского языка едины в выделении формы 3 л. ед. ч. императива *-СЫн*.

(25) *Телевизор иштезин, токтотпогор!*

телевизор=Ø иште=зин токтот=по=гор
телевизор=NOM работать=IMP.3SG останавливать=NEG=IMP.2PL
'Пусть телевизор работает, не выключайте!'

Все три грамматики объединяет выделение двух форм для 3 л. мн. ч. императива: *-СЫн* и *-Сындар*. Однако в «Грамматике 1869» как наиболее частотная дается форма *-СЫндАр*, в «Грамматике 1940» – форма *-СЫн*. В «Грамматике современного алтайского языка» (2017) для алтайского литературного языка указана одна форма *-СЫн*. Форма *-СЫндАр* отмечается для некоторых диалектов алтайского языка (телеутского, чалканского) [ГСАЯ, с. 336].

(26) *Улус слерди тоозын, көрзин, билзин, слерден жалтанзын.* (КТ, КҮ, 222)

улус=Ø слер=ди тоо=зын көр=зин бил=зин
люди=NOM вы=АСС уважать=IMP.3 видеть=IMP.3 знать=IMP.3
слер=ден жалтан=зын
вы=ABL опасаться=IMP.3
'Пусть люди Вас уважают, видят, знают, опасаются.'

Таким образом, в современном алтайском языке и для единственного числа, и для множественного числа 3 л. императива используется одна форма *-СЫн*. Форма *-СЫндАр* вышла из употребления.

«Грамматика современного алтайского языка» (2017) выделяет формы превентива: *-ДЫн* (2 л. ед. ч.) и *-ДыгАр/ДААр* (2 л. мн. ч.).

(27) *Баланы ычкындын!*

бала=ны ычкын=дын
ребенок=АСС ронять=PREV
'Ребенка не урони!'

(28) *Пол тайкак, жыгылдаар.*

пол=Ø тайкак жыгыл=даар
пол=NOM скользкий падать=PREV
'Пол скользкий, не упадите.'

Желательное наклонение

Форма оптатива образуется при помощи суффикса *-Кай*, присоединяемого к глагольной основе, и лично-числовых показателей. Это древняя общетюркская форма. Исследователи алтайского языка называют ее «нерешительной формой» [ГАЯ, с. 227], «формой желания» [ГОЯ, с. 161], «желательной формой» [ГСАЯ, с. 340]. По мнению Н. П. Дыренковой, «форма желания (нерешительная, возможная, согласительная) выражает желания (исполнимые и неисполнимые) совершить то или другое действие, согласие на совершение действия», а также «суждение нерешительное, неточное, приближенное» [ГОЯ, с. 11].

(29) *Балдарыбыс жакшы, ырысту жаткай.*

балдар=ыбыс=Ø жакшы ырысту жат=кай
дети=POSS.1PL=NOM хорошо счастливо жить=OPT
'Пусть наши дети хорошо, счастливо живут.'

Авторы современной грамматики вместо традиционного в школьной и вузовской практике преподавания алтайского языка термина «jöпсинер наклонение» («согласительное наклонение») предлагают более удачный «күүнзеп-jöпсинер наклонение» («желательно-согласительное наклонение»), наиболее полно отражающий семантику этой формы. Однако в грамматике авторы, отмечая, что в

форме *-Кай* «значение желания сопряжено со значением согласия», все же определяют ее формой желательного, а не желательно-согласительного наклонения [ГСАЯ, с. 340–341].

(30) *Канайдар сени, үредүчингле куучындайкайым.*

канайда=р се-ни үредүчи=н=ле куучындаш=кай=ым
 что.делать=PrP ты-ACC учитель=POSS.2SG=INSTR разговаривать=OPT=1SG
 ‘Что поделаешь с тобой, поговорю с твоим учителем (согласен я).’

Семантика согласия близка семантике позволения. Обе ситуации представляют собой реакцию на некоторый запрос. В ситуации согласия статус говорящего и лица, делающего запрос одинаков, в ситуации же позволения статус говорящего, дающего разрешение на реализацию действия, несколько выше статуса лица, просящего о разрешении [Озонова, 2003, с. 85].

(31) *Арчынай бисле барзын ба? Же, баргай.*

Арчынай=Ø бис=ле бар=зын ба же бар=гай
 Арчынай=NOM мы=INSTR идти=IMP.3 PTCL PTCL идти=OPT
 ‘Можно Арчынай с нами пойдет? Хорошо, пусть идет (разрешаю).’

В «Грамматике современного алтайского языка» (2017) помимо формы на *-Кай* выделяются еще три формы, выражающие оптативную семантику: *-(А)йЫн*, *-СЫн*, *-СА*.

В отличие от формы *-Кай*, выражающего желание говорящего, форма *-(А)йЫн* передает желание субъекта действия, выраженного этой формой.

(32) *Мен барып келейин (АА, ЈТЈ, 36)*

мен=Ø бар=ып кел=ейин
 я=NOM идти=CV1 AUX: идти=OPT.1SG
 ‘Схожу-ка я.’

Форма на *-СЫн* используется для передачи пожелания, благословения, проклятия, а также «значение абсолютного желания говорящего, т.е. значение независимого ирреалиса» [ГСАЯ, с. 348].

(33) *Алтайыбыс чечектезин, албатызы амыр јатсын.*

Алтай=ыбыс=Ø чечекте=зин албаты=зы=Ø амыр јат=сын
 Алтай=POSS.1PL=NOM цвести=IMP.3SG народ=POSS.3=NOM мирно жить=IMP.3
 ‘Пусть Алтай наш цветет, его народ мирно живет.’

Во многих тюркских языках, в том числе в алтайском, инфинитная форма на *-СА* определяется как форма условного наклонения. Как финитная форма она имеет модальную семантику желания. В финитной позиции форму на *-СА* принимает сложное сказуемое, выраженное причастными формами прошедшего времени на *-Ган*, будущего времени на *-й/(А)тАн* и бытийного глагола *бол-* ‘быть, становиться’: $Tv=Ган/БАгАн болзо$, $Tv=й/(А)тАн/=БАйтАн болзо$.

Аналитическая форма $Tv=Ган/БАгАн болзо$ выражает значение реального и ирреального оптатива. В примере (30) желаемое действие нереально, поскольку уже в прошлом имело место действие «обратное желаемому».

(34) *Ол тушта мени уккан болзон.*

ол туш=та ме-ни ук=кан бол=зо=н
 тот время=LOC я-ACC слушать=PP1 быть=COND=2SG
 ‘Если бы ты тогда послушался меня.’

В примере (31) желаемое действие реально, поскольку результат действия еще неизвестен.

(35) *Ишти бүгүн божодып салган болзобыс.*

иш=ти бүгүн божод=ып сал=ган бол=зо=быс
 работа=ACC сегодня закончить=CV1 AUX: класть=PP1 быть=COND1=1PL
 ‘Если бы мы работу сегодня закончили.’

Аналитическая форма $Tv=й/(А)тАн/=БАйтАн болзо$ выражает значение реального оптатива.

(36) *Јаркынга јакшы өй ада табылатан болзо.* (ТШ, КСК, 130)

Јаркын=га јакшы өй.ада=Ø таб=ыл=атан бол=зо
 Дьаркын=DAT хороший отчим=NOM найти=PASS=PP2 быть=COND
 ‘Нашелся бы хороший отчим для Дьаркын.’

Условное наклонение

В грамматиках по алтайскому языку формой условного наклонения признается общетюркская форма *-СА*. В последней по времени грамматике помимо формы *-СА* выделяют еще одну форму условного наклонения *-КАЖЫН* [ГСАЯ, с. 349-350]. В предыдущих грамматиках *-КАЖЫН* рассматривалась как деепричастие «предваряющее будущее» [ГАЯ, с. 9], «предварительное будущее» [ГОЯ, с. 140].

Обе формы имеют условно-временную семантику. Они «выражают отношение между двумя действиями, одно из которых является условием, второе – следствием» [ГСАЯ, с. 349].

(37) *Кечеги кижиге келзе, нени айдар?*

кечеги кижиге=Ø кел=зе не=ни айд=ар=Ø
 вчерашний человек=NOM идти=COND что=ACC говорить=PrP=3SG
 ‘Если/Когда вчерашний человек придет, что сказать?’

(38) *Јангыс уулы баргажын, адазын кем көрөр.*

јангыс уул=ы=Ø бар=гажын ада=зы=н
 единственный сын=POSS.3=NOM идти=COND2 отец=POSS.3=ACC
 кем=Ø көр=өр=Ø
 кто=NOM смотреть=PrP=3SG
 ‘Если/Когда единственный сын уедет, кто будет за отцом смотреть.’

Условно-временная форма *-СА* выражает прежде всего условную семантику и в зависимости от контекста – временные отношения. Форма *-КАЖЫН* чаще используется во временном значении, реже – в условном. Форма *-СА* более частотна и активна в употреблении, чем *-КАЖЫН*. Последняя форма чаще встречается в письменной речи.

Таким образом, известные научные грамматик алтайского языка едины в выделении трех косвенных наклонений: повелительного, желательного и условного. Различия наблюдаются в составе форм, относимых к тому или иному наклонению, а также в трактовке их семантики. В первых по времени двух грамматиках формой условного наклонения признается форма *-СА*, в последней – *-СА* и более редкая *-КАЖЫН*. Форма *-(А)йЫН*, определяемая в первых двух грамматиках как форма императива 1 л. ед. ч., в последней выводится из парадигмы императива и наряду с желательносогласительной формой *-КАй* рассматривается как форма, выражающая оппозитивную семантику.

В грамматиках выделяется разный инвентарь форм императива множественного числа всех трех лиц, что обусловлено с изменениями, происшедшими в алтайском языке. Зафиксированные как активные в первых двух грамматиках формы императива 1 л. мн. ч. *-й/Алы*, *-й/Алык*, *-й/Алыктар* в современном алтайском языке используются ограничено, в письменной и официальной речи, а некогда активная форма *-Алдар* полностью вышла из употребления. Базовые в современном алтайском языке формы императива 1 л. мн. ч. *-Ак* и *-Актар* были отмечены в «Грамматике ойротского языка» (1940) как встречающиеся в говорах. Во всех трех грамматиках для 3 л. мн. ч. императива указываются две формы: *-СЫн* и *-СЫндар*. Первый аффикс служит также показателем 3 л. ед. ч. императива. В «Грамматике алтайского языка» (1869) формой императива 3 л. мн. ч. указываются форма *-СЫндар* и редкая *-СЫн*. В «Грамматике ойротского языка» *-СЫн* дается как наиболее частотная, а в «Грамматике современного алтайского языка» [2018] как базовая форма императива 3 л. мн. ч.

Список литературы

- Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5–50.
- Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской духовной миссии. Казань, 1869. 291 с.
- Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 575 с.
- Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
- Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. Под ред. С. Е. Малова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 303 с.
- Михайлова Н. И. Формы побуждения в шорском языке. Автореф. Дисс ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1997.
- Озонова А. А. Форма глагола на =гай в алтайском языке // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. 2003. С. 84–87.
- Aikhenvald A. Y. Imperatives and commands. N. Y.: OUP, 2010.

Список условных обозначений

Текстовые источники:

АА, ЈТЈ – А. Адаров. Јаан телекейге јол. Горно-Алтайск, 1979; КТ, Т – К. Төлөсөв. Таныбаган. Горно-Алтайск, 1980; КТ, КҮ – К. Төлөсөв. Күүктинг үни. Горно-Алтайск, 2004; ТШ, АК – Т. Шинжин. Ак кулун. Горно-Алтайск, 1981; ТШ, КСК – Т. Шинжин. Кырлык суулардын кожоны. Горно-Алтайск, 1983.

Грамматические значения в глоссах:

1SG – личный аффикс 1-го л. ед. ч.; 2SG – личный аффикс 2-го л. ед. ч.; 3SG – личный аффикс 3-го л. ед. ч.; 1PI – личный аффикс 1-го л. мн.ч.; 2PI – личный аффикс 2-го л. мн. ч.; ACC – винительный падеж; ABL – исходный падеж; AUX – вспомогательный глагол; CAUS – понудительный залог; COND 1 – условно-временное деепричастие на =са; COND 2 – условно-временное деепричастие на =гажын; CONJ – скрепа; CV1 – форма соединительного деепричастия на =n; CV3 – форма разделительного деепричастия на =й/ала; DAT – дательный падеж; GEN – притяжательный (родительный) падеж; IMP – повелительное наклонение; INFIX – инфикс; INSTR – орудный падеж; INTERJ – междометие; ITER – итератив (аффикс множественности субъекта или действия); LOC – местный падеж; NEG – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; NOM – неопределенный падеж; OPT – желательное наклонение; PERS – лицо; PL – множественное число; POSS – аффикс принадлежности; POSTP – послелог; PP1 – причастная форма прошедшего времени на =ган; PP2 – причастная форма на =атан / байтан; PRES – форма настоящего времени на =ат; PREV – превентив; PrP – форма причастия настояще-будущего времени на =ар; PTCL – частица; SG – единственное число; Tv – основа глагола; Ø – нулевая морфема; знак равенства – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах; тире – морфемный шов при наложении морфов.

A. A. Ozonova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk, Russian Federation;
ajanao@mail.ru*

The System of Irrealis Moods in Grammatical Studies of the Altai Language

In the following article, we analyze the irrealis moods described in well-known Altai grammars such as *Altai Grammar* (1869), *Oirot Grammar* (1940), *Modern Altai Grammar. Morphology* (2017). In all of these works, imperative, desiderative, and conditional moods are distinguished. However, there are differences in specific forms attributed to specific moods, as well as in their semantic definition.

Among the irrealis moods, the imperative holds a special place due to its semantics, as well as the formal nonuniformity of its personal-numerical paradigm. According to these grammars, there are some differences in personal-numerical markers of the imperative, which are often related to the shifts occurring in the Altai language. For example, according to the earliest grammar, the first person plural imperative form possesses 6 markers (-ык, -алык, -алы, -алдар, -ан, -аннар), 4 in the second grammar (-алы, -алык, ак, -алыктар, -алдар, -актар), and 5 in the third one (-ак, -актар, -алы, -алык, -алыктар). In all these grammars, 2 forms of minimal inclusive are distinguished: -алы and -алык. The -алы, -алык, -алыктар first person plural imperative forms, which are said to be actively used in the first two grammars, are in fact rarely used in the modern Altai language, limited to written texts and official speech. The -алдар form has disappeared completely. The -ак and -актар forms, which are central for the modern Altai language, are described in *Oirot Grammar* (1940) as solely dialectal. In *Altai Grammar* (1869), the -зындар is listed as the third person plural imperative form, whereas the newer grammars list the -зын and -зындар forms; the first form is described as the most frequent one in *Oirot Grammar* (1940) and as the basic one in *Modern Altai Grammar. Morphology* (2017). In the two earlier grammars, the -айын form is listed as the first person singular imperative form; in the newest grammar, it is defined as a desiderative form and therefore no longer belongs to the imperative system.

Keywords: Altai language, grammar, mood, imperative, optative, conditional mood.

References

- Aikhenvald A.Y. Imperatives and commands. N. Y.: OUP, 2010.
- Biryulin L.A., Khrakovskiy V.S. Povelitel'nye predlozheniya: problemy teorii [Imperative sentences: problems of theory]. In: Khrakovskiy V.S. (Ed.) *Tipologiya imperativnykh konstruktsiy* [Typology of imperative constructions]. SPb, Nauka, 1992, p. 5–50.
- Dyrenkova N.P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [Grammar of the Oyrot language]. S. E. Malov (Ed.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1940, 303 p.
- Grammatika altayskogo yazyka* [Grammar of the Altai language]. Compiled by Altai Christian Mission members. Kazan, 1869, 285 p.
- Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya* [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. I. A. Nevskaya (Ed.). Gorno-Altaysk, 2017, 575 p.
- Gusev V.Ju. *Tipologiya imperativa* [Typology of impertive]. Moscow, Yazyki slav kul'tury, 2013. 336 p.
- Mikhaylova N.I. *Formy pobuzhdeniya v shorskom yazyke* [Imperative Forms in the Shor Language]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Novosibirsk, 1997.
- Ozonova A.A. Forma glagola na =gay v altayskom jazyke [Verb form on -gay in Altai language]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia]. 2003, no. 4, pp. 84–87.

УДК 811.512.+81'36
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-45-50

А. Р. Тазранова

Институт филологии СО РАН

**Семантика и функция форм настоящего времени изъявительного наклонения
в тюркских языках Сибири (на примере алтайского и якутского)**

Статья посвящена сравнительному анализу форм настоящего времени в алтайском и якутском языках. Показаны сходства и различия временных форм в поле настоящего времени в двух родственных тюркских языках. В некоторых случаях приводятся их образование, значение и употребление. В качестве опорного материала по якутскому языку используется труд Е. И. Коркиной, одного из крупного исследователей якутского языка. В большинстве случаев для сопоставления привлекаются формы не только алтайского и якутского, но и других тюркских языков. В статье подробно исследуются аналитические, синтетические и грамматикализованные формы.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, темпоральность, наклонение, настоящее время, синтетизм, аналитизм, алтайский язык, якутский язык.

Во всех имеющихся грамматиках алтайского языка выделяется от четырех до шести наклонений, противопоставлены изъявительное наклонение и косвенные наклонения (повелительное, сослагательное, условное, желательное, уступительное, предположительное).

Изъявительное наклонение глагола во многих тюркских языках, в том числе в алтайском и якутском, в отличие от косвенных наклонений, обладает богато разветвленной системой времени. Изъявительное наклонение не имеет специальных показателей, т.к. оно связано с категорией времени и реализуется в спрягаемых временных формах. Косвенным наклонениям грамматическая категория времени не присуща, но, в отличие от изъявительного наклонения, они имеют свои грамматические показатели. Временные формы, в свою очередь, распределяются по трем группам: формы настоящего, прошедшего и будущего времени. Во всех тюркских языках, в том числе алтайском, временные формы по своему морфологическому составу делятся на синтетические (простые) и аналитические (сложные).

В данной статье мы хотели бы рассмотреть одну из главных форм наклонения глагола, изъявительную, и сравнить формы настоящего времени в алтайском и якутском языках, опираясь в последнем случае на работу Е. И. Коркиной.

Работа Е. И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке» представляет собой первую попытку рассмотреть модальные формы глагола на материале современного якутского литературного языка с привлечением сравнительного материала из родственных тюркских языков. Автор подробно

Тазранова Алёна Робертовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: atazranova@mail.ru, тел: +7-(383)-330-84-69.

анализирует все грамматики и учебные пособия по якутскому наклонению, делает существенные дополнения и дает свои комментарии. Е. И. Коркина дает полное описание имеющихся якутских форм наклонения, раскрывает их употребление и модальные значения, а также в некоторых случаях выявляет их происхождение.

До Е. И. Коркиной категория наклонения в якутском языке еще не подвергалась специальному изучению, но она в значительной мере получила освещение в работах почти всех якутоведов дореволюционного и советского периодов. Первое описание наклонений якутского глагола имеется в труде немецкого академика О. Бетлингга «О языке якутов», в которой выделено пять наклонений: повелительное (Imperativ), изъявительное (Indikativ), возможное (Potenzialis), условное (Conditionalis), совершенное (Perfectiv) [Бетлингк, 1857, с. 277].

В первой работе по якутскому языку О. Бетлингга изъявительное наклонение представлено только двумя формами – настоящим и прошедшим. Е. И. Коркина справедливо отмечает, что такая характеристика временных форм Бетлинггом получила объяснение в работе Е. И. Убрятовой: «Бетлингк причастные формы по их склоняемости отнес к именам и не рассматривал их как спрягаемые формы глагола, положив в основу классификации частей речи словоизменение» [Убрятова, 1945, с. 14]. Бетлинггом действительно причастные формы, используемые как финитные, не подвергаются анализу в разделе морфологии во временной системе, но они рассматриваются в их богатстве временных значений в разделе синтаксиса. В якутском языке на самом деле практически все финитные формы – причастные, в отличие от южносибирских тюркских языков, вторичных стяженных аспектуальных форм почти нет. Н. Н. Широбокова выделяет в якутском аналитическую конструкцию на *=ан тура=* как прошедшее результирующее, т.е. такие конструкции представлены в якутском языке, но на крайней периферии временной системы [Широбокова, 2005, с. 235].

Исследователи алтайского языка выделяют от двух до трех форм настоящего времени. Две синтетические формы – на *=й / =Am* и *=АдЫрЫ*, восходящие к аналитическим формам и подвергшиеся процессу грамматикализации и фонетической редукции, – и аналитические, представленные бивербальными конструкциями с четырьмя вспомогательными глаголами бытия. Бивербальные конструкции с так называемыми глаголами бытия не всеми исследователями алтайского языка рассматриваются в поле настоящего времени. Если авторы первой «Грамматики алтайского языка», Н. П. Дыренкова в «Грамматике ойротского языка», а также А. Р. Тазранова [2005, с. 26] включают все четыре глагола бытия во временную систему настоящего времени, то Н. А. Баскаков в своей работе «Алтайский язык. Тюркские языки. Языки мира» [1996, с. 182] и Л. Б. Тёнова в «Современной грамматике алтайского языка. Морфология» [2017, с. 254] в поле настоящего времени из глаголов бытия в составе аналитической конструкции вводят только глагол *jam=* (таблица 3). Это связано, видимо, с грамматикализацией и синтезацией глагола *jam=* не только в алтайском, но и во многих близкородственных тюркских языках Южной Сибири, а также уникальностью сочетания глагола *jam=* с любыми знаменательными глаголами, что было отмечено нами ранее [Тазранова, 2005, с. 56] в отличие от других глаголов бытия, которые в большей степени выражают аспектуально-темпоральные значения.

Синтетические формы

В отличие от алтайского и от многих других тюркских языков, якутский язык имеет только одну форму настояще-будущего времени на *=a* для 1-го и 2-го лиц и *=ap* для 3-го лица, которая в определенных контекстах может выражать и значение будущего времени.

Форма на *=ap*, выделяемая Е. И. Коркиной, есть во всех тюркских языках, но ее семантика различается по языкам. Так, в алтайском форма на *=ap* больше тяготеет к полю будущего времени (таблица 2), хотя некоторые исследователи называют ее настояще-будущим временем. В якутском языке *=ap* может передавать семантику и настоящего и будущего времен.

Форма на *=a* встречается в енисейских памятниках и, кроме якутского, представлена как форма настоящего времени в татарском, казахском и в ряде других языков кыпчакского типа. В якутском эта форма употребляется только в 1-м и 2-м лицах, а для 3-го лица используется форма на *=ap*. Поскольку в тюркских языках в 3-м лице, как правило, представлены другие формы (например, в некоторых языках сохраняется аналитическая форма со вспомогательным глаголом *тур=*), то многие якутоведы предполагают, что форма на *=a* – это результат стяжения вспомогательного глагола. Е. И. Убрятова и другие исследователи рассматривали ее как исконную древнюю форму. Е. И. Коркина больше придерживается гипотезы Бетлингга, считая, что: 1) разбираемая форма выводится из причастия на *=ap* с выпадением конечного *-p* в 1-м и 2-м лицах, но с сохранением в

«натуральном виде» в 3-м л. ед. и мн. числа; 2) отрицательная форма =*бат* может быть возведена к причастию на =*ар* [Коркина, 1970, с.36].

Таблица 1
Table 1

Формы спряжения глагола *бар*= ‘уходить’ с формой на =*a* в якутском и алтайском языках
Forms of conjugation of the verb *bar*= ‘go away’ with the form on =*a* in the Yakut and Altai

Лицо	Единственное число		
	Якутский	Алтайский	Перевод
1	<i>мин бар=a=бын</i>	<i>мен бар=ын тур=у=м</i>	я иду / хожу
2	<i>эн бар=a=бын</i>	<i>сен бар=ын тур=у=н</i>	ты идешь/ходишь
3	<i>кени бар=ар</i>	<i>ол бар=ын тур=у</i>	он идет/ходит
	Множественное число		
1	<i>биһиги бар=a=быт</i>	<i>бис бар=ын тур=у=быс/=с</i>	мы идем/ ходим
2	<i>эһиги бар=a=быт</i>	<i>слер бар=ын тур=у=гар/=аар</i>	вы идете/ ходите
3	<i>кенилэр бар=ал=лар</i>	<i>олор бар=ын тур=у=ø / тур=у=лар (редко)</i>	они идут/ ходят

Как видно из таблицы 1, вспомогательный глагол *тур*= ‘стоять’, образующий в алтайском языке настоящее время в составе бивербальной конструкции, как и в якутском языке, оформляется каким-то вокальным элементом, узким гласным. Остается открытым вопрос: является ли одним аффиксом элемент на узкий гласный, отражающий древний показатель настоящего времени, сохранившийся в бытийных глаголах в составе аналитической конструкции в алтайском, тувинском и тофаларском языках, и форма на =*a* в якутском, татарском и казахском?

Форма на =*адыры* в алтайском языке представляет собой стяжение некогда бивербальной конструкции «деепричастие на *Tv=A + ВГ тур*= + причастная форма на (=ар/=ур)» [Баскаков, 1947, с. 283]. В данном случае произошла грамматикализация и переразложение вспомогательного глагола в рамках этой конструкции в алтайском и тофаларском, то же самое отмечено в тувинском, хакасском, шорском, но с деепричастием основного глагола. В якутском языке эта форма отсутствует. В алтайском она тоже малоупотребительна [Тазранова, 2005, с. 26, 55–62]. Употребление формы на =*адыры* ограничено, она вытесняется бивербальной конструкцией на *Tv=ын +jam*. Следует отметить, что форма на =*адыр* с глаголом *бар*= в качестве вспомогательного встречается чаще в составе сложных аналитических конструкций, где знаменательный глагол в форме деепричастия на =(Б)лн + ВГ *бар+адыры* со значением продолжающегося действия, но имеет эксплицитную семантику в конструкции в целом: *жүрүм өдүп бар=адыры* ‘Жизнь проходит’.

Аналитические формы

Аналитические формы с глаголами бытия в системе темпоральности алтайского языка играют большую роль. Синтетическую форму на узкий гласный, аналогичную якутской форме на =*a*, мы находим в алтайском только у четырех глаголов бытия в составе аналитических конструкций: *тур=у*, *отур=ы*, *жүр=ү*, *jam= /ядыры*, как и в тофаларском языке [Рассадин, с. 201–203].

Приведем парадигму спряжения этих глаголов в форме настоящего времени в алтайском языке (таблица 2).

В подобных конструкциях значимый глагол всегда стоит в деепричастной форме, которая может сохраняться (если основа у значимого глагола заканчивается на гласный) и опускаться (если основа глагола заканчивается на согласный), как в хакасском, шорском и тувинском. В алтайском литературном и тофаларском языках деепричастная форма в значительной степени сохраняется в аналитических конструкциях. Из четырех глаголов бытия в алтайском языке только у глагола *jam*= в 3 л. ед. и мн. ч. в составе конструкции происходит фонетическая редукция, выпадение конечного гласного (*jam=ø*), хотя имеется редкий вариант в виде *jad=ыры*. Н. А. Баскаков рассматривает

Парадигма спряжения глаголов бытия с формой на =У
Paradigm of conjugation of verbs of being with the form on =U

Лицо	Единственное число			
	1.	Мен $Tv=(ы)n+тур=y=m$	$Tv=(ы)n+отур=ы=m$	$Tv=(ы)n+j\ddot{y}p=y=m$
2.	Сен $Tv=(ы)n тур=y=n$	$Tv=(ы)n+отур=ы=n$	$Tv=(ы)n+j\ddot{y}p=y=n$	$Tv=(ы)n+jad=ы=n$
3	Ол $Tv=(ы)n тур=y=$	$Tv=(ы)n+отур=ы$	$Tv=(ы)n+j\ddot{y}p=y$	$Tv=(ы)n+jam=$
Множественное число				
1	Бис $Tv=(ы)n тур=y=быс/ыс$	+ отур=ы=быс	+ $j\ddot{y}p=y=бис/ис$	+ $jad=ы=быс/ыс$
2	Слер $Tv=(ы)n тур=y=гар$	+ отур=ы=гар	+ $j\ddot{y}p=y=гер/ер$	+ $jad=ы=гар/ар$
3	Олор $Tv=(ы)n тур=y=(лар)$	+ отур=ы=(лар)	+ $j\ddot{y}p=y=(лер)$	+ $jam/jad=ы=(лар)$

бивербальные конструкции $Tv=n jad=ы=m$ и $Tv=n jad=ыры=m$ как одну форму с одинаковым значением (таблица 3): Мен бар=ын жадым / жадырым ‘я иду в данный момент’. На наш взгляд, когда применяется первая форма, действие переносится в план будущего, т.е. прослеживается семантика перспектива: я собираюсь идти (но еще не пошла), при второй форме реализуется значение настоящего данного момента, осложненное аспектуальной семантикой дуративности.

Таблица 3
Table 3

Семантика и структура форм настоящего времени в алтайском языке
Semantics and structure of forms of the present time in the Altai language

ГАЯ (1869)	ГОЯ Н.П. Дыреноквой	Н.А. Баскаков (1997)	ГСАЯ (2017)
Настоящее время			
1) =am повест.наст.-буд.	1) =am наст.-буд.повест.	–	1) =ü/Am а) зн.Д.М.; б) зн.повест.наст. в) наст. истор.вр. г) итеративное конкретизаторами д) наст.постоян.вр.
2) описательная (Ы)п+jат=, отур=, j\ddot{y}p= тур=,	2) наст.вр. ((Ы)п+jат=, +тур=, + отур=, + j\ddot{y}p=)	1)(Ы)п+jат=, / (Ы)п+jадыр= наст. вр. Д.М.	2)=(Ы)п jат=
3) наст.-пр.	3)наст.незакончен.действие – адыры /aam	2) =а-дыр/-едир наст. длит.вр.	3) =й/Адыр наст. длит. незаконч.
Будущее время			
1) =ap а) наст.-буд.; б) наст.описат.	1) =ap а) наст.-буд. первое 2) =aтан б) наст.-буд. второе	1) =ap а) наст.-буд.неопр.вр.	=ap форма буд.неопр.вр
–	–	2) =am опр. буд., выражает наступающее действие, обычно, постоянное	–

Все эти четыре глагола бытия в бивербальных конструкциях наиболее полно представлены во всех сибирских тюркских языках, исключение составляет якутский. За пределами Сибири они имеются, как справедливо отметил В. И. Рассадин, в языках кыпчакского типа (киргизском, казахском, какракалпакском, ногайском), а также в узбекском и уйгурском языках; из огузских языков встречаются в туркменском [Рассадин, 1978, с. 208]. В некоторых тюркских языках, например, турецком, употребляется только один из этих глаголов – уор= ‘идти’.

Если в тофаларском языке эти четыре глагола (*тур(у)*, *чор(у)*, *олыр(ы)* ~ *олур(у)*, *чътыр(ы)*) в составе аналитической конструкции часто взаимозаменяются в форме на узкий гласный без изменения семантики [там же, с. 205], то в алтайском каждый глагол бытия несет свою темпорально-аспектуально-модальную семантику. Самое главное отличие семантики конкретного и обычного настоящего времени состоит в том, что в значении данного момента присутствует выражение категории определенности: алт. *ийт манта=n отур=ы* ‘собака бежит’ (в данный момент и на глазах говорящего); в значении обычности – категория неопределенности: *Энем иштеп тур=у* ‘моя мама работает’ (вообще). Мы согласны с утверждением В. И. Рассадина, что формы настоящего времени разделены по наличию семантики определенности и неопределенности, что присуще всем тюркским языкам, но в имеющихся грамматиках такое противопоставление не проводится [Рассадин, 1978, с. 207].

Таким образом, развитие аналитических конструкций прослеживается во всех формах настоящего времени: из аналитики в синтетику и из синтетики в аналитику, т.е. вместо одной формы X (например, в алтайском =*адыры*) приходит другая форма Y (*Тv=(ы)n + ВГ jam*), форма X смещается, и занимает свою нишу более узкую и ограниченную, как показано на примере формы =*адыры*. В последнее время в алтайском языке аналитическая конструкция с глаголом *jam=* в нулевой форме начала занимать доминирующее место, вытесняя доминирующую синтетическую форму на =*й/=Ат*. В якутском языке форма на узкий гласный =*a* занимает центральное место в качестве формы настоящего времени. Главное отличие якутского языка от других тюркских языков Южной Сибири заключается в том, что в нем не представлено то множество аналитических конструкций в поле настоящего времени, которые в языках Южной Сибири являются центральными формами.

Список литературы

- Баскаков Н. А.* Алтайский язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, 1996.
Баскаков Н. А. Очерк грамматики ойротского языка // Баскаков Н.А., Тошачова Т. М. Ойротско-русский словарь. М., 1947. С. 283.
Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.
Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017.
Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М., 1940.
Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. Москва, 1970. 307 с.
Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М. 1978.
Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск, 2005. 226 с.
Убрятова Е. И. Очерки истории изучения якутского языка. Якутск, 1945.
Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск, 2005.
Bötlungk O. Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. St.P-g, 1857.

A. R. Tazranova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk, Russian Federation;
atazranova@mail.ru*

**Semantics and Functions of Indicative Present Tense Forms in Siberian Turkic Languages
(on Example of Altai and Yakut Languages)**

In the following article, we perform a comparative analysis of present tense forms in Altai and Yakut (two related Turkic languages) and show their similarities and differences. In some instance, we also describe their etymology, meanings, and usage. The Yakut part of our study is based on the works of E. I. Korkina, a major researcher of the Yakut language. In most cases, we compare the Altai and Yakut forms with forms from other Turkic languages. We offer a detailed analysis of analytical, synthetic, and grammaticalized forms.

We analyze the development of analytical constructions in Southern Siberian languages. Using present tense forms as examples, we show the process of shift from synthetism to analytism and from synthetism to analytism. We demonstrate that, unlike Altai and other Turkic languages of Southern Siberia, the Yakut language does not contain the same wide range of analytical present tense constructions, which are central for other listed languages; however, it does contain synthetic forms that evolved from former analytical forms.

Keywords: Siberian Turkic Languages, temporality, present tense, synthetism, analytism, Altai language, Yakut language

References

- Baskakov N.A. *Altayskiy yazyk* [Altai language]. In: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki*. Bishkek, 1996.
- Baskakov N.A. *Ocherk grammatiki oyrotskogo yazyka* [Study of the Oirod Language]. In: N.A. Baskakov, T. M. Toshchakova. *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oyrot-Russian dictionary]. Moscow, 1947, 283 p.
- Bötlung O. *Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch*. St. Peterburg, 1857.
- Dyrenkova N.P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [Oirod grammar]. Moscow, 1940.
- Grammatika altayskogo yazyka* [Altai Grammar]. Kazan', 1869.
- Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya*. [Modern Altai Grammar. Morphology.] Gorno-Altaysk, 2017.
- Korkina E.I. *Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke* [Verb inclinations in the Yakut language]. Moscow, 1970. 307 p.
- Rassadin V.I. *Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [Comparative Tofalar Grammar]. Moscow, 1978.
- Shirobokova N.N. *Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri* [Relations between Yakut and Other Turkic Languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, 2005.
- Tazranova A.R. *Biverbal'nye konstruksii vo vspomogatel'nykh glagolakh bytiya v altayskom yazyke* [Biverbal constructions in auxiliary existence verbs in Altai language]. Novosibirsk, 2005. 226 p.
- Ubryatova E.I. *Ocherki istorii izucheniya yakutskogo yazyka* [Essays on the history of the study of the Yakut language]. Yakutsk, 1945.

УДК 811.512.151'34
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-51-56

Н. Н. Федина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

О смысловоразличительной роли ударения в чалканском языке

В статье написано о смысловоразличительной функции ударения в чалканском языке. Данная функция заключается в том, что ударение помогает различить слова или формы слов, совпавшие по звучанию. Некоторые исследователи выделяют данную функцию в тюркских языках, а некоторые считают, что тюркскому ударению не присуща смысловоразличительная функция. В чалканском языке в результате процессов стяжения многие глагольные аналитические конструкции стянулись в одну словоформу, и в ряде случаев сохранились только корневые морфемы и личный показатель. Наиболее активно эти изменения происходят в индикативе чалканского языка. Это привело к тому, что в языке образовались многочисленные омографы, различить которые можно только по ударению.

Ключевые слова: чалканский язык, ударение, смысловоразличительная функция, глагол.

Словесное ударение – выделение какого-нибудь из слогов слова, осуществляемое при помощи интенсивности, высоты или длительности звуков [Зиндер, 1979, с. 262].

В тюркских языках принято различать следующие типы ударения:

1) силовое (экспираторное или динамическое), если выделение одного из слогов происходит с помощью силы воздуха;

2) музыкальное (мелодическое или тоническое), если слог выделяется с помощью движения голосового тона;

3) количественное (квантитативное), если слог может быть выделен по долготе/краткости звука [СИГТЯ Фонетика, 1984, с. 403].

Следует отметить, что некоторые исследователи считают, что в тюркских языках отсутствует ударение. И.А. Бодуэн де Куртенэ указывал, что в тюркских языках эту функцию выполняет сингармонизм, тогда как русское ударение выполняет как смысловоразличительную, так и объединяющую функцию [Бодуэн де Куртенэ, 1875]. Представители сингармонической теории полагают, что сингармонизм выполняет в тюркских языках те же функции, что и словесное ударение в акцентных языках, и подчеркивают, что нет случая, при котором ударение выполняло бы дистинктивную (смысловоразличительную) функцию [Жунисбек, 2009]. Другие же исследователи придерживаются той точки зрения, что в тюркских языках основным акцентным средством, характеризующим слово, является сингармонизм, а уда-

Федина Наталья Никитовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: natfedina@yandex.ru, тел: +7-(383)-330-84-69.

рение – дополнительное акцентное средство. При этом отмечена закономерность: чем последовательнее проводится сингармонизм, тем меньше роль ударения и, наоборот, чем больше нарушений, тем более значимым становится ударение в сочетании с набором грамматических средств, которыми различаются звуковые комплексы, представляющие собой слова как отдельные части речи или частицы [СИГТЯ Фонетика, 1984, с. 439]. Т. А. Баданова считает, что закон гармонии гласных не исключает наличия ударения. Ее исследования показали, что в алтайском языке сингармонизм и ударение сосуществуют, разграничивая между собой сферы функционирования и дополняя друг друга [Баданова, 2011, с. 14, 248].

Согласно грамматикам разных тюркских языков, принято считать, что в тюркских языках ударение всегда падает на конечный слог слова. Кроме главного ударения, падающего на последний слог, существует и второстепенное ударение, которое приходится на первый слог [СИГТЯ Фонетика, 1984, с. 410].

В тюркских языках при присоединении аффиксов ударение передвигается на конечный слог, т.е. переходит на присоединяемый аффикс. Это дает повод говорить о том, что ударение в тюркских языках является связанным и выполняет делимитативную (разграничительную) функцию, которая заключается в выделении границ слова.

Так можно отметить, что в тюркских языках основными функциями ударения является кульминативная (выделительная) и делимитативная (дифференциальная, разграничительная) функции. Кроме этих функций существует еще дифференцирующая (смысловоразличительная) функция [СИГТЯ Фонетика, 1984, с. 403]. Данная функция заключается в том, что ударение помогает различить слова или формы слов, совпавшие по звучанию [Баданова, 2011, с. 250]. Некоторые исследователи выделяют данную функцию в тюркских языках, а некоторые считают, что тюркскому ударению не присуща смысловоразличительная функция. Так, например, Т. А. Баданова пишет: «Несомненно, в тюркских языках можно найти пары слов, отличающихся местом ударения, напр.: алт. *чáйла* ‘с чаем’ – *чайлá* ‘пей чай’, *сендè* ‘у тебя’ – *сен де* ‘и ты’... Однако здесь противопоставляются единицы, относящиеся к разным языковым уровням: в представленных аппозитивных по ударению парах, первые – словоформы, вторые – фразы. Ударение на разных языковых уровнях имеет разное назначение. Наличие таких пар в тюркских языках обусловлено лишь случайным совпадением слов, образованных при помощи омонимичных аффиксов» [Баданова, 2011, с. 250].

В данной статье хотелось бы отметить, что дифференцирующую (смысловоразличительную) функцию ударения все же стоит выделить в чалканском языке. Так, можно говорить о смысловоразличительной роли ударения в чалканских глагольных словоформах. В чалканском языке глагольные словоформы претерпевают процессы стяжения. В результате сохраняются только корневые морфемы и личный показатель. Это приводит к образованию в языке различных омографов. В результате процессов стяжения образовались омографы в разных временных полях. Так, в поле настоящего времени для чалканского языка еще 70 лет назад Н.А. Баскаков описывал две формы: =*ып тьат* и =*ат*. Форму на =*ып тьат* он называл настоящим временем данного момента, тогда как форму на =*ат* – формой настоящего общего времени [Баскаков, 1985, с. 67]. В современном чалканском языке оппозиция между этими формами исчезла: форма =*ып тьат* обозначает и настоящее данного момента, и настоящее общего времени. С одной стороны, система упростилась: оппозиция недифференцированного (общего) и дифференцированного (привязанного к моменту речи) значений стерлась, но с другой, произошло усложнение семантики самой временной формы. Если у Н. А. Баскакова вспомогательный глагол *тьыт* (фонетический вариант глагола *тьат*= ‘лежать’, ‘жить’) записывается отдельно, то в настоящее время он утратил лексическое значение и самостоятельно не употребляется, поэтому носители языка пишут его слитно с семантическим глаголом. В парадигме настоящего времени он сохранился только в 3-м л. ед. ч., ср.: *ол ижере санап тьыт* ‘он хочет пить’ (по данным Н. А. Баскакова), *ол ищере саныптьыт* ‘он хочет пить’ (по данным современного чалканского языка). В таблице 1 отражены результаты стяжения форм настоящего времени чалканского языка. По таблице видно, что стяжение аналитической формы привело к размыванию границ морфем, и на данный момент можно только предполагать, к какой морфеме относится согласный, сохранившийся на стыке морфем: к временным или к личным показателям.

По данным, приведенным в таблице видно, что полные формы, представленные в работе Н. А. Баскакова, в современном чалканском языке стянулись. В результате стяжения образовались омографы, которые различаются в зависимости от употребления в контексте и места ударения.

Настоящее время на =ып тьат
Present on =ып тьат

Лицо	Данные Н. А. Баскакова					Данные современного чалканского языка				
	Tv	CV	Taux	Tense	Pers/Num	Tv	CV	Taux	Tense	Pers/Num
	Ед. ч.									
1	пар	ып	тьат	ар	ым	пар	–	т	–	ым
2	пар	ып	тьат	ар	ынъ	пар	–	–	–	сын
3	пар	ып	тьат	ар	–	пар	–	тьыт	–	–
	Мн. ч.									
1	пар	ып	тьат	ар	ывыс	пар	–	т	–	=ывыс =ыс
2	пар	ып	тьат	ар	ызар	пар	–	–	–	сар
3	пар	ып	тьат	ар	лар	пар	–	т	–	ыр

Таким образом, в чалканском языке можно выделить следующие случаи, в которых ударение выполняет смысловозначительную функцию:

1) форма 3-го л. мн. ч. настоящего времени сегментно совпадает с формой 3-го л. ед. ч. прошедшего заглазного времени на =тыр, например, *улар п̄ар-т-ыр* 'они идут' – *ол пар=тыр* 'он шел, оказывается'. Ср. примеры настоящего времени (1) и прошедшего заглазного времени (2).

(1) *Палыр тьеглек кавыртыр.*

па=лыр=∅ тьеглек=∅ **кавыр=тыр** (<кавыр=ып тьат=ыр)
ребенок=3PL=NOM ягода=NOM собирать=Pr1/3PL
'Дети собирают ягоду'.

(2) *Ол тьеглек кавыртыр.*

ол тьеглек **кавыр=тыр=∅**
он=NOM ягода=NOM собирать=PAST.EVID=3Sg
'Он, оказывается, собирал ягоду'.

В первом примере ударение падает на первый слог основы глагола, а во втором – на последний слог, т.е. на показатель прошедшего заглазного времени =тыр;

2) формы 1-го л. ед. и мн. ч. в настоящем времени на =ып тьат и прошедшем времени на =ды в глаголах с глухим согласным в ауслaute основы: *мен к̄ап-т-ым* 'я ловлю' – *мен кап-ты-м* 'я ловил'; *пыс к̄ап-т-ыс* / =ывыс 'мы ловим' – *пыс кап-т-ыс* / =ывыс 'мы ловили'. Ср., примеры (3) и (4), (5) и (6):

(3) *Мен оро кастым.*

Мен=∅ оро=∅ **кас=т=ым** (<каз=ып тьад=ым)
я=NOM яма=NOM копать=Pr1=1Sg
'Я копаю яму'

(4) *Мен оро кастым.*

мен=∅ оро=∅ **кас=ты=м**
я=NOM яма=NOM копать=PAST=1Sg
'Я копал яму'

(5) *Пыс пестерыс андын кайтыс.*

пыс=∅ пес=тер=ыс=∅ андын **каш=т=ыс** (<каж=ып тьад=ыс)
мы=NOM все=3PL=POSS=NOM оттуда бежать=Pr1=1PL
'Мы все оттуда бежим'

(6) *Пыс корыкак кайтыс.*

пыс=∅ корыкак=∅ **каш=ты=с**
мы=NOM испугаться=CV1 бежать=PAST=1PL
'Мы, испугавшись, бежали'.

В примерах (3) и (5) ударение падает на первый слог глагола, что указывает на глагол в настоящем времени, а в примерах (4) и (6) ударение падает на последний слог, т.е. на показатель прошедшего времени на =ды.

3) формы 2-го л. ед. и мн. ч. настоящего времени, в которых выпал показатель времени, и формы повелительного наклонения: *сен кáп*=сын ‘ты ловишь’ (2-е л. ед. ч. наст. вр.) – *ол кап*=сýн ‘пусть он ловит’ (3-е л. ед. ч. повелит. накл.); *слер кáп*=сар ‘вы ловите’ (2-е л. мн. ч. наст. вр.) – *слер кап*=сáр ‘вы ловите’ (2-е л. мн. ч. повелит. накл.). Ср. примеры (7) и (8).

(7) *Сен ат сáтсын.*

сен=Ø ат=Ø сат=сын
 ты=NOM конь= NOM продавать=Pr1/2Sg
 ‘Ты продаешь лошадь’

(8) *Ол ат сатсýн.*

ол=Ø ат=Ø сат=сын
 он=NOM конь= NOM продавать=IMP/3Sg
 ‘Пусть он продает коня’.

В примере (7) ударение падает на первый слог глагола, это указывает, что здесь представлена форма настоящего времени, а в примере (8) на последний слог, т.е. на личный показатель. В этом примере представлена форма императива, которая совпадает с показателем 2 лица;

4) подобные процессы проходят также и в поле прошедшего времени. Например, для неопределенного прошедшего времени Н. А. Баскаков указывал форму на =ган / =ген, =кан / =кен [Баскаков, 1985, с. 73]. В современном чалканском языке данная форма имеет другие фонетические варианты: =гын (присоединяется к основе с сонорными согласными) и =кын (присоединяется к основе с глухими согласными). При этом в составе морфемы =гын / =кын вне зависимости от гласных основы употребляется узкий гласный *ы*. Форма прошедшего неопределенного времени на =гын в современном чалканском языке при присоединении к основе простого глагола обычно сохраняет полную форму: *кыр*=гын ‘он входил’, кроме основ, оканчивающихся на гласный, например: *тöле-м* ‘я платил’, *сен кыста-н* ‘ты давил’, *ол сарна-н* ‘он пел’. Если же он присоединяется к глаголу, аналитическому по происхождению, то показатель прошедшего неопределенного времени, как правило, утрачивает свою полную форму или может сохранить только конечный согласный *н* при спряжении глагола в 3-м л. ед. и мн. ч. Примеры, в которых показатель прошедшего неопределенного времени утрачен полностью: *мен пар-ке-м* (< пар=ып кел=ген=им) ‘я сходил’; *сен тьоктыв-и-н* (< тьокт=ып ий=ген-ин) ‘ты рассказал’. В примере *мен пар-кем* (< пар=ып кел=ген=им) сохранился глухой согласный *-к*- анлаута вспомогательного глагола *кел*= ‘приходить’, а неанлаутный согласный показателя неопределенного прошедшего времени на =ган. В данном случае выступает глухой согласный *к*, который сохранился после выпавшего аффикса деепричастия на =(ы)п с конечным глухим согласным. Если бы сохранился анлаутный согласный неопределенного прошедшего времени на =ган, то сегодня мы наблюдали бы не глухой согласный *к*, а смычный заднеязычный согласный *г*, поскольку он следовал за сонорным согласным *л* и не мог иметь глухого варианта аффикса неопределенного прошедшего времени. Это можно проверить также следующим образом: если присоединить к основе простого глагола *пар*= ‘идти’ аффикс неопределенного прошедшего времени на =гын, показатель неопределенного прошедшего времени на =гын будет выступать в полной форме с анлаутным сонорным согласным *г*, который идет после основы с аусллаутным согласным *р*, например: *пар*=гын-м ‘я шел’. Примеры, в которых показатель прошедшего неопределенного времени сохранил только конечный согласный *н*: *ол сад-и-н* (< сад=ып ий=ген) ‘он продал’; *ол оцы=в-а-н* (< оцы=(п>в) ал=ган) ‘он сел’; *улар каш-ка-н-ыр* (< каж=ып кал=ган=ныр) ‘они убежали’; *улар тьура=в-а-н-ыр* ‘они нарисовали’. Следует обратить внимание на словоформы, которые в аусллауте главного глагола имеют гласную фонему, а в качестве вспомогательного глагола выступает глагол *ал* ‘брат’, например: *ол оцы=в-а-н* (< оцы=(п>в) ал=ган) ‘он сел’. Такие конструкции, восходящие к аналитическим в неопределенном прошедшем времени, пишутся одинаково в положительной и отрицательной форме (табл. 2).

Данная таблица показывает, что глагол *оцы* ‘сидеть’ в положительной и отрицательной парадигмах пишется одинаково. Различить, какая из форм выступает в предложении, можно по контексту или по ударению. При спряжении глаголов с аусллаутным гласным основы в положительной форме неопределенного прошедшего времени на =гын ударение падает на аусллаутный гласный основы, при спряжении глагола с аусллаутным гласным основы в отрицательной форме неопределенного прошедшего времени

**Спряжение глагола *оццы*- ‘сидеть’ в положительной и отрицательной форме
в чалканском языке**
Conjugation of the verb *оццы*- ‘sit’ in positive and negative form in the Chalkan

Лицо	Положительная форма	Отрицательная форма
	Ед.ч.	
1	<i>мен оццы-в-а-м</i> ‘я сел’	<i>мен оццы-ва-м</i> ‘я не сажился’
2	<i>сен оццы-в-а-н</i> ‘ты сел’	<i>сен оццы-ва-н</i> ‘ты не сажился’
3	<i>ол оццы-в-а-н</i> ‘он сел’	<i>ол оццы-ва-н</i> ‘он не сажился’
	Мн.ч.	
1	<i>мыс оццы-в-а-мыс</i> ‘мы сели’	<i>мыс оццы-ва-мыс</i> ‘мы не сажились’
2	<i>слер оццы-в-а-н-зар</i> ‘вы сели’	<i>слер оццы-ва-н-зар</i> ‘вы не сажились’
3	<i>улар оццы-в-а-ныр</i> ‘они сели’	<i>улар оццы-ва-ныр</i> ‘они не сажились’

ударение падает на гласный отрицательного аффикса =ва, например, *оццы́=в-а-н* (<*оццы*=(*n*>*в*) *ал=ган*) ‘он сел’ – *оццы=ва́-н* ‘он не сажился’. Данные словоформы образованы на базе разных форм: положительная восходит к аналитической конструкции *оццы*=(*n*>*в*) *ал=ган*, а отрицательная состоит из одной простой глагольной основы, к которой присоединяется аффикс отрицания =ва и аффикс лица. Ср. примеры (9) и (10).

(9) *Улар кырлыр тьурáваныр.*

улар=Ø кыр=лыр=Ø
они=NOM гора=PL=NOM
‘Они нарисовали горы’.

тьура=в=а=н=ыр (< тьур=ап ал=ган=ыр)
рисовать=Cv1 AUX: брать=PP1=PL3

(10) *Улар кырлыр тьуравáныр.*

улар=Ø кыр=лыр=Ø
они=NOM гора=PL=NOM
‘Они не рисовали горы’.

тьура=ва=н=ыр
рисовать=NEG=PP1=PL3

В примере (9) ударение падает на ауслаутный гласный основы глагола, это указывает на то, что здесь глагол в положительной форме неопределенного прошедшего времени на =*зын*. В (10) примере ударение падает на гласный отрицательного аффикса =ва, что указывает на то, что здесь использован глагол в отрицательной форме неопределенного прошедшего времени.

Таким образом, в чалканском языке в результате стяжения аналитических глагольных словоформ фонетический облик морфем претерпевает значительные изменения, и в ряде случаев сохраняются только корневые морфемы и личный показатель. Наиболее активно эти изменения происходят в индикативе чалканского языка, что приводит к сокращению количества временных форм и образованию смешанных парадигм. Это также приводит к появлению в языке многочисленных омографов, различить которые можно по ударению, что указывает на смысловозначительную функцию словесного ударения в чалканском языке.

Список литературы

- Баданова Т. А.* Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2011.
Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу – киж). М., 1985.
Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава; Пб., 1875.
Жунисбек А. Введение в сингармоническую фонетику. Алматы, 2009.
Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., Наука, 1984.

N. N. Fedina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
natfedina@yandex.ru*

On the Differentiating Function of Stress in the Chalkan Language

In the following article, we analyze the differentiating function of stress in the Chalkan language. By the means of stress, phonetically similar words and word forms are distinguished. Some researchers recognize this as a special function found in Turkic languages, while others don't believe that stress in Turkic languages serves as a means of differentiation. In the Chalkan language, many analytical verbal constructions have been united into single word forms due to contraction, and in some cases, only root morphemes and personal markers remain distinct. These processes are particularly active in the indicative. Because of this, the Chalkan language contains a large number of homographs which can only be distinguished by the means of stress. Ex.: 1) 3rd person plural present tense forms are partially similar to 3rd person singular subjective past tense forms with =*tyr*, for example: *ular pâr-t-tyr* 'they go' – *ol par=tÿr* 'he went, as it turns out'. In the first example, the stress falls on the first syllable of the verb stem, whereas in the second example, it falls on the last syllable. 2) 1st person singular and plural present tense forms with =*yp tat* ' and past tense forms with =*dy* with voiceless consonants in the stem auslaut: *men kâp-t-ym* 'I'm catching' – *men kap-tÿ-m* 'I was catching'; *pys kâp-t-ys / =yvys* 'we catch' – *pys kap-t-ÿs / =yvÿs* 'we caught'. If the stress falls on the first syllable, then the verb is used in the present tense, and in the past tense, it falls on the last syllable. 3) 2nd person singular and plural present tense forms which no longer contain tense markers and imperative forms: *sen kâp=syn* 'you catch' (2 Sg, present tense) – *ol kap=sÿn* 'let him catch' (3 Sg, Imp.); *sler kâp=sar* – 'you catch' (2 Pl, present tense) – *sler kap=sâr* 'let you catch' (2 Pl, Imp.). In the first example, stress falls on the first syllable of a verb, meaning that it is a present tense form, whereas the second example has stress on the last syllable (the personal marker), meaning that it is an imperative form which is phonetically similar to the 2nd person marker. 4) Verbs with auslaut vowels in the same in positive and negative forms of indefinite past tense with = *gyn* are homographs. For example: *oshhÿ=v-a-n* 'he sat' – *oshhy=vá-n* 'he did not sit'. In the first example, the stress falls on the auslaut vowel of the verb stem; in the second example, it falls on the negative affix =*va*. These word forms are derived from different initial forms: the positive one is derived from the analytical construction *oshhy=(p>v) al=gan*, while the negative one consists of a simple verb stem with the negative affix =*va* and personal marker.

Keywords: the Chalkan language, stress, differentiating function, verb.

References

- Badanova T.A. *Slovesnoe udarenie v altajskom jazyke v sopostavitel'nom aspekte* [Word stress in the Altai language in the comparative aspect]. Novosibirsk, 2011.
- Baskakov N.A. *Severnye dialekty altajskogo (ojrotskogo) jazyka. Dialekt lebedinskih tatar-chalkancev (kuu-kizhi)* [Northern dialects of the Altai (Oirat) language. Dialect Lebedinsky Tatars kalkanci (kuu – Kizhi)]. Moscow, 1985.
- Bodujen de Kurtenje I.A. *Opyt fonetiki rez'janskih govorov* [Experience rez'ansk phonetics of dialects]. Varshava, Petersburg, 1875.
- Zhunisbek A. *Vvedenie v singarmonicheskiju fonetiku* [Introduction to harmonic phonetics]. Almaty, 2009.
- Zinder L.R. *Obshhaja fonetika* [General phonetics]. Moscow, 1979.
- Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Fonetika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Phonetics]. Moscow, Nauka, 1984.

УДК 811.512'366
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-57-66

Н. Н. Широбокова, А. А. Озонова, А. Р. Тазранова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Показатели лично-числового спряжения в алтайском языке и его диалектах

В тюркских языках традиционно выделяют две парадигмы, оформляющие финитные формы индикатива. Для большинства тюркских языков Сибири характерна тенденция к образованию смешанной парадигмы, в которой аффиксы первого типа (восходящие к личным местоимениям) замещаются аффиксами второго типа (близкими по форме аффиксам принадлежности). Замена аффиксов первой группы на аффиксы второй протекает в разных тюркских языках с разной степенью интенсивности. Так, тувинский язык не включен в этот процесс, активно он развивается в диалектах хакасского, шорского, в некоторых говорах сибирских татар и диалектах алтайского языка. Характер и направленность изменений показывает, что алтайский язык потерял некоторые признаки, по которым он сближался с ареалом западных языков – наличие показателя 1 л. мн.ч. на *-(BI)к*. Сформировал особенно общие с другими тюркскими языками Сибири – тенденцию к образованию единой парадигмы личных показателей.

Ключевые слова: алтайский язык и его диалекты, грамматика, лично-числовые показатели.

Традиционно в тюркских языках выделяют два типа личных показателей, используемых для оформления финитных сказуемых.

Аффиксы первого, полного типа возводятся к личным местоимениям. В ряде языков, например, в тувинском и тофском, это даже не аффиксы, а сами местоимения, сохранившие свою фонетическую самостоятельность, но утратившие лексическую семантику и превратившиеся в постпозитивные лично-предикативные частицы.

Показатели второго, краткого типа совпадают с аффиксами личной принадлежности, различающиеся 3-м лицом, в одних случаях есть показатель принадлежности 3-го лица, в других – нет. Сами личные показатели подверглись значительной перестройке, поэтому имеют существенные отличия и

Широбокова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: shirobokova_nn@mail.ru, тел: тел. +7-(383)-330-84-69.

Озонова Айяна Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: ajanao@mail.ru, тел. +7-(383)-330-84-69.

Тазранова Алёна Робертовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: atazranova@mail.ru, тел: +7-(383)-330-84-69.

по структуре, и по фонетическим особенностям [см. Щербак, 1981, с. 23–40]. Эти парадигмы имеют место почти во всех тюркских языках.

На материале сибирских языков мы выделяем третий, смешанный тип, который сформировался в результате смешения показателей парадигм первого и второго типа.

Аффиксы личных показателей претерпевают изменения во всех тюркских языках. В тюркских языках Сибири это может быть смена аффиксов в парадигме 1-го типа на показатели парадигмы 2-го типа: например, появление краткого показателя 1-го л. ед. ч., присущего парадигме 2-го типа, иногда параллельно со старым показателем.

Такой процесс представлен в якутском, хотя в принципе этот язык отличается устойчивостью к процессу образования смешанных парадигм (таблица 1).

Показатели 1-го л. мн.ч. сблизилась уже в древнетюркском: первый тип *-mIz / -miz*; второй тип – *-biz / -mIz*, следовательно, речь идет только о 2-м лице мн.ч., что могло быть стимулировано изменением местоимения 2-го лица (*sen~sin > en*).

Требуется внимания оформление парадигм, базирующихся на одном и том же отпричастном показателе, когда они принимают показатели и первого, и второго типа, образуя при этом разные временные формы.

Таблица 1
Table 1

Лично-числовые аффиксы первого и второго типов в якутском языке
Personal-numeric affixes of the first and second types in the Yakut language

Аффиксы первого типа		Аффиксы второго типа	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л. <i>-бын</i>	<i>-быт</i>	1 л. <i>-(ы)м</i>	<i>-(ы)быт</i>
2 л. <i>-ҕын</i>	<i>-ҕыт</i>	2 л. <i>-(ы)ҕ</i>	<i>-гыт</i>
3 л. \emptyset	<i>-лар</i>	3 л. <i>-а</i>	<i>-лар (-лара)</i>

В примере (1) дано спряжение якутского глагола *бар* = ‘идти’ в форме прошедшего результативного на *-быт*, в примере (2) – спряжение этого же глагола в форме преждепрошедшего времени на *-быт*.

(1) якут.

1 л. *бар-быт-нын* ‘я шел’ *бар-быт-ныт* ‘мы шли’
2 л. *бар-бык-кын* ‘ты шел’ *бар-бык-кыт* ‘вы шли’
3 л. *бар-быт-Ø* ‘он шел’ *бар-быт-тара* ‘они шли’

(2) якут.

1 л. *бар-быт-ым* ‘я шел’ *бар-быт-ныт* ‘мы шли’
2 л. *бар-быт-ыҥ* ‘ты шел’ *бар-бык-кыт* ‘вы шли’
3 л. *бар-быт-а* ‘он шел’ *бар-быт-тара* ‘они шли’

Якутская парадигма ближе к древнетюркской, чем к парадигмам других тюркских сибирских языков.

Второй тип изменений: характер аффиксов 2-го лица мн.ч., где вместо древнетюркского показателя множественности на *-z* или вместе с ним появляется *-LAr* в разных степенях фонетического преобразования.

Это характерно для всех южносибирских языков, кроме якутского и тоболо-иртышских диалектов сибирских татар. Место сибирских языков в сравнении с другими тюркскими языками подробно описано в статье А. В. Дыбо [2017].

Из сибирских тюркских языков степень упрощения, формирование единой парадигмы личных окончаний наблюдается в наибольшей степени в алтайском языке. Только алтайскому языку свойственно употребление именных предикатов без постпозитивных личных окончаний. Хотя отсутствие личных постпозитивных показателей встречается в диалектах татарского языка, не только при именных, но и при глагольных показателях. В современном алтайском языке представлена одна парадигма для собственно финитных и отпричастных форм, т. е. произошло слияние двух парадигм в одну.

Процесс стяжения парадигм – характерное для сибирских тюркских языков (хакасский, шорский) явление. Общая тенденция ведет к экономии личных показателей. В качестве примера можно привести показатель 1 л. мн. ч. =(Ы)к, выделяемый в первых двух грамматиках алтайского языка, а в современной грамматике уже не представленный.

1. Лично-числовые показатели в грамматиках по алтайскому языку

1.1. Лично-числовые показатели в «Грамматике алтайского языка» (1869)

В первой научной «Грамматике алтайского языка» (1869) выделяются две группы аффиксов. Основанием разделения на две парадигмы послужило ударение: первая группа «переносит на себя ударение», вторая группа «не переносит на себя ударение» (таблица 2).

Авторы «Грамматики...» пишут, что личные аффиксы первой группы принимают «формы самостоятельного образования (повелительная 2 л., прошедшая повествовательная, предварительная)», личные аффиксы второго типа – «составные формы (напр. описательные)» [Грамматика, 1869, с. 56]. При оформлении сказуемого финитными формами ударение падает на личный показатель, при оформлении причастными формами личные показатели ударения не принимают.

Таблица 2
Table 2

Типы лично-числовых аффиксов в алтайском языке по «Грамматике алтайского языка» (1869) Types of personal-numeric affixes in the Altai language on “Grammar of the Altai language” (1869)

Лицо	Аффиксы первого типа		Аффиксы второго типа	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1	-ым	-ыбис, -ык	-ым	-ык, -ыбис
2	-ын	-ыгар, -ыгар, -аар	-зын, -ын	-зыгар, -зыгар, -заар; -ыгар, -ыгар, -аар
3	∅	∅, -лар	∅	∅, -лар

Следует отметить, что показатель 1-го л.мн.ч. -(Ы)к употребляется не только с формами прошедшего времени на -ДЫ и условного наклонения на -СА, но и с причастными формами (-ГАН, -АТАН и др.).

Авторы грамматики приводят примеры спряжения глагола *сат* = ‘продавать’ в финитной форме на -ДЫ (пример 3) и в причастной форме на -ГАН (пример 4).

(3) алт.

1 л. мен *сат=ты=м* ‘я продавал’
2 л. сен *сат=ты=н* ‘ты продавал’
3 л. ол *сат=ты* ‘он продавал’

нис сат=ты=бис / *сат=ты=к* ‘мы продавали’
слер сат=ты=гар / *сат=ты=нгар* ‘вы продавали’
алар сат=ты=лар / *сат=ты* ‘они продавали’

(4) алт.

1 л. мен *сат=кан=ым* / *сат=ка-м*
‘я продавал’
2 л. сен *сат=кан=зын* / *сат=кан=ын*
‘ты продавал’
3 л. ол *сат=кан* ‘он продавал’

нис сат=кан=ыбис / *сат=кан=ык*
‘мы продавали’
слер сат=кан=загар / *сат=кан=ыгар*
‘вы продавали’
алар сат=кан=дар / *сат=кан* ‘они продавали’

Разнообразие представленных показателей 2 л. во втором типе спряжения наводит на мысль о том, что авторами в этой парадигме использованы данные не только алтай-кижи, но и телеутов.

1.2. Лично-числовые показатели в «Грамматике ойротского языка» (1940)

«Грамматика ойротского языка» Н. П. Дыренковой, которая вышла в 1940 г., отражает тенденции к изменениям, накопившиеся со времени выхода первой грамматики. Это тенденция к стяжению

лично-числовых показателей. Первое изменение коснулось 1 л. мн. ч. Так, в примечании указывается, что в говорах для 1 л. мн. ч. наряду с полной формой $=\text{(Ы)}\text{бЫс}$ употребляется стянутая форма $=\text{(Ы)}\text{с}$: $\text{чык}=\text{ты}=\text{быс}$ / $\text{чык}=\text{ты}=\text{с}$ [Дыренкова, 1940, с. 171]. Следующее изменение касается формы 3 л. мн. ч. Так, автор указывает, что более частотна форма без показателя множественного числа $=\text{ЛАр}$: $\text{чык}=\text{ты}$. Следует отметить, что в «Грамматике алтайского языка» (1869) указывалась только полная форма $=\text{(Ы)}\text{бЫс}$, для формы 3 л. мн. ч. первым идет форма с показателем множественного числа $=\text{ЛАр}$, а потом уже без этого показателя (таблица 3).

Таблица 3
Table 3

Типы лично-числовых аффиксов по «Грамматике ойротского языка» (1940)
The types of personally-numeric affix “The Grammar oyrotskih language” (1940)

Лицо	Единственное число	Множественное число
1 л.	-ым	-ыбыс / -ык
2 л.	-зын / -ын	-загар / -ыгар
3 л.	Ø	-лар / Ø

Рассмотрим спряжение глагола $\text{чык}=\text{‘выходить’}$ в финитной форме прошедшего времени на $=\text{ДЫ}$ (пример 5) и в причастной форме на $=\text{ГАН}$ (пример 6), которое проиллюстрировано в этой грамматике [Дыренкова, 1940, с. 170; 174].

(5) алт.

1 л. мен $\text{чык}=\text{ты}=\text{м}$ ‘я вышел’
2 л. сен $\text{чык}=\text{ты}=\text{н}$ ‘ты вышел’
3 л. ол $\text{чык}=\text{ты}$ ‘он вышел’

бис $\text{чык}=\text{ты}=\text{быс}$ / $\text{чык}=\text{ты}=\text{к}$ ‘мы вышли’
слер $\text{чык}=\text{ты}=\text{гар}$ ‘вы вышли’
олор $\text{чык}=\text{ты}$ / $\text{чык}=\text{ты}=\text{лар}$ ‘они вышли’

(6) алт.

1 л. мен $\text{чык}=\text{ка-м}$ / $\text{чык}=\text{кан}=\text{ым}$
‘я вышел’
2 л. сен $\text{чык}=\text{ка-н}$ / $\text{чык}=\text{кан}=\text{ын}$ / $\text{чык}=\text{кан}=\text{зын}$
‘ты вышел’
3 л. ол $\text{чык}=\text{кан}$ ‘он вышел’

бис $\text{чык}=\text{кан}=\text{ыбыс}$ / $\text{чык}=\text{кан}=\text{ык}$
‘мы вышли’
слер $\text{чык}=\text{кан}=\text{ыгар}$ ‘вы вышли’

олор $\text{чык}=\text{кан}$ / $\text{чык}=\text{кан}=\text{дар}$ ‘они вышли’

Н. П. Дыренкова в примечании указывает, что обычно в роли сказуемого используется стянутая форма: $\text{чык}=\text{ка-м}$. Формы типа $\text{чык}=\text{кан}=\text{ым}$ употребляются в функции подлежащего или дополнения [Дыренкова, 1940, с. 176]. А формы типа $\text{чык}=\text{кан}=\text{зын}$, $\text{чык}=\text{кан}=\text{зыгар}$ характерны для северных диалектов, в частности туба-диалекта [Дыренкова, 1940, с. 175].

1.3. Лично-числовые показатели
в «Грамматике современного алтайского языка. Морфология» (2017)

Таблица 4
Table 4

Типы лично-числовых аффиксов
по «Грамматике современного алтайского языка. Морфология» (2017)
Types of personal-numeric affixes on “Grammar of modern Altai language. Morphology” (2017)

Аффиксы финитного типа		Аффиксы притяжательного типа	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л. $-\text{(Ы)}\text{м}$	$-\text{(Ы)}\text{бЫс}$ ($=\text{Ыс}$)	1 л. $-\text{(Ы)}\text{м}$	$-\text{(Ы)}\text{бЫс}$ ($=\text{Ыс}$)
2 л. $-\text{(Ы)}\text{н}$	$-\text{(Ы)}\text{гАр}$ ($=\text{Ар}$)	2 л. $-\text{(Ы)}\text{н}$	$-\text{(Ы)}\text{гАр}$ ($=\text{Ар}$)
3 л. Ø	$-\text{(Ы)}\text{ЛАр}$	3 л. $-\text{Ы}(\text{н})$	$-\text{ЛАрЫ}(\text{н})$

В «Грамматике современного алтайского языка. Морфология» (2017) выделяется два типа спряжения: финитный и притяжательный (таблица 4). Различия между ними небольшие: «нулевой аффикс 3 л. ед.ч. в финитном типе по сравнению с аффиксом *-Ы* в посессивном, а также инвертированный порядок компонентов в показателе 3-го л. мн. ч. Инфикс *-н-* в составе показателей 3-го л. появляется только перед аффиксами локальных падежей» [Грамматика современного, 2017, с. 221].

Притяжательный тип личного оформления употребляется «только с причастиями в их функциях предикатов зависимых предикативных единиц в составе сложного предложения» [Грамматика современного, 2017, с. 221]. Таким образом, этот тип употребляется за пределами индикатива и в современном алтайском литературном языке существует один тип спряжения в рамках индикатива.

Показатель 1 л. мн. ч. $= (Ы)бЫс$, как в грамматике алтайского языка, так и в грамматике Н. П. Дыренковой, дан в полной форме наряду с вариативной формой на $= (Ы)к$, тогда как в современном описании $= (Ы)бЫс$ в большинстве случаев употребляется в стяженном виде: $= (Ы)с$.

Примеры спряжения глагола *чык* = 'выходить' в финитной форме на $= ДЫ$ (пример 7) и в причастной форме на $= ГАН$ (пример 8) в современном алтайском языке:

(7) алт.

1 л. мен чык=ты=м 'я вышел'	бис чык=ты=быс / чык=ты=с 'мы вышли'
2 л. сен чык=ты=н 'ты вышел'	слер чык=ты=гар / чык=т=аар 'вы вышли'
3 л. ол чык=ты 'он вышел'	олор чык=ты / чык=ты=лар 'они вышли'

(8) алт.

1 л. мен чык=ка-м 'я вышел'	бис чык=кан=ыбыс / чык=кан=ыс 'мы вышли'
2 л. сен чык=ка-н 'ты вышел'	слер чык=кан=ыгар / чык=кан=аар 'вы вышли'
3 л. ол чык=кан 'он вышел'	олор чык=кан / чык=кан=дар 'они вышли'

Показатель на $- (Ы)к$ в последней по времени грамматике алтайского языка не указывается. В литературном языке и теленгитском диалекте он полностью вышел из употребления. В языке бачатских телеутов аффикс $- (Ы)к$ «проходит через все спряжение глаголов в 1 л. мн. ч., включая форму условного наклонения», и является единственным показателем [Фисакова, 1977, с. 92].

(9) телеут.

1 л. мен пар=ды=м 'я пошел'	нис пар=ды=к 'мы пошли'
2 л. сен пар=ды=н 'ты пошел'	слер пар=ды=гар 'вы пошли'
3 л. ол пар=ды 'он пошел'	анар пар=ды (лар) 'они пошли'

2. Лично-числовые показатели в диалектах алтайского языка

Южные диалекты

В южных диалектах алтайского языка – алтай-кижи и теленгитском, – как и в алтайском литературном, представлен один тип спряжения. Ниже приведен пример спряжения теленгитского глагола *чык* = 'выходить' в финитной форме на $= ДЫ$ и в причастной форме на $= ГАН$.

(10) теленг.

1 л. мен чык=ты=м 'я вышел'	бис чык=т-ус 'мы вышли'
2 л. сен чык=ты=н 'ты вышел'	слер чык=т-ар / -аар 'вы вышли'
3 л. ол чык=ты 'он вышел'	олор чык=ты 'они вышли'

(11) теленг.

1 л. мен чык=ка-м 'я вышел'	бис чык=кан=ус 'мы вышли'
2 л. сен чык=ка-н 'ты вышел'	слер чык=кан=ар 'вы вышли'
3 л. ол чык=кан 'он вышел'	олор чык=кан 'они вышли'

Северные диалекты

В кумандинском диалекте выделяется два типа аффиксов (таблица 5).

Аффиксы второго типа принимает форма прошедшего времени на =ДЫ. Все остальные формы индикатива спрягаются по смешанному типу.

(12) кум.

1 л. мен чык=ты=м 'я вышел'	нис чык=ты=быс 'мы вышли'
2 л. сен чык=ты=ң 'ты вышел'	снер чык=т=аар 'вы вышли'
3 л. ол чык=ты 'он вышел'	анар чык=ты=лар 'они вышли'

Таблица 5
Table 5

Типы лично-числовых аффиксов в кумандинском диалекте по М. Б. Петрушовой (2005)
Types of personal-numeric affixes in the Kumandin dialect by Petrushova (2005)

Первый (полный) тип аффиксов		Второй (краткий) тип аффиксов	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л. -БЫн	-(Ы)быс	1 л. -(Ы)м	-(Ы)быс
2 л. -СЫн	-Саp	2 л. -(Ы)ң	-Ар
3 л. Ø	-Лар	3 л. Ø	-Лар

Форма давнопрошедшего времени на -ГAn, будущего времени на -(A)p, «прошедшего-будущего времени постоянного необходимого действия» на -чЫн спрягаются по второму типу, но во 2 л. ед. ч. и мн. ч. принимают аффиксы первого типа. При этом во 2 л. ед. ч. как вариант появляется аффикс по второму типу.

(13) кум.

1 л. мен пар=ган=ым / пар=га-м 'я пошел'	нис пар=ган=ыбыс 'мы пошли'
2 л. сен пар=ган=зың / пар=га=ң 'ты пошел'	снер пар=ган=заар 'вы пошли'
3 л. ол пар=ган 'он пошел'	анар пар=ган=нар 'они пошли'

Относительно «молодые» формы: форма прошедшего заглазного времени на -ТЫр, прошедшего еще не завершившегося действия -ГAlAK, будущего вероятного (возможного) времени на -Fайдык спрягаются по первому типу. При этом у форм -ГAlAk и -Fайдык появляются варианты по второму типу в 1 л. ед. ч., а у формы -тЫр – в 1 л. ед. ч. и 2 л. ед. ч.

(14) кум.

1 л. мен пар=галақ=пын / пар=галағ-ым 'я еще не пошел'	нис пар=галақ=пыс 'мы еще не пошли'
2 л. сен пар=галақ=сың 'ты еще не пошел'	снер пар=галақ=саар 'вы еще не пошли'
3 л. ол пар= галақ 'он еще не пошел'	анар пар=галақ=тар 'они еще не пошли'

(15) кум.

1 л. мен пар=тыр=бын / пар=тыр=ым 'я пошел, оказывается'	нис пар=тыр=ыбыс 'мы пошли, оказывается'
2 л. сен пар=тыр=зың / пар=тыр=ың 'ты пошел, оказывается'	снер пар=тыр=заар 'вы пошли, оказывается'
3 л. ол пар=тыр 'он пошел, оказывается'	анар пар=тыр=лар 'они пошли, оказывается'

В чалканском и туба диалектах при спряжении глаголов наблюдается смешанное спряжение. В этих диалектах, в отличие от алтайского литературного, процесс выравнивания парадигмы личных показателей еще не закончен. Наиболее устойчивы личные показатели 2 л. ед. и мн. ч.

(16) чалк.

1 л. мен пар=г=ым 'я пошел'	пыс пар=г=ымыс 'мы пошли'
2 л. сен пар=г=ын 'ты пошел'	слер пар=гын=зар 'вы пошли'
3 л. ол пар=гын 'он пошел'	лар пар=гын=ыр 'они пошли'

(17) туба

1 л. <i>мен пар=г=ам</i> ‘я пошел’	<i>нис пар=ган=ывыс / пар=ган=ыс</i> ‘мы пошли’
2 л. <i>сен пар=ган=зын</i> ‘ты пошел’	<i>слер пар=ган=зар</i> ‘вы пошли’
3 л. <i>ол пар=ган</i> ‘он пошел’	<i>лар пар=ган=лар / пар=ган=ар</i> ‘они пошли’

(18) чалк.

1 л. <i>мен пар=тыр=ым</i> ‘я пошел, оказывается’	<i>ныс пар=тыр=ывыс / пар=тыр=ыс</i> мы пошли, оказывается’
2 л. <i>сен пар=тыр=зын</i> ‘ты пошел, оказывается’	<i>слер пар=тыр=зар</i> ‘вы пошли, оказывается’
3 л. <i>ол пар=тыр</i> ‘он пошел, оказывается’	<i>лар пар=тыр=лыр / пар=тыр</i> ‘они пошли, оказывается’

(19) туба

1 л. <i>мен пар=тыр=ым</i> ‘я пошел, оказывается’	<i>нис пар=тыр=ывыс / пар=тыр=ыс</i> ‘мы пошли, оказывается’
2 л. <i>сен пар=тыр=зын</i> ‘ты пошел, оказывается’	<i>слер пар=тыр=зар</i> ‘вы пошли, оказывается’
3 л. <i>ол пар=тыр</i> ‘он пошел, оказывается’	<i>лар пар=тыр=лар / пар=тыр</i> ‘они пошли, оказывается’

Аффиксы второго типа принимает форма прошедшего времени на =ДЫ (примеры 20 и 21).

(20) чалк.

1 л. <i>мен чык=ты=м</i> ‘я вышел’	<i>ныс чык=ты=выс / чык=ты=с</i> ‘мы вышли’
2 л. <i>сен чык=ты=н</i> ‘ты вышел’	<i>слер чык=т=ар</i> ‘вы вышли’
3 л. <i>ол чык=ты</i> ‘он вышел’	<i>лар чык=ты=лыр</i> ‘они вышли’

(21) туба

1 л. <i>мен чык=ты=м</i> ‘я вышел’	<i>нис чык=ты=выс / чык=ты=с</i> ‘мы вышли’
2 л. <i>сен чык=ты=н</i> ‘ты вышел’	<i>слер чык=т=ар</i> ‘вы вышли’
3 л. <i>ол чык=ты</i> ‘он вышел’	<i>лар чык=ты=лар</i> ‘они вышли’

Таким образом, в современном алтайском литературном языке и его южных диалектах – алтай-кижи и теленгитском – существует один тип спряжения в рамках индикатива. В северных диалектах – чалканском, туба, кумандинском, – этот процесс выравнивания парадигмы личных показателей еще не закончен. Наиболее устойчивы личные показатели 2 л. ед. ч. и мн. ч.

3. Лично-числовые показатели при именном сказуемом

В современном алтайском языке именное сказуемое в настоящем времени не имеет личного оформления; лицо выражается подлежащим (пример 22).

(22) алт.

Бис иште.
бис иш=те
мы работа=ЛОС
‘Мы на работе.’

В прошедшем и будущем времени лицо может выражаться и подлежащим, и личными аффиксами сказуемого или же только личными аффиксами сказуемого (пример 23). Связка принимает личные аффиксы лично-финитного типа (пример 24).

(23) алт.

Бис иште болгоныбыс.
бис иш=те бол=гон=ыбыс
мы работа=ЛОС быть=PP1=1PL
‘Мы были на работе.’

(24) алт.

Бис иште болорыбыс.

бис иш=те бол=ор=ыбыс
мы работа=LOC быть=PrP=1PL
'Мы будем на работе.'

Авторы «Грамматики алтайского языка» (1869) отмечают, что именные предикаты получают личные аффиксы первого (полного) типа:

Единственное число	Множественное число
1 л. - <i>мін</i>	- <i>бис</i>
2 л. - <i>зын</i>	- <i>зынар, -зыгар, -заар, -зылар, -зілер</i>
3 л. - <i>ол</i>	- <i>лар, -лер</i>

При этом для 2 л. мн. ч. представлены формы двух типов: =*зынар* / =*зыгар* / =*заар* и =*зылар* / =*зілер*.

Примеры: *Мен бай=мін* 'я богат', *мен үйде=мін* 'я дома';
сен бай=зын 'ты богат', *сен үйде=зын* 'ты дома';
ол бай, бай ол, 'он богат', *ол үйде* 'он дома';
пис бай=бис 'мы богаты', *пис үйде=бис* 'мы дома';
слер бай=зыгар 'вы богаты', *слер үйде=зігер* 'вы дома';
алар пай=лар 'они богаты', *үйде=лер* 'они в доме' [Грамматика, 1869, с. 54–55].

Для нас остается вопрос: могли ли (если да, то в какой мере) оказать влияние на построение этих парадигм данные телеутского языка, используемые в грамматике, т. к. в языке бачатских телеутов и в настоящее время существует личное оформление именного сказуемого.

В «Грамматике ойротского языка» личное оформление именных предикатов уже отсутствует и отмечено как явление старого языка [Дыренкова, 1940, с. 237].

По оформлению именного сказуемого личными аффиксами диалекты алтайского языка не едины. Южные диалекты (алтай-кижи и теленгитский) утратили механизм оформления личными аффиксами.

В языке бачатских телеутов именное сказуемое принимает личное оформление. Образец спряжения именного сказуемого в языке бачатских телеутов по работе Г. Г. Фисаковой представлен в примере 25 [Фисакова, 1977, с. 91].

(25) телеут.

1 л. <i>men teleŋetmin</i> 'я телеут'	<i>pis teleŋetteribis</i> 'мы телеуты'
2 л. <i>sen teleŋetsiŋ</i> 'ты телеут'	<i>ser teleŋetterziger / teleŋetterze:r</i> 'вы телеуты'
3 л. <i>ol teleŋet</i> 'он телеут'	<i>alar teleŋet(ter)</i> 'они телеуты'

В северных диалектах регулярно использовалось личное оформление именных предикатов. Для этих целей последовательно употреблялись лично-предикативные аффиксы I-го типа. Однако, как пишет Т. А. Николаева, «в настоящее время можно говорить о некоторой тенденции в северных диалектах Алтая к опусканию лично-предикативных аффиксов при именных предикатах. По данным ДАТЯ СССР они не используются в туба-диалекте и нерегулярны в чалканском диалекте. Последовательно именные предикаты оформляются лично-предикативными аффиксами в кумандинском диалекте алтайского языка» [Николаева, с. 131]. Тенденция к нулевому оформлению именного сказуемого в северных диалектах алтайского языка, видимо, объясняется влиянием алтайского литературного языка, в котором именное сказуемое не принимает лично-предикативные аффиксы.

В настоящее время из северных диалектов личное оформление именного сказуемого сохраняется только в кумандинском, что объясняется наименьшим влиянием на него алтайского литературного языка.

(26) кум.

<i>мен үргенчи=бин</i> 'я ученик'	<i>пис үргенчи=бис</i> 'мы ученики'
<i>сен үргенчи=сиң</i> 'ты ученик'	<i>слер үргенчи=зеер</i> 'вы ученики'
<i>ол үргенчи</i> 'он ученик'	<i>анар үргенчи=лер</i> 'они ученики'

Для современного чалканского диалекта Н. Н. Федина выделяет следующие показатели сказуемости для имен существительных и прилагательных [Федина 2014: 181–188].

Единственное число		Множественное число
1-е л.	-ДЫм	-ДЫс
2-е л.	-СЫн	-САр
3-е л.	-0	-ЛЫр

В аффиксах 1 л. ед. и мн. ч. компонент аффикса -д- представляет собой сохранившийся элемент связки (либо *тур=*, либо *эди=*).

В современном чалканском диалекте именное сказуемое принимает личное оформление факультативно.

(27) чалк.

1 л. <i>мен ангицы / ангицыдым</i>	‘я охотник’	<i>ныс ангицы / ангицыдыс</i>	‘мы охотники’
2 л. <i>сен ангицы / ангицызын</i>	‘ты охотник’	<i>слер ангицы / ангицызер</i>	‘вы охотники’
3 л. <i>ол ангицы</i>	‘он охотник’	<i>лар ангицы / ангицылыр</i>	‘они охотники’

Таким образом, алтайский язык дает возможность проследить изменения структуры парадигмы личных показателей и их форм благодаря наличию трех научных грамматик, вышедших в свет с примерно равными промежутками (70 лет). Характер и направленность изменений показывает, что алтайский язык потерял некоторые признаки, по которым он сближался с ареалом западных языков – наличие показателя 1 л. мн. ч. на *-(Ы)к*. Сформировалась особенность, общая с другими тюркскими языками Сибири, – тенденция к образованию единой парадигмы личных показателей. Алтайский литературный и южные диалекты (кроме бачатских телеутов) практически сформировали единую парадигму личных показателей в индикативе. Тенденция к упрощению представлена практически во всех тюркских языках, сибирские языки выработали достаточно единый общий механизм ее реализации. Наиболее уязвимым оказывается первое лицо, аффикс лица первой парадигмы заменяется аффиксом второй парадигмы. В аффиксе 2 л. показатель множественности на *-z-* меняется на другой показатель множественности на *-LAr/-Ar*. Таким образом, в алтайском литературном языке сейчас представлена одна парадигма, в других тюркских языках Сибири существует еще особый смешанный тип, в котором наличествуют аффиксы первой и второй парадигмы. В диалектах алтайского языка имеются переходные типы, например, в кумандинском.

Список литературы

- Грамматика* алтайского языка. Составлена членами Алтайской духовной миссии. Казань, 1869. 291 с.
- Грамматика* современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 575 с.
- Дыбо А. В. Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках // Урало-алтайские исследования. Москва, 2017. №3 (26). С. 127–147.
- Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. Под ред. С. Е. Малова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 303 с.
- Николаева Т. А. Личное оформление именных предикатов в диалектах алтайского языка // Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири. Новосибирск, 1986. С. 124–131.
- Петрушова М. Б. Краткая грамматика кумандинского языка. Учебное пособие. Новосибирск, 2005. 111 с.
- Федина Н. Н. Об именных сказуемых в чалканском языке // Сибирский филологический журнал. № 2. Новосибирск, 2014. С. 181–188.
- Федина Н. Н. Фонетические и морфологические особенности современного чалканского языка (в сопоставлении с хакасским, шорским и алтайским языками). Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010 г.
- Фисакова Г. Г. Личное оформление сказуемого в бачатско-телеутском языке // Языки народов Сибири. Кемерово: изд-во КемГУ, 1977. С. 91–94.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л.: «Наука» Ленинградское отд-е. 1981. 181 с.

Список условных обозначений

Грамматические значения в глоссах:

1P1 – личный аффикс 1-го л. мн. ч.; **LOC** – местный падеж; **PP1** – причастная форма прошедшего времени на =ган; **PrP** – форма причастия настоящего-будущего времени на =ар; **знак равенства** – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах.

N. N. Shirobokova, A. A. Ozonova, A. R. Tazranova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk, Russian Federation;
nn_shirobokova@mail.ru, ajanao@mail.ru, atazranova@mail.ru*

Personal-Numerical Conjugation Markers in the Altai Language and Its Dialects

Personal-numerical markers in Turkic verb forms are united into several paradigms that initially used to differ from each other by their affixes and the phonetic traits of the affixes stemming from the same original affix. Traditionally, two paradigms forming the finite indicative forms are distinguished. In most Siberian Turkic languages, there is a trend towards mixed paradigms, where the first type of affixes (derived from personal pronouns) is replaced by affixes of the second type (similar to affixes of belonging). This shift of affixes occurs in various Turkic languages with varying intensity: for example, it is not observed in the Tuvan language, however, it is actively developing in Khakas, Shor, some Siberian Tartar dialects, and Southern Altai dialects. It is possible to observe this process in three Altai grammars with large historical intervals between them (they were published in 1869, 1940, and 2017). In the latest grammar, one can see a unified paradigm for all indicative forms. The first person plural marker *-k*, which was listed in the previous grammars, is no longer found here. Now, it is only found in the Bachat Teleut language, where it is used as the only first person plural marker.

Keywords: Altai language and its dialects, grammar, personal and numerical indicators, conjugation, Turkic languages of Siberia, personal paradigm

References

- Dybo A.V. Eshhe raz ob istorii pokazatelej lichno-chislovogo sprjazhenija v tjurkskih jazykah [Once More on History of Markers of Personal-Numerical Conjugation in Turkic Languages]. *Uralo-altajskie issledovanija*. Moscow, 2017, No 3 (26), pp. 127–147.
- Dyrenkova N.P. *Grammatika ojrotskogo jazyka* [Oirat Grammar]. S.E. Malova (Ed.). Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1940, 303 p.
- Fedina N.N. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti sovremennogo chalkanskogo jazyka (v sopostavlenii s hakasskim, shorskim i altajskim jazykami)* [Phonetic and Morphological Features of the Modern Chalkan Language (Compared to Khakas, Shor, and Altai Languages)]: Cand. of Philology Diss. Novosibirsk, 2010.
- Fedina N.N. Ob imennyh skazuemyh v chalkanskom jazyke [On Personalized Predicates in the Chalkan Language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. Novosibirsk, 2014, No 2, pp. 181–188.
- Fisakova G.G. Lichnoe oformlenie skazuemogo v bachatsko-teleutskom jazyke [Personal Formation of Bachat-Teleut Predicates]. *Jazyki narodov Sibiri*. Kemerovo: izd-vo KemGU, 1977, pp. 91–94.
- Grammatika altajskogo jazyka. Sostavlena chlenami Altajskoj duhovnoj missii* [Altai Grammar. Composed by members of the spiritual mission]. Kazan', 1869, 291 p.
- Grammatika sovremennogo altajskogo jazyka. Morfologija* [Modern Altai Grammar. Morphology]. Gorno-Altajsk, 2017, 575 p.
- Nikolaeva T.A. Lichnoe oformlenie imennyh predikatov v dialektah altajskogo jazyka [Personal Formation of Personalized Predicates in Altai Dialects]. *Dialektologija i areal'naja lingvistika tjurkskih jazykov Sibiri*. Novosibirsk, 1986, pp. 124–131.
- Petrushova M.B. *Kratkaja grammatika kumandinskogo jazyka* [Brief Kumandy Grammar]. Uchebnoe posobie. Novosibirsk, 2005, 111 p.
- Shherbak A.M. *Oчерки по sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov (glagol)* [Studies of Comparative Morphology of Turkic Languages (Verbs)]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1981, 181 p.

ФОНЕТИКА

УДК 81'342.2: 811.512.151

DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-67-73

А. А. Добринина

Институт филологии СО РАН

Акустические характеристики гласного типа «а» в языке теленгитов

В данной статье рассматриваются твердоядные вокальные настройки типа «а» в языке теленгитов. Выбор был сделан не случайно – это самая частотная гласная в рассматриваемом языке. Было выявлено противопоставление данного типа гласных по длительности, установлена зависимость продолжительности артикуляции от населенного пункта. По формантным показателям для звукотипа «а» был установлен ряд и подъем. По экспериментальным данным почти все «а»-образные гласные 5-ой ступени отстояния. Есть некоторые различия по ряду. Так, почти все полудолгие центральнозаднего ряда, а краткие – заднего, центральнозаднего, центрального ряда (после среднеязычных).

Ключевые слова: фонетика, тюркские языки Сибири, вокализм, язык теленгитов, диалект, акустический анализ, артикуляционно-акустическая база.

Каждый язык имеет свою специфику, а разделение звуков речи на гласные и согласные свойственно всем языкам мира. Гласные и согласные различаются как с лингвистической, так и с артикуляционной и акустической точек зрения.

С акустической точки зрения гласные являются по преимуществу тонами и имеют чёткую формантную структуру. Основное отличие гласных от согласных заключается в наличии или отсутствии преграды в ротово-глоточной полости. Гласные характеризуются разлитым напряжением всего производного аппарата, нелокализованной артикуляцией. Отсутствие определенного фокуса образования гласных затрудняет построение анатомо-физиологических классификаций гласных.

По экспериментальным данным С. И. Машталира, в теленгитском диалекте выделяется 16 гласных фонем, что соответствует классической схеме вокализма тюркских языков [Машталир, 1983, с. 121]. Но позднее в статье «Состав гласных фонем в теленгитском диалекте алтайского языка» он выделяет 14 гласных фонем: «не удалось подобрать квазиомонимов, различающихся по долготе и краткости с долгими гласными фонемами [i:], [ɤ:]» [Машталир, 1984, с. 78].

По данным Н. Д. Алмадаковой, в современном улаганском диалекте языка теленгитов 18 гласных фонем: 9 кратких – *а, о, ы, у, э, ө, и, ү, ä* и 9 долгих – *аа, оо, ыы, уу, ээ, өө, ии, үү, ää*. Краткие фонемы реализуются в разных позициях (анлауте, инлауте и ауслауте) в именных и глагольных словоформах разной слоговой структуры [Алмадакова, 2016, с. 49].

Как видим, разные авторы выявляют разный состав гласных фонем в теленгитском. Более того, один автор, С. И. Машталир, в своих работах приходит к разным выводам относительно вокального

Добринина Альбина Альбертовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: dobrinina@philology.nsc.ru, тел: +7-(383)-330-53-46.

состава: сначала выделяет 16 фонем, а позже – 14. Таким образом, вопрос о составе гласных фонем языка теленгитов требует определенных уточнений и специального глубокого анализа.

В настоящем исследовании представим предварительные данные, полученные методом акустического анализа с помощью программы SpeechAnalyzer.

Не рассеиваясь на исследование всех типовых вокальных настроек языка теленгитов, в настоящей работе остановимся на звукотипе «а». Выбор обусловлен относительно высокой частотностью звукотипа в речи, хотя он и имеет ограниченность использования по сингармоническому ряду. Данный звукотип встречается в твердорядных словоформах в начале, медиали и конце слова, а также в позиции к среднеязычным согласным.

Актуальным является обращение к экспериментальным методам исследования, которые позволяют наиболее адекватно описать акустико-артикуляторные характеристики, представить спектральную картину гласного, особенности его реализации, но точно указать на какую-то точку в речевом аппарате, где бы образовался какой-то гласный, сложно.

Запись материала осуществлялась в полевых условиях на диктофон в формате mp3. В лабораторных условиях лингвистический материал конвертировался в формат wav с помощью компьютерной программы Freemake Audio Converter. Как было сказано ранее, при расшифровке и анализе материалов использовалась компьютерная программа создания и обработки звуковых файлов SpeechAnalyzer, которая позволяет прослушивать и анализировать сегменты звучащего текста разной длительности, в том числе отдельное слово либо его часть, состоящую из нескольких звуков, или отдельного звука, или его части.

Следует отметить, что теория и методология экспериментально-фонетического исследования звуковой системы языка достаточно хорошо разработаны представителями отечественной лингвистики – В. А. Богородицким [1930; 1934], Л. В. Щербой [1983; 2004], Л. В. Бондарко [1981; 2004], Л. Р. Зиндером [1979], М. И. Матусевич [1976], Л. П. Блохиной, Р. К. Потаповой [1997], Л. В. Златоустовой [1986], У. Ш. Байчура [1977] и др. В своем исследовании мы используем методичку, разработанную В. М. Надеяевым [1980], а также таблицы гласных и согласных звуков Л. В. Щербы с уточнениями и дополнениями В. М. Надеяева.

На основе экспериментального материала С. И. Машталир установил артикуляционные настройки гласных языка теленгитов и дал их качественную характеристику. Артикуляторные настройки определялись по следующим параметрам: максимальное превышение части спинки языка над линией прикуса; индекс наиболее поднятой части спинки языка; индекс ориентации в работе наиболее поднятой части спинки языка; слуховой анализ звука для коррекции по ступени подъема языка; локализация и форма медиального прогиба и его относительное измерение; передняя граница ротового резонатора; форма и степень выдвижения губ. На рисунках 1 и 2 представлены рентгенограммы из архива Лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИФЛ СО РАН им. В. М. Надеяева. С. И. Машталир определяет настройку фонемы [a:] в словоформе *саа* 'тебе' следующим образом: «гласный переднерядный основной слабо выраженный, с большой тенденцией к настройке выдвинутого смешанного ряда б приподнятой ступени отстояния, неогубленный, неназализованный. Точная фоническая транскрипция a_1 ; (b)^{1/3}; (б)^{1/3}; $aq^{2/3}$ max^{1/4} q16,4%» [Машталир, 1983, с. 122–123].

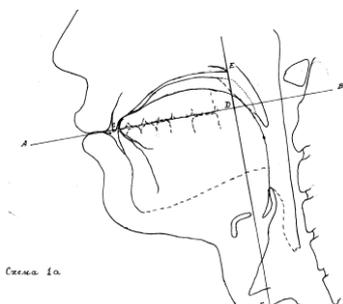

Рис. 1. Рентгенограмма нейтрального уклада органов речи при дыхании через нос
Fig. 1. X-ray Neutral Layout speech organs when breathing through the nose

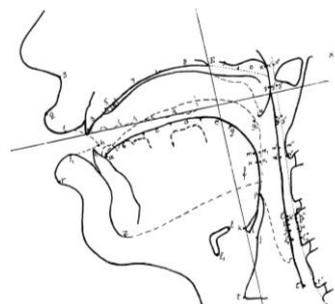

Рис. 2. Артикуляторная настройка долгого гласного а: в словоформе *са*: 'тебе'
Fig. 2. Articulatory adjustment of long vowel a: in the word form *sa*: 'you'

С анатомо-физиологической точки зрения краткий гласный типа «а» отличается от долгого гомогенного фона положением, напряжением и деятельностью органов артикуляции в их сложном взаимодействии и динамической (постоянно изменяющейся в процессе речи) системности.

Для своего исследования гласного типа «а» мы выбрали слова, где он стоит не изолированно, а встречается в любой позиции в именных и глагольных словоформах различной слоговой структуры: *ат* «at» 'имя', *ат* «at» 'стреляй', *ат* «at» 'конь', *ас* «as» 'мало', *аш* «aʃ» 'пища', *аш* «aʃ» 'переходи', *ач* «aħɕ» 'голодный', *ай* «aj» 'луна', *ай* «a:j» 'порядок', *ал* «al» 'бери', *аар* «a:r» 'пчела', *абыс* «a:bʏs» 'священник', *айак* «ajak» 'чашка', *ажы* «a:zʏ» 'пища=его', *ады* «adʏ» 'его конь', *ангы* «a:ŋʏ» 'зверь=его', *алты* «altʏ» 'шесть', *агыш* «aqʏʃ» 'дерево', *адыш* «adʏʃ» 'стрельба', *адаас* «ada:s» 'наш отец', *аттары* «atʰarʏ» 'его кони', *азу* «azu» 'коренной зуб', *ака* «aqʰa» 'брат', *арка* «arqʰa» 'спина', *алакан* «alaqʰan» 'ладонь', *ма* «ma» 'на!', *маа* «ma:» 'мне', *тар* «tar» 'порох', *таар* «ta:r» 'мешок', *тары* «ta:rʏ» 'порох=его', *кан* «qan» 'кровь', *каны* «qa:nʏ» 'кровь=его', *каты* «qatʏ» 'жена=его', *кааны* «qa:nʏ» 'хан=его', *караан* «qara:n» 'старый', *кайдаар* «qajda:r» 'куда', *жала* «jʌla» 'грива', *ичан* «ħɕan» 'берлога', *койан* «qoja:n» 'заяц', *чач* «ħɕaħɕ» 'волосы', *бычак* «rʏħɕaqʰ» 'нож', *са* «sa:» 'дой', *саал* «sa:l» 'борода', *самын* «sa:mʏn» 'мыло', *саар* «sa:r» 'он подоит', *бака* «baka» 'лягушка', *кастары* «qastarʏ» 'их гуси', *малта* «maltʰa» 'топор', *така* «tʰaqʰa:» 'курица', *така* «tʰaqʰa» 'подкова', *тайда* «tʰajda» 'дед', *тан* «tan» 'рассвет', *ыйла* «ɔjla» 'плачь', *тараа* «tʰaralʌ:» 'просо', *бас* «bas» 'дави', *баиш* «baɪʃ» 'голова', *кадыт* «qadʏt» 'баба', *кар* «qar» 'снег', *кат* «qat» 'ягода', *балык* «balʏk» 'рыба', *балкаш* «balqʰaʃ» 'грязь', *кайын* «qajʏn» 'берёза', *кара* «qara» 'зрачок', *кас* «qas» 'копай', *мандай* «manɕaj» 'лоб', *тамак* «tamaqʰ» 'горло', *чолман* «ħɕolman» 'звезда'.

Приведенные в таблице 1 данные свидетельствуют о том, что гласный типа «а» в зависимости от населенного пункта может произноситься по-разному. Так, в с. Паспарта самые краткие настройки 60–123 мс, а самые долгие в с. Кокоря 94–153 мс. Наглядно выглядит противопоставление гласных по этим населенным пунктам в словах *јас* 'весна' (62 мс – 117 мс. соответственно) и *јаш* 'молодой' (60 мс. – 134 мс.), разница в два и более раза.

Таблица 1
Table 1

Количественная характеристика кратких гласных
Quantitative characterization of the short vowel

№	Словоформа		Семантика	Абсолютная длительность			
	Орфограмма	Транскрипция		Кокоря	Саратан	Улаган	Паспарта
1	ат	at	'имя'	120	112	159	107
2	аш	aʃ	'переходить'	153	142	134	118
10	бай	raj	'богатый'	102	78	117	90
11	бар	rar	'есть'	94	76	94	79
15	кан	kan	'кровь'	121	152	135	89
16	кас	qas	'гусь'	141	136	131	97
17	кар	qʰar	'снег'	152	155	149	123
24	тал	tal	'остолбенеть'	103	103	107	68
25	таш	taʃ	'камень'	115	107	136	69
35	јар	ħar	'овраг'	106	–	–	–
36	јас	ħas	'весна'	118	117	92	62
37	јаш	ħaʃ	'молодой'	134	134	81	60
Разброс длительности гласных				94 – 153	76 – 155	81 – 159	60 – 118

«А»-образные гласные в открытом слоге (таблица 2) длительнее узкого гласного следующего слога в 1,6 раза (при разбросе средних показателей по территориальным говорам 1,5 – 1,7).

Полученные нами данные позволяют говорить о том, что в омонимах *тар* 'порох' – *таар* 'мешок', *ай* 'луна' – *ай* 'порядок' долгие гласные типа «а» произносятся чуть дольше, чем узкие гомогенные (в зависимости от населенного пункта) от 1,1 до 1,5 раза, т.е. соответствуют противопоставлению краткий-полудолгий. Несущественное различие по длительности наводит на мысль, что в данных словах на смысловое различие влияет какой-то другой артикуляционно-акустический параметр, но не длительность. Следует в дальнейшем провести на этот предмет более детальное исследование.

Таблица 2
Table 2Количественная характеристика кратких гласных в препозиции к узким
Quantitative characterization of the short vowel in the preposition to a narrow vowel

№	Словоформа		Семантика	Кокоря		Саратан		Улаган		Паспарта	
	Орфо- грамма	Транск- рипция		V ₁	V ₂						
	Абсолютная длительность (АД) гласного, мс										
1	ажы	азь	‘пицца (его)’	239	210	–	–	–	–	–	–
2	аны	ауь	‘зверь (его)’	172	172	159	121	184	128	145	112
3	тары	тагь	‘порох (его)’	228	143	145	89	–	–	141	69
4	каны	қапь	‘кровь (его)’	170	149	143	104	164	91	88	94
5	абыс	а:бьс	‘священник’	214	88	167	48	148	52	158	75
6	карып	қа:гьр	‘жаря’	189	46	181	72	–	–	127	60

Таблица 3
Table 3Количественная характеристика долгих и кратких гласных
Quantitative characteristics of long and short vowels

№	Словоформа		Семантика	Кокоря		Саратан		Улаган		Паспарта	
	Орфо- грамма	Транск- рипция		АД V, V ₂ , мс	АД V: / АД V	АД V, V ₂ , мс	АД V: / АД V	АД V, V ₂ , мс	АД V: / АД V	АД V, V ₂ , мс	АД V: / АД V
1	тар	tar	‘порох’	169	1,1	87	1,5	–	–	112	1,2
2	таар	ta:r	‘мешок’	180		124		138		133	
3	ай	aj	‘луна’	150	1,2	150	–	179	1,2	89	–
4	аай	a:j	‘порядок’	183		–		209		–	

Анализ форматных показателей кратких гласных в разных позициях позволяет говорить о следующем (таблица 4; слова расположены по возрастающей F₂):

По F₁ почти все гласные пятой ступени отстояния (664–759,8 Гц), а по F₂ – заднего ряда (1111,9 – 1177,7 Гц), центральнозаднего (1236,3 – 1354,7 Гц). Правда, констатируются некоторые неожиданные исключения в словах *кас* ‘копай’ и *ат* ‘имя’ (рисунок 1) гласные центрального сильно отодвинутого назад ряда (1471,8 – 1475,4 Гц). В слове *чач* ‘волосы’ (рисунок 2) гласный, как и положено, в позиции после среднеязычного согласного центрального продвинутого вперед ряда (1746,6 Гц). Самый широкий гласный – 6-ой ступени отстояния – был зафиксирован в слове *ай* ‘луна’ (958,1 Гц), а самый “узкий”, т.е. полуширокий, в финале слова *малта* ‘топор’ (520,6 Гц) – 3-й ступени отстояния.

Таблица 4
Table 4Формантные показатели кратких гласных
Formant indicators of the short vowels

№	словоформа	транскрипция	семантика	F ₁	F ₂
1	<i>кайыг</i>	qajɣ	‘берёза’	692,8	1111,9
2	<i>тайда</i>	tajda	‘дедушка’	722,7	1130,4
3	<i>бай</i>	raj	‘богатый’	727,6	1133,2
4	<i>койан</i>	qoja:n	‘заяц’	664,1	1152,3
5	<i>малта</i>	malta	‘топор’	520,6	1177,7
6	<i>кан</i>	qan	‘кровь’,	710,1	1236,3
7	<i>ал</i>	al	‘бери’	759,8	1293,7
8	<i>кат</i>	qat	‘ягода’	727,4	1296,0
9	<i>ай</i>	aj	‘луна’	958,1	1315,4
10	<i>ач</i>	aɥɕ	‘голодный’	686,9	1326,9
11	<i>ас</i>	as	‘мало’,	699,5	1354,7
12	<i>кас</i>	qas	‘копай’	751,5	1471,8
13	<i>ат</i>	at	‘имя’	702,3	1475,4
14	<i>чач</i>	ɥɕa:ɥɕ	‘волосы’	714,1	1746,6

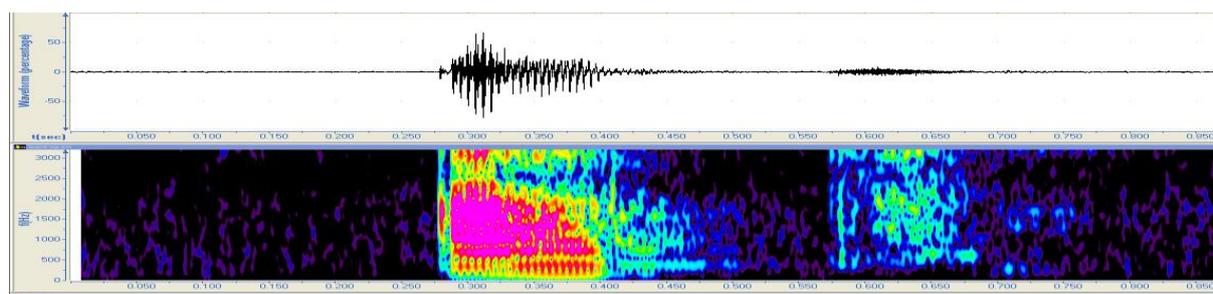

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма слова *at* «*at*» 'имя'
 Fig. 1. Waveform and Spectrogram of the word *at* «*at*» 'name'

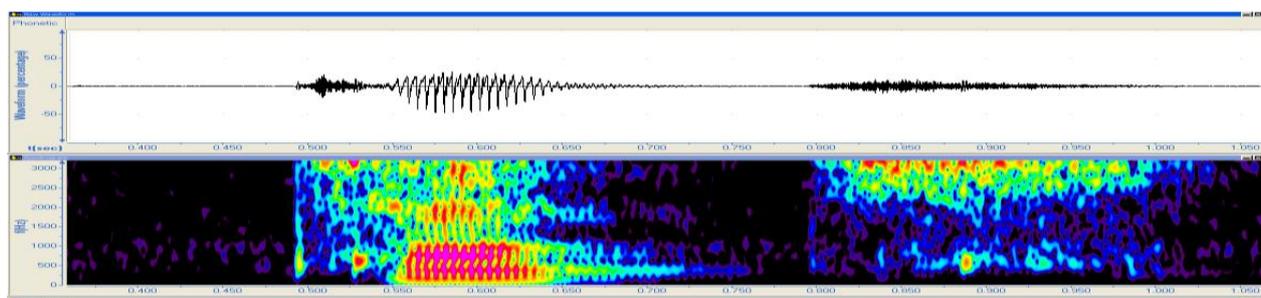

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма слова *chach* «*chach*» 'волосы'
 Fig. 2. Waveform and Spectrogram of the word *chach* «*chach*» 'hair'

Формантные показатели долгих гласных (таблица 5) мало чем отличаются от тех же показателей (F_1 , F_2) кратких гласных. Все гласные по подъему (рисунок 3) можно охарактеризовать как 5-ой степени отстояния, центральнозаднего ряда (1207,2 – 1364,9 Гц). Исключение составляет финальный долгий гласный в слове *караан* 'старый' (рисунок 4) у которого F_2 составляет 1666,2 Гц, что соответствует гласному центрального ряда.

Таблица 5
 Table 5

Формантные показатели долгих гласных
Formant indicators of the long vowels

№	словоформа	транскрипция	семантика	F_1	F_2
1	<i>баатыр</i>	ba:tʏr	'богатырь'	708,0	1207,2
2	<i>саал</i>	sa:l	'борода'	714,0	1224,5
3	<i>сар</i>	sa:r	'он подоит',	731,4	1264,1
1	<i>ару</i>	a:ru	'пчела'	760,0	1347,0
2	<i>адас</i>	ada:s	'наш отец',	681,7	1364,9
6	<i>караан</i>	qara:n	'старый'	700,0	1666,2

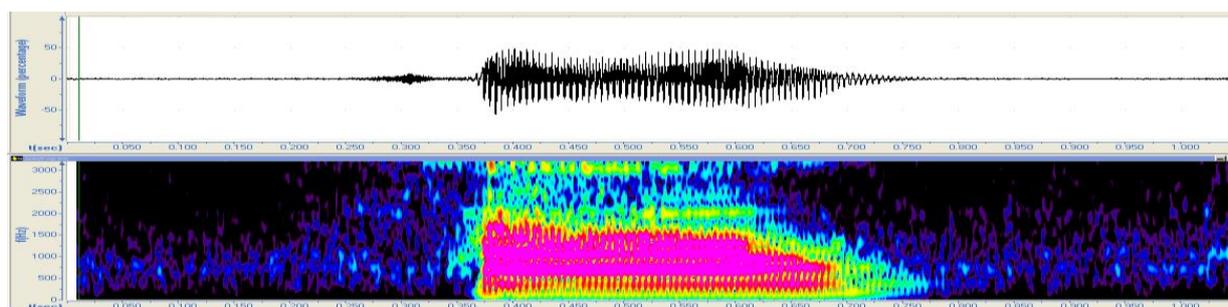

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма слова *saal* «*sa:l*» 'борода'
 Fig. 3. Waveform and Spectrogram of the word *saal* «*sa:l*» 'beard'

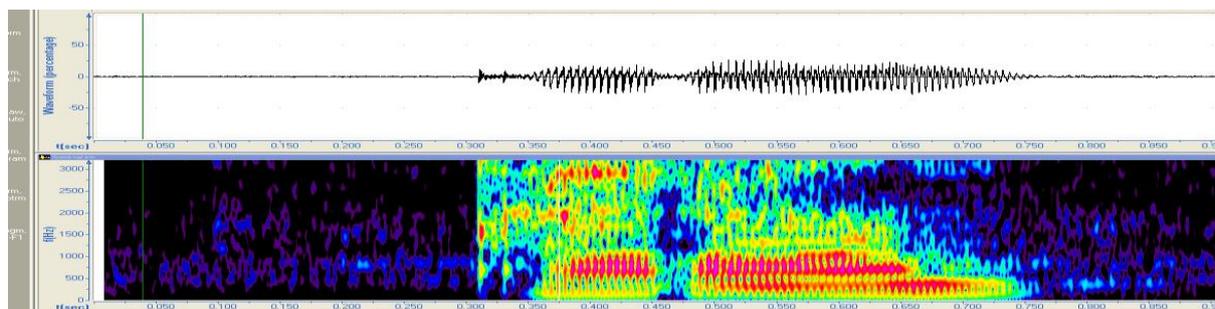

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма слова караан «qara:n» 'старый'

Fig. 4. Waveform and Spectrogram of the word *karaan* «qara:n» 'old'

Подведем итоги всему вышесказанному.

1. Гласные типа «а» в одних и тех же словах в зависимости от места проживания носителей, могут быть разной длительности.
2. В теленгитском языке гласные настройки типа «а» противопоставлены как краткие – полудолгие.
3. Краткие и долгие гласные типа «а» по подъему мало чем отличаются.
4. При анализе кратких гласных типа «а» было выявлено следующее: они распределяются по трем рядам – центрально сильно продвинутому вперед (после среднеязычных) и сильно отодвинутому назад (в ряде случаев), центральнозадному и заднему.
5. Почти все долгие гласные центральнозаднерядные 5-ой степени отстояния.

Список литературы

- Алмадакова Н. Д. Язык теленгитов: очерки по фонетике и морфологии в сопоставительном аспекте. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2016. 203 с.
- Байчура У. Ш. Вокализм (гласные фонемы) в алтайских языках // Языки и топонимия. Вып. 5. Томск, 1977. С. 105–126.
- Блохина Л. П., Потапова Р. К. Методика анализа просодических характеристик речи. Методические рекомендации. М.: МГПИИЯ, 1997. 84 с.
- Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных // Труды Дома татарской культуры. Т. 3. Казань, 1930. 357 с.
- Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань: Татгосиздат, 1934. 34 с.
- Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. 199 с.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики: Учебное пособие для студентов филол и лингв. фак высш. учеб. заведений. 4-е изд., испр. СПб, 2004. 160 с.
- Зиндер Л. Р. Общая фонетика: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
- Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Трунин-Донской В. И. Общая и прикладная фонетика. М., 1986. 303 с.
- Матусевич М. И. Современный русский язык: Фонетика. М.: Просвещение, 1976. 288 с.
- Машталир С. И. Артикуляторные настройки гласных теленгитского диалекта алтайского языка по данным статического рентгенографирования // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983. С. 121–127.
- Машталир С. И. Состав гласных фонем в теленгитском диалекте алтайского языка // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 74–78.
- Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.
- Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Ленинград: Наука, 1983. 321 с.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

A. A. Dobrinina

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
dobrinina@philology.nsc.ru*

Acoustic characteristics of the vowel «a» in the Telengit language

This article discusses the solid-row vocal settings of type «a» in the language of Telengit. The choice was made not by chance – this is the most frequent vowel in the language in question. The contraposition of this type of vowels in duration was revealed, the dependence of the duration of articulation on the locality was established. For formant values for the sounds of type «a» was a number and lift. According to experimental data, almost all «a»-shaped vowels of the 5th stage of separation. There are some differences across the range. Thus, almost all poludela centralnotice number, and brief – back, centralizado, the Central row (after sredneaziatskih).

Key words: phonetics, Turkic languages of Siberia, vocalism, language of Telengits, dialect, acoustic analysis, articulation-acoustic base.

References

- Almadakova N.D. *Yazyk telengitov: ocherki po fonetike i morfologii v sopostavitel'nom aspekte* [Language of Telengits: essays on phonetics and morphology in the comparative aspect]. Gorno-Altaysk, 2016, 203 p.
- Bajchura U.Sh. *Vokalizm (glasnye fonemy) v altajskikh yazykah* [Vocalism (vowel phonemes) in the Altai languages]. *Languages and toponymy*. Tomsk, 1977, vol. 5, pp. 105–126.
- Blohina L.P., Potapova R.K. *Metodika analiza prosodicheskikh harakteristik rechi. Metodicheskie rekomendacii* [Method of analysis of prosodic characteristics of speech. Methodical recommendation]. Moscow, 1997, 84 p.
- Bogorodickij V.A. *Fonetika russkogo yazyka v svete eksperimental'nyh dannyh* [Russian language in the light of experimental data]. *Proceedings of the house of Tatar culture*. Kazan, 1930, vol.3, 357 p.
- Bogorodickij V.A. *Vvedenie v tatarskoe yazykoznanie v svyazi s drugimi tyurkskimi yazykami* [Introduction in the Tatar linguistics in relation to other Turkic languages]. Kazan, 1934, 34 p.
- Bondarko L.V. *Foneticheskoe opisaniye yazyka i fonologicheskoe opisaniye rechi* [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad, 1981, 199 p.
- Bondarko L.V., Verbickaya L.A., Gordina M.V. *Osnovy obshchej fonetiki: Uchebnoe posobie dlya studentov filol i lingv.fak vyssh.ucheb.zvedenij* [Fundamentals of General phonetics: a textbook for students of philological and linguistic faculties of higher educational institutions]. St. Petersburg, 2004, 160 p.
- Mashtalir S.I. *Artikulyatornye nastrojki glasnyh telengitskogo dialekta altajskogo yazyka po dannym staticheskogo rentgenografirovaniya* [Articulatory settings of vowels of Telengit dialect of the Altai language according to static radiography]. In: *Sibirskij foneticheskij sbornik*. Novosibirsk, 1983, pp. 121–127.
- Mashtalir S.I. *Sostav glasnyh fonem v telengitskom dialekte altajskogo yazyka* [The composition of vowel phonemes in Telengits dialect of the Altai language]. *Fonetika yazykov Sibiri*. Novosibirsk, 1984, pp. 74–78.
- Matusevich M.I. *Sovremennyy russkij yazyk: Fonetika* [Modern Russian language: Phonetics]. Moscow, 1976, 288 p.
- Nadelyaev V.M. *Artikulyacionnaya klassifikaciya glasnyh* [Articulation classification of vowels]. *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam*. Novosibirsk, 1980, pp. 3–91.
- Shcherba L.V. *Russkie glasnye v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii* [Russian vowels in qualitative and quantitative terms]. Leningrad, Nauka, 1983, 321 p.
- Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow, 2004, 432 p.
- Zinder L.R. *Obshchaya fonetika: Uchebnoe posobie* [General phonetics: study guide]. Moscow, 1979, 312 p.
- Zlatoustova L.V., Potapova R.K., Trunin-Donskoj V.I. *Obshchaya i prikladnaya fonetika* [General and applied phonetics]. Moscow, 1986, 303 p.

ЛЕКСИКА

УДК 811.512.153

DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-74-81

И. М. Чебоचाкова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Колоративы в хакасском языке: особенности их словообразовательного потенциала

В работе рассматриваются словообразовательные возможности названий основных цветов хакасского языка, выявленные путем анализа производных единиц, образованных от их основ, с учетом национально-культурной специфики. Рассматриваются производные, мотивированные основами *ax* ‘белый’, *xapa* ‘черный’, *xyзыл* ‘красный’, *кoк* ‘зеленый’, ‘синий’, *күрең* ‘коричневый’, *сарыг* ‘желтый’. Актуальность и новизна исследований в этой области связаны с нарастанием интереса исследователей к проблеме словообразовательного потенциала в лингвистике и неизученностью вопроса в хакасоведении. Выявлено, что производящая основа колоратива мотивирует создание производных единиц следующего характера: 1) в сфере имен – со значениями неполноты цветового признака, интенсивности, смешанных оттенков, уменьшительности, 2) у производных глаголов – проявления признака. Глаголы служат базой для производства существительных, обозначающих состояние или свойство предмета, явления. Неполнота цветового признака выражается путем присоединения к основам прилагательных специальных аффиксов (=амдых с вариантами) или частицы *арах*: *кoг=емзiк* ‘синеватый’, ‘зеленоватый’, *кoк арах* с тем же значением. Интенсивность цветового признака, его насыщенность выражается при помощи частичной или полной редупликации корня, а также присоединением уменьшительных аффиксов =*ax*, =*ac*: *хып-хызыл*, *хызыл-хызыл* ‘очень красный’. Наименования смешанных оттенков образуются сложением двух прилагательных, которые либо оба определяют цвет, либо одно из них называет сравниваемый по цвету объект: *ax сарыг* ‘соловый’ (белый+желтый). Уменьшительные колоративы при присоединении уменьшительных аффиксов выражают не уменьшительность, а чаще положительное отношение говорящего к объекту речи: *xapa=чax* ‘черненький’. Отдельного рассмотрения заслуживают сложные существительные, образованные по схеме «основа колоратива+основа существительного». Производные единицы этого типа в большинстве своем представляют собой термины, называющие объекты номинации по их схожести с другими объектами или по выделяющимся цветом их частям. Большим деривационным потенциалом обладают основы колоративов, называющих основные цвета (черный, белый, красный): компонент *ax* ‘белый’ зафиксирован в 35 сложных существительных, компонент *xapa* ‘черный’ – в 37, компонент *хызыл* ‘красный’ – в 27. Учет семантической стороны производных слов позволяет выявить особенности реализации в них традиционного мировоззрения и миропонимания хакасского народа.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательный потенциал, хакасский язык, прилагательное, колоратив, признак, производное слово, словообразовательный аффикс, сложное слово.

Чебоचाкова Ирина Максимовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Контактная информация: ул. Щетинкина, д. 23, г. Абакан, 630017, Республика Хакасия, Российская Федерация.

E-mail: irina.chebochakova@mail.ru, тел: +7-(3902)-22-31-71.

В настоящей статье рассматриваются словообразовательные возможности названий основных цветов хакасского языка, выявленные на основе анализа производных единиц, образованных от их основ, с учетом национально-культурной специфики. Данная тема в хакасоведении ранее комплексно не изучалась. Краткая характеристика системы цветообозначений сделана О. В. Субраковой [2005]. Отдельные вопросы, посвященные особенностям строения и семантической сочетаемости прилагательных с существительными, рассмотрены Т. Н. Тугужековой [2007; 2009; 2015]. Автор настоящей статьи опубликовала статью, посвященную словообразовательным возможностям прилагательного *ax* 'белый' [Чебоचाкова, 2017]. Есть отдельные исследования, посвященные обозначениям цветов в тюркских языках Сибири. На материале алтайского языка прилагательные-колоративы исследовались с точки зрения их роли в образовании сложных топонимов О. Т. Молчановой [1985], лексико-семантическая группа прилагательных цвета основательно исследована А. Н. Майзиной [2006; 2008]. Названия цветов в якутском языке в семантическом аспекте описала Л. Л. Габышева [2000], в структурном аспекте рассмотрела М. В. Борисова [2016].

Материалом для проведения словообразовательного анализа послужили словообразовательные гнезда с вершинами-колоративами *ax* 'белый', *xapa* 'черный', *хызыл* 'красный', *көк* 'зеленый', 'синий', *күрең* 'коричневый', *сарыг* 'желтый', составленные на базе «Хакасско-русского словаря» [Анжиганова и др., 2006]. При этом мы опирались на разработанные известным дериватологом А. Н. Тихоновым положения о словообразовательном гнезде: в него производные единицы объединяются по общности корня, «каждое производное слово гнезда относится к определенному словообразовательному типу», оно выступает как более высокая, чем словообразовательный тип, единица системы словообразования [Тихонов, 2002, с. 92–93]. Большая часть хакасских прилагательных цвета восходит к общетюркским основам *a:q, qara, qyzyl, kök, saryg* [Наделяев и др., 1969]. Некоторым находят параллели в монгольских языках: *xap/xapa* (хак. *xapa*), *x ren* (хак. *керең*), *ногоон* (хак. *ноган*). Данный факт объясняется как наличием общего протоязыка у предков тюрков и монголов, так и возможностью заимствования [Благова и др., 2001, с. 592]. Значения слов, входящих в эту группу, как показал этимологический анализ, формировались на базе слов с «размытой, недифференцированной и в лексическом, и в грамматическом отношении семантики», и реконструкция «позволяет увидеть творческий акт древнего человека», который соотносил «нерасчлененно-образное представление о ситуации через метафору и метонимию ... с ее конкретными составляющими и признаками, вычленивая и формируя субстантивные и адъективные слова» [Благова и др., 2001, с. 592]. К примеру, «основа **ay* передавала цвет, или совокупность оттенков неопределенных, размытых, лишь приближающихся к белому – белесый, бледный, сивый... Скорее всего, источником этих адъективных значений, как и в случае с *qara* (см. выше), было имя с семантикой наподобие второобразного аз. *ayarty* 'едва заметна белизна, светлое пятно'» [Благова и др., 2001, с. 599]. Слово *хызыл* 'красный', предположительно, генетически связано со словами *кыз* 'краснота', *кыз-* 'накаливаться', на что обратили внимание А. Вамбери, В. В. Радлов, В. Банг [Левитская и др., 2000, с. 197]. А. Н. Кононов считает, что оно является диминутивным прилагательным, восходящим к глаголу **кыз* (**кы*+*-з*) 'красный'+*-зыл* ~ *-кыл* [Кононов, 1978, с. 177]. Таким образом, на то, что многие колоративы могут обозначать не только определенный цвет, но и смежные характеристики предмета или явления, оказали влияние как происхождение слов, так и развитие их семем в диахронии.

Дериватологи относительно недавно начинают исследовать проблему словообразовательных возможностей слов (словообразовательного, деривационного потенциала). Термин «потенциал» не получил единообразного содержания: «Так, исследователи выделяют потенциалы лексический, семантический, словообразовательный и др., не имеющие в литературе однозначной интерпретации» [Свечкарева, 2006, с. 15]. Несмотря на отсутствие единой трактовки термина, было обосновано широкое и узкое понимание словообразовательного (деривационного) потенциала. Т. Х. Каде отмечает, что «словообразовательный потенциал (словообразовательная система в широком смысле) – целостность, имеющая свою структуру, содержащая в себе потенции, заряженные валентностью, которая реализуется в сочетаемости. Словообразовательный потенциал (в узком смысле) – это словообразовательный потенциал отдельного элемента словообразовательной системы» [Каде, 1993, с. 12]. Я. В. Свечкарева считает, что «широкое понимание связано со словообразовательной системой языка, обладающей совокупностью словообразовательных ресурсов, благодаря которым язык развивается. ... Он (словообразовательный потенциал) складывается из многообразия мотивирующих единиц, способов и средств деривации, взаимодействующих друг с другом. ... Словообразовательный потенциал в узком смысле – это деривационные возможности отдельного элемента словообразовательной системы» [Свечкарева, 2006, с. 15]. На словообразовательный потенциал слова влияют «стилистическая окраска, широта сочетаемости, частеречная характеристика слова, его частота употребления,

культурная разработанность слова и связь слова с целенаправленной деятельностью человека, с важными явлениями для жизни и безопасности человека» [Свечкарева, 2006, с. 15].

Мы рассматриваем производные слова, образованные от основ колоративов, в узком смысле данного термина. Исходя из представленных выше положений, а также опираясь на разработанные И. А. Мельчуком выводы о регулярности и предсказуемости синхронного словообразования («словообразования 1»), под которым понимается «образование сложных и производных лексем современного языка, которых нет и не может быть в словаре, их количество огромно, а получают они по строгим общим правилам, касающимся и смысла, и формы, и сочетаемости результирующих лексем» [1995, с. 477]), производящая основа-колоратив мотивирует создание производных единиц следующего характера: 1) в сфере имен – со значениями неполноты цветового признака, интенсивности, смешанных оттенков, уменьшительности, 2) у производных глаголов – проявления признака. Производные глаголы, в свою очередь, служат базой для производства при помощи аффикса =*ыс* существительных, обозначающих состояние или свойство предмета, явления.

Неполнота цветового признака выражается путем присоединения к основам прилагательных специальных аффиксов (=амдых с вариантами) или частицы *арах*. Примеры: *кӱг*=*емзӱк* ‘синеватый’, ‘зеленоватый’, *хара*=*мдых* ‘черноватый’, *сари*=*амдых*¹ ‘желтоватый’, *ах арах* ‘беловатый’, *хара арах* ‘черноватый’. Интенсивность цветового признака, его насыщенность выражается при помощи частичной или полной редупликации корня, возможно также выражение этого значения путем присоединения уменьшительных аффиксов =*ах*, =*ас*: *хып-хызыл*, *хызыл-хызыл* ‘очень красный’, *сап-сарыг*, *сарыг-сарыг* ‘очень желтый’, *кӱппегес*, *кӱк-кӱк* ‘очень синий’, ‘очень зеленый’.

Также возможно выражение смешанных оттенков путем сложения двух прилагательных, которые либо оба определяют цвет, либо одно из них называет сравниваемый по цвету объект. Возможности такого способа для передачи цветов и оттенков получили максимальное выражение в животноводческой терминологии: *ах сарыг* ‘соловый’ (белый + желтый), *хара пора* ‘тёмно-серый, сероватый’ (тёмный + серый), *хара торыг* ‘тёмно-гнедой’ (тёмный + гнедой), *чылтыг хара* ‘вороной’ (блестящий + черный).

Уменьшительные колоративы при присоединении уменьшительных аффиксов выражают не уменьшительность, а чаще положительное отношение говорящего к объекту речи: *хара*=*чах* ‘черненький’ (милый + черный).

Глагольные основы со значением проявления признака образованы путем словообразовательной аффиксации от основ прилагательных *ах* ‘белый’, *хара* ‘черный’, *кӱк* ‘зеленый’, ‘синий’, *кӱрең* ‘коричневый’. Это глаголы – *аг*=*ар*- 1) ‘белеть, светлеть; бледнеть’; 2) ‘выцветать’; 3) ‘седеть’; 4) ‘светать, рассветать, загораться, заниматься (о заре)’, *хара*=*л*- 1) ‘чернеть, темнеть’; 2) ‘чернеть, чернеться, виднеться тёмной массой; быть во множестве, виднеться тёмной массой (о людях, лесе и т. п.)’; 3) ‘мутнеть; тускнеть’; 4) ‘почернеть, загрязниться’, *кӱг*=*ер*- ‘синеть, зеленеть’; 2) ‘посадить синяк’; 2) ‘зеленеть *чем-л.*, прорасти, давать ростки’, *кӱрең*=*зӱре*- ‘становиться тёмным от загара, обветриваться’. Основы *хызыл* ‘красный’ и *сарыг* ‘желтый’ не послужили базой для создания глагола, так как существуют глаголы *хызар*- со значениями ‘краснеть’, ‘подрумяниться’ и *саргал*- 1) ‘желтеть (выделяться жёлтым цветом)’; 2) ‘пожелтеть, становиться жёлтым’; 3) перен. ‘стареть, увядать (о человеке)’. Глаголы образованы при помощи показателей =*ар*, =*ал*, =*гал*, =*аңна* и =*сыра*. Несмотря на высокую продуктивность глаголообразующего аффикса =*ла* в хакасском языке, он не был задействован в словообразовании глаголов от основ прилагательных-колоративов. Относительно показателей =*ар*, =*ал*, =*гал* в литературе отмечается следующее: «Вариации же аффикса: -(γ)ar-~(γ)al-~-(γ)aj-, – впрочем, как и каждый из этих аффиксов в отдельности, указывают, чаще всего, на имитативно-образную природу корня. Имитативы имели и именное развитие... и глагольное» [Благова и др., 2006, с. 602]. Таким образом, использование аффиксов =*ар*, =*ал*, =*гал* с основами колоративов в словопроизводственном процессе говорит, с одной стороны, о проявлении избирательности в сочетаемости основы и аффикса, с другой стороны, о первоначальной образно-имитативной природе основ колоративов, которые получали дальнейшее деривационное развитие в сочетании с указанными аффиксами. Что касается показателей =*аңна* и =*сыра*, то первый из них не получил описания в грамматике хакасского языка, второй описан как: 1) имеющий значение «выражать какие-либо чувства» [Грамматика хакасского языка, 1975, с. 170], 2) образующий «глаголы со значением состояния от именной основы» [Анжиганова и др., 2006, с. 1072]. Аффикс =*аңна* на основании значений производных следует отнести к итеративным показателям. Приведем примеры: *ахсаңна*- ‘прихрамывать’

¹ В слове *саргамдых* ‘желтоватый’ орфографически закреплена элизия узкого гласного *ы* в корне (*сарыг*), которая произошла в результате присоединения вокальноначального аффикса =*амдых*.

(*ахса*- ‘хромать’), *аг*=*аңна*- ‘поблескивать’ (*ах* ‘белый’). Выделяется ряд глаголов с образным значением, явно производных, но производящая основа которых синхронно самостоятельно не употребляется. Это такие глаголы, как *сарбаңна*- 1) ‘бить руками, драться, размахивая руками, пускать в ход руки (чаще о детях)’, 2) ‘вздрагнуть, встрепенуться во сне (о грудном ребенке во сне)’, *тырбаңна*- 1) ‘вздрагивать (неожиданно, резко)’, 2) ‘трепыхаться, дергаться, шевелиться’, *пулаңна*- 1) ‘колебаться, качаться из стороны в сторону’; 2) ‘размахивать чем-л.’ и т.п.

Разряды производных от основ колоративов единиц с точки зрения их частеречной принадлежности и формируемых в словообразовательном процессе значений в обобщенном виде представлены в таблице 1.

Таблица 1

Типы производных единиц, образованных от основ колоративов
The types of derived units formed from colors bases

Производные единицы Основы прилагательных	Глаголы со значением проявления признака	Прилагательные со значением неполноты признака	Прилагательные со значением интенсивности	Сложные прилагательные, называющие смешанные оттенки	Прилагательные со значением уменьшительности (узуально)	Сложные существительные разных значений
<i>Ах</i> ‘белый’	+	+	+	+	(+)	+
<i>Хара</i> ‘черный’	+	+	+	+	(+)	+
<i>Хызыл</i> ‘красный’	-	+	+	+	(+)	+
<i>Көк</i> ‘зеленый’, ‘синий’	+	+	+	+	(+)	+
<i>Күрең</i> ‘коричневый’	+	+	+	+	(+)	+
<i>Сарыг</i> ‘желтый’	-	+	+	+	(+)	+

Отдельного рассмотрения заслуживают сложные существительные, образованные по схеме «основа колоратива + основа существительного». Производные единицы этого типа в большинстве своем представляют собой термины, называющие объекты номинации по их схожести с другими объектами или по выделяющимся цветом их частям. Приведем примеры: *ах палых* сагайское ‘елец’ (белый + рыба), *ах парчых* ‘трещотка’ (белый + скворец), *көк пас* ‘синица’ (синяя + голова), *көк чистек* ‘жимолость’ (синяя + ягода), *хара өртек* ‘турпан’ (черная + утка), *хара палых* ‘линь’ (черная + рыба), *хара хас* ‘баклан’ (черный + гусь), *хызыл мойын* ‘соловей’ (красная + шея), *Хызыл нымырха* ‘Пасха’ (красное + яйцо), *күрең аба* ‘бурый медведь’ (коричневый + медведь), *сарыг сіген* ‘ковыль’ (желтый + сухой стебель травы).

Выявлено, что большей активностью в словопроизводстве обладают основы колоративов, называющих основные цвета (черный, белый, красный). Статистика по сложным существительным приведена в таблице 2.

Названия цветов в хакасском языке развили богатую систему производных значений. Выделяется большое количество связанных сочетаний и фразеологизмов, компонентами которых выступают цветообозначения. Они отражают особенности традиционного мировоззрения и миропонимания хакасского народа. Например, прилагательное *ах* ‘белый’ в хакасском языке имеет значение ‘чистый’, которое отражено в сочетании *ах сагынарга* ‘иметь чистые помыслы, намерения’ (буквально: думать чисто), *ах сагыстыг* ‘честный’ (буквально: чистую мысль имеющий). Ему противопоставляется прилагательное *хара* ‘черный’, ср.: *хара сагыс* ‘злой умысел’, *хара сагыстыг* ‘коварный, злой’, *хара сагынарга* ‘злоумышлять’. Данное противопоставление – цвета-качества – можно назвать универсальным с точки зрения человеческого мышления.

Тематические разряды сложных существительных с первым компонентом-колоративом
Thematic categories of complex nouns with the first component-colorative

Прилагательные	Тематические разряды сложных существительных с первым компонентом-колоративом и их количество										
	Названия животных существ	Названия растений	Названия животных природы	Названия продуктов питания, напитков	Названия животных духовой культуры	Названия артефактов	Названия мест	Названия праздников	Названия периодов	Прочее	Итого
<i>ax</i> 'белый'	13	7	6	5	3	1	–	–	–	–	35
<i>xara</i> 'черный'	20	8	4	2	–	–	1	1	1	–	37
<i>xyзыл</i> 'красный'	11	5	–	1	–	1	2	1	2	4	27
<i>кoк</i> 'синий', 'зеленый'	8	1	1	1	–	–	–	–	1	2	14
<i>сарыг</i> 'желтый'	11	4	–	2	–	–	–	–	1	2	20
<i>күрең</i> 'коричневый'	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	3

Большей активностью в словосложении, сильным деривационным потенциалом обладают основы колоративов, называющих основные цвета (черный, белый, красный): компонент *ax* 'белый' зафиксирован в 35 сложных существительных, компонент *xara* 'черный' – в 37, компонент *xyзыл* 'красный' – в 27.

Анализ единиц, произведенных от основ колоративов, позволил выделить утраченные в процессе развития семы производящего слова. Приведем в качестве примера сложное слово *ax хан* 'русский хан', наличие в хакасском языке которого объясняется тем, что «слово *ақ* использовалось в тюркских языках для обозначения запада, западной страны света. Средиземное море у турок обозначается *Ak deñiz* – Западное море; ср. одно из тюркских названий Каспийского моря – *Aқ деңиз* 'Белое ~ Западное море'; по видимому, по этой же причине русские цари (первоначально у монголов и тюрков) назывались «белыми царями», т.е. «западными царями». Возможно, что и название Белая Русь – западные земли Руси, «не зависевшие в XIII-XIV вв. ни от татаро-монголов, ни от литовских феодалов», связано с тюркским *ақ* 'белый – запад(ный)» [Кононов, 1975, с. 171]. Таким образом, и для первого компонента деривата *ax хан* диахронно находится мотивирующее значение – 'западный' [Чебокакова, 2017, с. 54]. В современном хакасском языке у прилагательного *ax* нет значения 'западный'. Слово *ax* 'западный' может служить рефлексом отражения в словарном составе языка горизонтального членения мира (по сторонам света) [Львова и др., 1988, с. 24].

Названия цветов используются как средство указания на место и роль объекта номинации в традиционной картине мира хакасского народа. Например, хакасы, как и другие тюркские народы Сибири, считали, что пространство организовано в виде трехчастной структуры мировой вертикали (верх-середина-низ), люди размещались посредине в солнечном мире (*күнниг чир*). Принадлежность объектов к определенной части пространства передавалась также при помощи колоративов. Противопоставлением цветов, характеристик «белый» («светлый») и «черный» («темный») разграничивались обитатели миров: «Неборожденные каганы» и принцы ездили на конях светлой масти, которая обязательно указывается в памятниках тюркской рунической письменности. ... Эрлик, владыка подземного мира, в южно-сибирской традиции нередко изображается ездящим на черном (синем) быке» [Львова и др., 1988, с. 23]. Обычными эпитетами небожителей являются прилагательный *сияющий*, *лучистый*, *белый*, *светлый* (ср. сложное прилагательное *ax арыг* 'святой', возникшее путем сложения основ со значениями 'белый' и 'чистый'). Основными цветовыми характеристиками нижнего мира являются прилагательные *xara* 'черный', *сарыг* 'желтый', *ала* 'пестрый', *хуу* 'бесцветный' [Львова и др., 1988, с. 96]. В героическом эпосе сложные имена положительных героев часто содержат в себе компонент *ax* (*Ax хан*, *Ax Олең Арыг*), имена отрицательных персонажей – компонент *xara* (*Xara Мос*, *Xara Хан*, *Xara Хусхун*) [Субракова, 2007, с. 62]. Приведем другие примеры, связанные с отражением традиционных представлений народа: *харан* 'дух, темная сила', *xara үзүт* 'злая душа умершего', 'нечисть' (ср. слово с противоположным смыслом *ax үзүт* 'добрая душа умершего', очевидно противопоставление компонентов *xara* с переносным значением 'злой' и *ax* с переносным значением 'добрый').

Таким образом, словообразовательный анализ производных единиц, мотивированных основами колоративов в хакасском языке позволяет сделать следующие выводы:

1. Словообразовательный потенциал основных колоративов связан с возможностью формирования производных имен со значениями неполноты цветового признака, интенсивности, смешанных оттенков, уменьшительности, глаголов со значением проявления признака.

2. Использование определенного типа аффиксов в словопроизводстве говорит о проявлении избирательности в сочетаемости основы и аффикса, а также об исконной образно-имитативной природе основ колоративов.

3. Большее количество производных слов мотивировано названиями основных цветов, меньшее – заимствованным из монгольских языков прилагательным *күрең* ‘коричневый’.

4. Учет семантической стороны производных слов позволяет выявить особенности реализации в них традиционного мировоззрения и миропонимания хакасского народа. Таким образом, названия цветов несут в себе потенциал выражения национально-культурной специфики.

Список литературы

Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргояков М. И., Инкижекова-Грекул А. И., Патачакова Д. Ф., Субракова О. В., Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Благова Г. Ф., Добродомов И. Г., Дыбо А. В., Кормушин И. В., Левитская Л. С., Мудрак О. А., Мусаев К. М., Тенишев Э. Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.

Борисова М. В. Структурная классификация имен цвета в якутском языке // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск: СибАК, 2016. С. 61–67.

Габышева Л. Л. Якутские цветочные прилагательные: семантика и ассоциации // Языковое сознание: содержание и функционирование. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 54.

Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана: Proper Print, 2013. 616 с.

Каде Т. Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных. Адыгея: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 1993. 166 с.

Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник – 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.

Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~ «Г») и «Қ» (~ «Җ» ~ «К»). Вып. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.

Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. Этимологический словарь тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на букву ‘К’. М.: изд-во Индрик, 2000. 261 с.

Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком: Автореф. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2006. 25 с.

Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). Горно-Алтайск: науч.-иссл. ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2008. 263 с.

Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл-текст». М.– Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.

Молчанова О. Т. Прилагательные семантических полей «черный цвет» и «белый цвет» в ономастиконе алтайцев // Советская тюркология. 1985. № 3. С. 30–42.

Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Свечкарева Я. В. О деривационном потенциале слова как языковой категории // Вестн. Томского гос. ун-та. Бюллетень оперативной научной информации. 2006. № 111. С. 15–17.

Субракова О. В. Система цветообозначений в хакасском языке // Ежегодн. Ин-та Саяно-алтайской тюркологии. Вып. 9. 2005. С. 36–38.

Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007. 164 с.

Тихонов А. Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология). М.: Цитадель-Трейд, 2002. 464 с.

Тугужекова Т. Н. Сочетаемость прилагательного *синий* с существительными, называющими челове-

ка, в русском языке // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2007. Сер. 5. Вып. 8. С. 12–15.

Тугужекова Т. Н. Прилагательное *желтый* и его сочетаемость с существительными, называющими человека в русской языковой картине мира // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: научно-методический бюллетень. Вып. 5. Абакан: изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2009. С. 135–147.

Тугужекова Т. Н. Морфологические особенности прилагательного *кызыл* в хакасском языке // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 2. С. 37–40.

Чебочакова И. М. Особенности словообразовательного потенциала колоративов в хакасском языке (на примере прилагательного *ах* ‘белый’) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2017. № 3. Вып. 34. С. 51–56.

I. M. Chebochakova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation;
irina.chebochakova@mail.ru

Colorative in Khakas language: features of their word-formation potential

The paper considers the word-formation possibilities of the names of the main colors of the Khakas language, identified by the analysis of derived units formed from their foundations, taking into account national and cultural specifics. Derivatives, motivated by basics of *akh* ‘white’, *khara* ‘black’, *khyzyl* ‘red’, *kök* ‘green’, ‘blue’, *kjyrenng* ‘brown’, *saryg* ‘yellow’ are analyzed.

The relevance and novelty of research in this area are associated with the increasing interest of researchers to the problem of word-formation potential in linguistics and studies on the issue in Khakass linguistic.

Revealed that produces base of color name motivates the creation of derived units are the following: 1) the field names with the values of the color incompleteness of color, intensity, mixed colors, diminutiveness, 2) derivative verbs – manifestation of the trait. Verbs serve as the basis for the production of nouns denoting the state or property of the object, the phenomenon. Incompleteness of a color characteristic is expressed by attaching to adjectives the basics of the special affixes (= *amdykh* with variants) or particle *arakh*: *kög=emdik* ‘bluish’ or ‘greenish’, *kök arakh* with the same value. The intensity color characteristic, its richness is expressed through partial or full reduplication of the root, and attaching the diminutive affixes = *akh*, = *as*: *khyp-khyzyl*, *khyzyl-khyzyl* ‘very red’. The names of mixed shades are formed by adding two adjectives, which either both determine the color, or one of them calls the object compared in color: *akh saryg* ‘Nightingale’ (white+yellow). Diminutive color names upon accession diminutive affixes are not express diminutiveness, positive attitude of the speaker towards the object of speech: *khara=akh* ‘black’.

They deserve special consideration compound nouns formed according to the scheme "based colorative+base noun". Derived units of this type in the most part are terms that name the objects of the category according to their similarity with other objects or eye-catching color of their parts.

Great derivational potential bases of coloration calling main colors (black, white, red): component *akh* ‘white’ recorded in 35 compound nouns, the component *khara* ‘black’ is in 37, the component *khyzyl* ‘red’ is in 27.

Taking into account the semantic side of derivative words allows to reveal the features of realization of traditional worldview and worldview of the Khakass people.

Keywords: word-formation, word-formative potential, Khakas language, the adjective, colorative, a sign, a derived word, derivational affix, a compound word.

References

Anzhiganova O.P., Baskakov N.A., Borgoyakov M.I., Inkizhekova-Grekul A.I., Patachakova D.F., Subrakova O.V., Beloglazov P.E., Kaskarakova Z.E., Kyzlasov A.S., Sunchugashev R.D., Chertykova M.D. *Khakassko-russkij slovar* [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Science, 2006, 1114 p.

Blagova G.F., Dobrodomov I.G., Dybo A.V., Kormushin I.V., Levitskaya L.S., Mudrak O.A., Musaev K.M., Tenishev E.R. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. Moscow, Science, 2001, 822 p.

Borisova M.V. *Strukturnaya klassifikaciya imen cveta v yakutskom yazyke* [Structural classification of color names in the Yakut language]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii*. Novosibirsk, SibAK, 2016, pp. 61–67.

Gabysheva L.L. *Yakutskie cvetovye prilagatelnye semantika i asociacii* [Yakut color adjectives: semantics and associations]. *Yazykovoe soznanie: sodержanie i funkcionirovanie* [Language consciousness: content and functioning]. Moscow, Institut of Institute of linguistics, RAS, 2000, p. 54.

Dybo A.V. *Etimologicheskij slovar tyurkskikh yazykov. T. 9. (dopolnitelnyj) Etimologicheskij slovar bazisnoj leksiki tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages. Vol. 9 (additional). Etymological dictionary of the basic vocabulary of the Turkic languages]. Astana, Proper Print, 2013, 616 p.

- Kade T.Kh. *Slovoobrazovatelnyj potencial suffiksalnykh tipov russkikh sushchestvitelnykh* [Word-Formation potential of suffixal types of Russian nouns]. Adygeya, publishing house of respublik Adygeja, 1993, 166 p.
- Kononov A.N. Semantika cvetooboznachenij v tyurkskikh yazykakh [The semantics of the colour names in Turkic languages]. *Tyurkologicheskij sbornik – 1975* [Turkological anthology – 1975]. Moscow, Science, 1978, pp. 159–179.
- Levitskaya L.S., Dybo A.V., Rassadin V.I. *Etimologicheskij slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K» (~ «Г») u «Қ» (~ «Ғ») ~ «K»* [Etymological dictionary of the Turkic languages. Turkic lexical and miturski the basics on the letter «K» (~ «Г») и «Қ» (~ «Ғ») ~ «K»)]. Moscow, Languages of Russian culture, 1997, iss. I, 368 p.
- Levitskaya L.S., Dybo A.V., Rassadin V.I. *Etimologicheskij slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «K»* [Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic bases on the letter «K»]. Moscow, Indrik, 2000, 261 p.
- Lvova E.L., Oktyabrskaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. *Tradicionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoj Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyj mir* [Traditional world Outlook of Turks in South Siberia. Space and time. The real world]. Novosibirsk, Science, 1988, 225 p.
- Majzina A.N. *Semanticheskoe pole cvetooboznachenij altajskogo yazyka v sopostavlenii s mongolskim yazykom* [The semantic field of the colour names of the Altai language in comparison with the Mongolian language]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Novosibirsk, 2006, 25 p.
- Majzina A.N. *Semanticheskoe pole cvetooboznachenij v altajskom yazyke (v sopostavlenii s mongolskim yazykov)* [The semantic field of color terms in the Altai language (in comparison with the Mongolian language)]. Gorno-Altajsk, research institute of altaistics named S. S. Surazakov, 2008, 263 p.
- Melchuk I.A. *Russkij yazyk v modeli Smysl-tekst* [Russian language in the "Sense-text" model]. Moscow-Vienna: school "Languages of Russian culture", Vienna slavistic almanac, 1995, 682 p.
- Molchanova O.T. Prilagatelnye semanticheskikh polej «chernyj cvet» i «belyj cvet» v onomastikone altajcev [Adjectives of semantic fields of "black color" and "white color" in the onomasticon of the Altaic people]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. 1985, no. 3, pp. 30–42.
- Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tennishev E.R., Shcherbak A.M. *Drevnetyurkskij slovar* [Old Turkic dictionary]. Leningrad, Science, 1969, 676 p.
- Svechkareva Ya.V. O derivacionnom potenciale slova kak yazykovoj kategorii [On the derivational potential of a word as a language category]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Byulleten operativnoj nauchnoj informacii* [The Bulletin of Tomsk state University. The Bulletin of operational scientific information]. Tomsk, 2006, no. 111, pp. 15–17.
- Subrakova O.V. Sistema cvetooboznachenij v khakasskom yazyke [System of color names in Khakass language]. *Ye-zhegodnik In-ta Sayano-altajskoj tyurkologii*. [Yearbook of Inst. of Sayan-Altay turkology]. 2005, iss. 9, pp. 36–38.
- Subrakova O.V. *Yazyk khakasskogo geroicheskogo ehposa* [Language of the Khakas heroic epic]. Abakan, Khakass publishing house, 2007, 164 p.
- Tikhonov A.N. *Sovremennyj russkij yazyk (Morfemika. Slovoobrazovanie. Morfologiya)* [Modern Russian language. (Morphemic. Word-formation. Morphology)]. Moscow, Citadel-Trejd, 2002, 464 p.
- Tuguzhekova T.N. Sochetaemost prilagatel'nogo sinij s sushchestvitelnymi, nazyvayushchimi cheloveka v russkom yazyke [The combinability of the adjective *blue* with nouns that name a person in the Russian language]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of Khakass state University named N. F. Katanov]. 2007, ser. 5, iss. 8, pp. 12–15.
- Tuguzhekova T.N. Prilagatelnoe zheltij i ego sochetaemost s sushchestvitelnymi, nazyvayushchimi cheloveka v russkoj yazykovoj kartine mira [The adjective *yellow* and its compatibility with nouns that name a person in the Russian language picture of the world]. *Yazyk, kultura, kommunikaciya: aspekty vzaimodejstviya nauchno-metodicheskij byulleten*. [Language, culture, communication: aspects of interaction: methodological Bulletin]. Abakan, Khakass state University named N. F. Katanov publishing house, 2009, iss. 5, pp. 135–147.
- Tuguzhekova T.N. Morfologicheskie osobennosti prilagatel'nogo khyzyl v khakasskom yazyke [Morphological features of adjective Kyzyl in Khakas language]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific review of Sayan-Altay]. 2015, no. 2, pp. 37–40.
- Chebochakova I.M. Osobennosti slovoobrazovatel'nogo potenciala kolorativov v khakasskom yazyke (na primere prilagatel'nogo akh 'belyj') [Features of word-formation potential of coloration in Khakas language (on the example of the adjective Ah 'white')]. *Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia.]. Novosibirsk, 2017, no. 3, iss. 34, pp. 51–56.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА

УДК 39; 801.81

DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-82-87

Н. К. Козлова

Омский государственный педагогический университет

Что есть мотив (ещё раз к вопросу о научной терминологии)

Статья посвящена проблемам, связанным с наполнением термина «мотив» и его употреблением в современных научных публикациях. Отмечается, что в отечественной науке не выработано единого подхода к наполнению этого термина. В статье приведены примеры вольного обращения с названной теоретической категорией. Внимание читателя ещё раз заостряется на основополагающих идеях А.Н. Веселовского в понимании мотива, касающихся повествовательности и семантической целостности мотива, а также на работах В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского и других ученых, занимавшихся проблемами структуры мотива. Автор говорит о своем понимании мотива и опыте систематизации мотивов мифологической прозы, призывает авторов научных работ при использовании термина прояснять, что под ним понимается. Несоблюдение этого правила предлагает считать теоретической небрежностью.

Ключевые слова: теоретическая категория, мотив, сюжет, тема, систематизация, семантическая целостность, структура, морфология повествовательные ходы, мотивема, алломотив, предикат.

Прошло 19 лет со времени выхода в свет историографического очерка И.В. Силантьева «Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике», в котором исследователь показал многозначность и разнообразие в научном мире наполнения термина «мотив» [Силантьев, 1999].

Казалось бы, за это время наука, не стоящая на месте, должна была выработать общий подход в том, что будет принято называть «мотивом». Однако этого не произошло. Это констатирует А.В. Рафаева в своей монографии «Компьютер – слово – фольклор», изданной в 2014 г. В первой главе в разделе «Понятие мотива» автор замечает: «Сейчас в фольклористических и литературоведческих работах приняты различные способы употребления этого термина, не всегда определяемые явно и во многом зависящие от того, какие именно явления привлекают внимание авторов...» [Рафаева, 2014, с. 24].

Чтобы убедиться в справедливости этого замечания, приведем несколько примеров.

Часто в статьях мотивом называется то, что является темой: например, «мотив дороги». «Дорога» – это тема, которая может разрабатываться различными жанрами, в том числе и мифологической сказочной прозой. Само слово «дорога» не может считаться мотивом, так как объединяет очень широкий и разноплановый материал, оно не имеет повествовательного характера и «образного ответа на запросы первобытного ума» (по определению А.Н. Веселовского; см. ниже), которые мотив определяют [Веселовский, 1940]. Оно ни о чем не говорит и имеет только конкретное значение: «полоса земли, предназначенная для передвижения <...>» [Ожегов, 1989, с. 179]. Однако сплошь и рядом

Козлова Наталья Константиновна – доктор педагогических наук, профессор, доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ).

Контактная информация: наб. Тухачевского, д. 14, г. Омск, 644099, Российская Федерация.

E-mail: nkf@rambler.ru; тел.: 8-(381-2)-23-37-73; 23-29-94.

встречаем прикрепление термина «мотив» к тому или иному понятию, выраженному существительным: «мотив оберега», «мотив предсказания», «мотив хвостовства», «мотив инцеста», «мотив превращения» и т.п.

Ярким примером может служить монография Т.В. Краюшкиной с названием, говорящим само за себя: «Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока» [Краюшкина, 2009]. Зачем называть сами описываемые явления (лицо, руку, ногу, живот, слезы и прочее) «мотивами», тем более что употребление этого термина автору ничего не дает, кроме разве что наукообразности? Проще и точнее было бы сказать: «Тело и телесные состояния человека в русских народных сказках...». Вольное обращение с термином демонстрируется на протяжении всей монографии. Например, только в разделе «Фазы жизненного цикла» встречаем следующие конфигурации: «когда мотив любви становится одним из сказочных мотивов, молодость героя и невесты становится одной из причин возникновения между ними любви», «в волшебной сказке присутствует мотив, который можно обозначить следующим образом: герой молод, но обладает признаками, молодости не свойственными», «мотив старости может осложняться дополнительными функциями», «распространенный сказочный мотив – передача царства от старого царя молодому зятю», «анализируемый мотив может сопровождаться следующим мотивом: персонаж постарел, и потому не признан», «мотив передачи старости», «мотив передвижения», «мотив возраста», «мотив конкретного возраста», «мотив получения молодости» [Там же, с. 16–26]. Как видим, автор называет «мотивом» всё, что рассматривает и анализирует. Т.В. Краюшкина вводит еще термин «подтип мотива», но при этом совершенно непонятно, что ею понимается под самим мотивом.

Часто мотивом называют повествовательные элементы, которые, по сути, являются составляющими сюжета и показывают развитие действия в эпическом произведении. Может показаться, что когда мы говорим «мотив мифологической темы» и «мотив мифологического сюжета», то подразумеваем разные явления. На самом деле суть мотива и в том, и в другом случае одна и та же. Только сюжет выбирает для своего построения ограниченное количество мотивов мифологической темы. Они ложатся в его основу. Но кроме мотивов сюжет использует повествовательные ходы и прочие содержательные элементы, которые мотивами не являются, так как мотив – не реальная часть повествования. Он может быть частью сюжетной схемы. В своей монографии мы приводили следующий пример: «начало реального текста может звучать так: “Умер муж. Жена затосковала по нему. И вот однажды ночью он приходит и спать с ней ложится...” Исследователь из этой цепочки сюжетных ходов извлекает мотив: мифическое существо вступает в любовные отношения с женщиной (так как она тоскует об умершем муже)» [Козлова, 2006, с. 35]. В скобках мы показали варьируемую мотивировку.

На I Сибирском форуме фольклористов прозвучал доклад А.А. Кузьминой (Якутск) «Указатель сюжетных мотивов самозаписей якутского героического эпоса олонхо», тезисы которого опубликованы в сборнике по итогам форума [Кузьмина, 2016]. Докладчик не объясняет, что понимается под мотивом. Однако сразу становится ясным, что категория мотива в данном случае подменяется категорией повествовательного хода в тексте олонхо и композиционными элементами. Приведем пример. Автор тезисов пишет: «Эпический зачин состоит из следующих мотивов: “1.1. Формула эпического времени”, “1.2. Сотворение Вселенной (мира)”, “1.3. Описание мира, природы”, “1.4. Описание священного дерева”, “1.5. Создание обитателей трех миров (Верхнего, Среднего и Нижнего)”, “1.6. Описание жилища”, “1.7. Спуск богатыря вместе с сестрой и помощником-тунгусом из Верхнего мира в Средний мир”» [Там же, с. 24].

Даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что речь идет об архитектонике текста, включающей в себя статичные элементы (описание жилища, описание мира природы, описание священного дерева), повествовательные ходы (создание обитателей трех миров, спуск богатыря в Средний мир), устойчивые эпические формулы (формула эпического времени). Наверное, эпический зачин может включать и мотивы, содержащие мифологемы (предположим, что, абстрагируясь от конкретного текста, можно показать, каким образом происходит сотворение мира, сформулировав это в абстрактной мотивной формулировке). Но автора сообщения явно интересуют не мифологемы, не «образный ответ на запросы первобытного ума», а то, насколько анализируемый с точки зрения архитектоники текст соответствует традиции. И то, что названо А.А. Кузьминой «указателем сюжетных мотивов» на деле представляет собой описание построения текста олонхо, включающее как статичные, так и динамичные единицы.

Приведем еще один пример. В 24-м выпуске (№ 1 за 2013 г.) журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири» помещена статья Б.А. Коломакиной «Мотив исчисления неисчислимого в сибирских сказках о животных (на материале сказок алтайцев, бурят, хакасов)» [Коломакина, 2013]. Автор статьи также не уточняет, что понимается под мотивом, но приводит следующее «описание

мотива: персонаж подсчитывает число членов (объектов / субъектов) в двух группах. В этих группах количество распределяется поровну, но один член оказывается наделенным свойствами обеих групп. Отнеся его на основании выявленных признаков к одной из групп и тем самым обеспечив численное преимущество этой группы, персонаж доказывает свою правоту» [Там же, с. 47]. Почему описанная повествовательная схема названа «мотивом» – совершенно непонятно. Ведь в данном случае перед нами сюжет (или схема сюжетного типа), а не мотив. Автора не смущает, что приведенная ею похожая аннотация из «Сравнительного указателя сюжетов...» [СУС: 983* = АА *981 I] названа там сюжетом. Приведенные ею типологически сходные схемы из фольклора разных народов мира она также называет «мотивами», хотя это – версии сюжета, аннотация которого приведена выше. Далее по тексту статьи похожие конструкции из сказок алтайцев автором уже названы сюжетами, а из бурятского фольклора – мотивами: «В бурятских сказках о животных мотив подсчета получил следующее развитие <...>» (далее следует описание развития действия в сюжете) [Коломакина, 2013, с. 48]. Схема, которую приводит в своей статье Б.А. Коломакина и называет «структурой мотива», на деле является структурой сюжета. По сути, автор анализирует сюжет с его версиями и вариантами, ключевым в котором является мотив: *герой исчисляет неисчислимое с тем, чтобы доказать неправоту (правителя)*. Но при этом демонстрирует путаницу в теоретических понятиях, усложняя восприятие содержания статьи.

Не можем не удержаться, чтобы не привести пример вольного обращения и с термином «сюжет». Так, в статье А.А. Скулачёва (студент Российского гуманитарного государственного университета, г. Москва) «Былички о летучем змее из Вельского района Архангельской области», напечатанной в № 1 журнала «Живая старина» за 2012 г., читаем: «<...>Инвариант сюжета, который можно реконструировать из сделанных нами записей, следующий: летающее существо (змей / огненный шар / змейки / огненная птица), вылупившееся из яйца, которое снес петух, приносит хозяину богатство. Существо надо вовремя убить, в противном случае оно может устроить пожар. Петушиное яйцо либо сносит очень старый петух, либо его нужно “выпаривать” под мышкой / в шубе в течение длительного времени. Могут также конкретизироваться блага, которые приносит змей...» (далее следует зафиксированный текст) [Скулачёв, 2012, с. 21]. Казалось бы, понятие «сюжет» в фольклористике уже устоялось, но начинающий исследователь позволяет себе подменить его суть перечислением зафиксированных поверий о змее-обогатителе.

Думаем, приведенных примеров достаточно для того, чтобы сделать вывод о сложившейся практике вольного обращения с научной терминологией.

И дело здесь, наверное, не в тех сложностях, о которых пишет С.Ю. Неклюдов, констатируя трудноопределимость, неясность соотношения «синтагматических и парадигматических ракурсов, морфологической схемы и текстовой организации, универсальных структур и национально специфических редакций, его корреляций с компонентами модели / картины мира, с одной стороны, и с “общими местами” текста, – с другой» [Неклюдов, 2004, с. 236] (цит. по: [Рафаева, 2014, с. 25]). Мы имеем дело со сложившейся практикой употреблять термин «мотив» всуе, как очередную «модную» научную категорию.

Содержание же понятия «мотив», в принципе, можно привести к общему знаменателю. Достаточно, на наш взгляд, обратиться к имени А.Н. Веселовского, создавшего научный задел, многое из которого только в настоящее время активно разрабатывается наукой. Это в полной мере касается категории мотива, рассматривавшегося А.Н. Веселовским в традиции исторической поэтики. И.В. Силантьев, анализируя «*основополагающие идеи*» ученого в отношении мотива, отмечает следующее: 1) речь идет о мотиве *повествовательном*; 2) «ученый неизменно подчеркивает свойство *неразложимости* мотива»; 3) «в качестве критерия неразложимости у А.Н. Веселовского выступает *семантическая целостность* мотива (курсив везде наш. – Н. К.)» [Силантьев, 1999, с. 5]. Необходимо вспомнить и то определение мотива, которое дал А.Н. Веселовский: «Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский, 1940, с. 494] (цит. по: [Силантьев, 1999, с. 5]). На страницах своего историографического очерка И.В. Силантьев показывает, что А.Н. Веселовский имел в виду именно семантическую, а не морфологическую неразложимость мотива, что «морфологическая сложность и морфологическая разложимость» для него «вполне очевидна» и что последняя обоснована в трудах В.Я. Проппа. При этом снимается кажущееся противоречие между подходами к категории мотива у Веселовского и Проппа.

И.В. Силантьев рассматривает работы исследователей, которые вслед за Е.М. Мелетинским признают морфологическую структуру мотива сходной со структурой предложения: субъект, действие (предикат), объект, дополнения и мотивировки (Н.М. Ведерникова, Н.А. Криничная и др.) [Силантьев, 1999].

Таким образом, если идти вслед за «основополагающими идеями» А.Н. Веселовского (ведь именно он разрабатывал эту понятийную категорию), В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского и других, то под мотивом нужно понимать повествовательную предикативную единицу, имеющую структуру предложения (главное в которой предикат), но обязательно содержащую мифологему, историческое или бытовое наблюдение народа («образно отвечающие на запросы первобытного ума или бытового наблюдения» (см. выше)). Мы на своем научном опыте составления систематических указателей мифологических мотивов (УМ) и сюжетов (УС) убедились, что продуктивно именно такое понимание этой категории [Козлова, 2006, 2011].

Нужно помнить также, что выделение мотивов – не самоцель. При систематизации мифологической прозы мы либо пытаемся выявить мировоззренческий уровень (УМ), либо уровень творчества на основе мировоззрения (УС). И здесь не обойтись без еще одной теоретической категории – понятия «тема». В применении этого понятия мы идем вслед за Ю.И. Смирновым, обосновавшим его в своем систематическом указателе «Восточнославянские баллады и близкие им формы» [Смирнов, 1988]. Тема – это классификационный уровень. Она объединяет материал по устойчивому признаку. Например, в мифологической прозе можно выделить темы «Мифический любовник», «Мифический хозяин леса», «Мифический помощник» и т.д. [Козлова, 2013]. Внутри темы нужно материал систематизировать, то есть объединить его уже по изменчивым признакам, коими являются сюжет и мотив. При этом УМ призван показать мифологические представления внутри темы и их эволюцию через варьирование элементов мотива [Козлова, 2006, 2011].

В научных работах фигурируют также термины «мотивема» и «алломотив» [Силантьев, 1999, с. 39–40; Рафаева, 2014, с. 25–30]. На наш взгляд, к первой категории фольклорист может обратиться лишь тогда, когда будет проработан и систематизирован огромный фольклорный кроссжанровый (или даже в пределах одного жанра) материал, что даст возможность проанализировать развитие «мотивемы» в народном мировоззрении. Выделение же «алломотивов» в устной традиции (в отличие от литературного материала) приведёт к «дурной бесконечности» [Jason, 2000]. Об «алломотивах» на фольклорном материале можно говорить тогда, когда мы имеем дело с анализом классических опубликованных текстов [Козлова, 2006, с. 36–37].

Описав своё понимание мотива, мы не призываем следовать только ему. Проблема мотива, как уже было отмечено, достаточно сложна, и все точки над *i* здесь далеко не расставлены. Но, видимо, стоит призвать авторов научных работ не только не употреблять этот термин для обозначения любых устойчивых компонентов повествования (существует немало других определений), но и при использовании прояснять, что конкретно под ним понимается. Несоблюдение этого правила следует считать теоретической небрежностью.

Список литературы

- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
- Козлова Н.К. Белорусские формы в указателе сюжетов сибирской мифологической прозы о русалке // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 127–137.
- Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. тексты. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. 460 с.
- Козлова Н.К. Проблемы составления указателя мотивов мифологической прозы // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: Сб. докладов. М., 2011. Т. III. С. 390–411.
- Коломакина Б.А. Мотив исчисления неисчислимого в сибирских сказках о животных (на материале сказок алтайцев, бурят, хакасов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2013. № 1 (вып. № 24.). С. 47–50.
- Краюшкина Т.В. Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2009. 338 с.
- Кузьмина А.А. Указатель сюжетных мотивов самозаписей якутского героического эпоса олонхо // I Сибирский форум фольклористов: Тезисы докладов. Новосибирск, 2016. С. 24–25.
- Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика: к 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1989. 924 с.
- Рафаева А.В. Компьютер – Слово – Фольклор. М.: РГГУ, 2014. 280 с. (Серия «Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика»).

Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999. 104 с.

Скулачёв А.А. Былички о летучем змее из Вельского района Архангельской области // Живая старина. 2012. № 1. С. 21–23.

Смирнов Ю.И. Восточнославянские баллады и близкие им формы (Опыт указателя сюжетов и версий). М.: Наука, 1988. 117 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Jason H. Motif, type and genre: A manual for compilation of indices & a bibliography of indices and indexing. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2000. (FFC 273).

N. K. Kozlova

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation;
nkf@rambler.ru

What is the motive (again to the question of scientific terminology)

The author analyzes the content of the term "motive" and the problems of its use in present-day scientific publications. The article gives examples of the snide use of the named theoretical category in some studies. On the example of the monograph by T.V. Krayushkina "Motives of the body and physical states of man in Russian folk fairy tales of Siberia and the Far East" it is shown that the term "motive" is attached to all phenomena that the author considers and analyzes.

In the article "Index of motives of self-recorded texts of the Yakut heroic epos *olonkho*" by A.A. Kuzmina (Yakutsk), static elements, description, narrative units, and sustained poetic formulas are named motives. The category of motive is replaced by the category of narrative in the *Olonkho* text and by compositional elements.

The article "The motive of calculating the incalculable in the Siberian fairy tales about animals (on the material of fairy tales of Altaians, Buryats, Khakasses)" by B.A. Kolomakina (Novosibirsk) also does not specify what is meant by the motive but gives the narrative schema, which is more related to the annotation of the plot or story type than to the motive. The author demonstrates the confusion in theoretical concepts, complicating the perception of the article.

After a number of examples, the author concludes that the current practice of the snide user of scientific terminology uses the term "motive" as another "fashionable" scientific category.

The reader's attention is once again focused on the fundamental ideas of A.N. Veselovsky in understanding the motive concerning the narrative and semantic integrity of the motive, and on the definition of the motive given by this remarkable scientist. The works of V.Ya. Propp, E.M. Meletinsky and others, dealing with the problems of the motif structure, are mentioned.

Following the ideas of named scientists the author proposes to mean by "motive" the narrative predicative unit having the structure of the sentence, but not necessarily containing mythologic, historical, or domestic observation of the people. The author of the article is convinced that such understanding of a motive is productive, as it is put to the test by author's personal experience of drawing up indexes of motives and plots of national mythological prose.

It is specified that the selection of motives is not a result itself. In the systematization of mythological prose an index of motives contributes to the identification of the ideological level. Attention is drawn to another important theoretical category – "theme", showing the classification level. It combines material on a sustainable basis. Inside the theme it is necessary to systematize, that is, to distribute already mutable signs which are plot and motive. At the same time, the index of motives is intended to show mythological representations within the theme and their evolution through the variation of motive elements.

Having described his understanding of the motive, the author does not call to follow only her conclusions, but considers it necessary to clarify what exactly is meant by the motive when referring to this category. The author considers the non-observance of this rule a theoretical negligence.

Keywords: theoretical category, motive, plot, theme, classification, semantic integrity, structure, morphology narrative moves *motivemag*, *allomotiv*, the predicate.

References

Kolomakina B.A. Motiv ischisleniya neischislimogo v sibirskikh skazkakh o zhyvotnykh (na materiale skazok altaytsev, buryat, khakasov [The motive of calculating the incalculable in the Siberian fairy tales about animals (on the material of fairy tales of Altaians, Buryats, Khakasses)]. *Jazyki i folklor korennykh narodov Sibiri [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]*. 2013, no. 1 (iss. 24.), pp. 47–50.

- Kozlova N.K. Belorusskie formy v ukazatele suzetov sibirskoj mifologicheskoj prozu o rusalke [Byelorussian forms in the index of Siberian mythological prose stories about an undine]. *Tradicionnaja kultura [Traditional culture]*. 2013, no. 2, pp. 127–137].
- Kozlova N.K. *Vostochnoslavjanskije mifologičeskije rasskazy o zmejah. Sistematika. Issledovanie. Teksty [East Slavic mythological stories about snakes. Systematics. Research. Texts]*. Omsk, Nauka Publ. House, 2006, 460 p.
- Kozlova N.K. Problemy sostavleniya ukazatel'a motivov mifologičeskoj prozy [Problems of drawing up the index of motives of mythological prose]. *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo Vserossijskogo kongressa fol'kloristov: Sbornik dokladov [From Congress to Congress. Materials of the Second all-Russian Congress of folklorists: Collection of reports]*. Moscow, 2011, vol. III, pp. 390–411.
- Krajushkina T.V. *Motivy tela i telesnyh sostojanij čeloveka v russkih narodnyh volshebnyh skazkah Sibiri i Dal'nego Vostoka [Motives of the body and physical states of man in Russian folk fairy tales of Siberia and the Far East]*. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2009, 338 p.
- Kuzmina A.A. Ukazatel' suzetnyh motivov samozapisej jakutskogo geroičeskogo eposa olonho [Index of motives of self-recorded texts of the Yakut heroic epos olonkho]. In: *I Sibirskij forum fol'kloristov: Tezisy dokladov [I Siberian forum of folklorists: Abstracts]*. Novosibirsk, 2016, pp. 24–25.
- Neklyudov S.Y. Motiv i tekst [Motif and text]. In: *Jazyk kultury: semantika i grammatika: k 80-letiju so dnya rozhdeniya akademika N.I. Tolstogo (1923–1996) [Language of culture: semantics and grammar: to the 80th anniversary of the birth of academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996)]*. Ed. S.M. Tolstaja. Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 236–247.
- Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazuka [Dictionary of the Russian language]*. Moscow, Russian language Publ., 1989, 924 p.
- Rafaeva A.V. *Komp'yuter – Slovo – Fol'klor [Computer – Word – Folklore]*. Moscow, Publ. of RGGU, 2014, pp. 280 (Traditsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika [Tradition – text – folklore: typology and semiotics]).
- Silant'ev I. V. Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii. [*The theory of the motif in Russian literature and folklore studies: an essay on historiography*]. Novosibirsk: Publ. house of IDMI, 1999. 104 p.
- Skulachev A. A. Bylichki o letuchem zmee iz Vel'skogo rayona Arkhangel'skoy oblasti [Bylichki about a flying snake from the Velsky district of the Arkhangel'sk region]. *Zivaja starina [Living antiquity]*. 2012, no. 1, pp. 21–23.
- Smirnov Yu. I. *Vostochnoslavjanskije ballady i blizkie im formy (Opyt ukazatelya syuzhetov i versiy) [East Slavic ballads and forms close to them (experience of the index of plots and versions)]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 117 p.
- Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of subjects. East Slavic fairy tale]*. Comp. L.G. Barag, etc. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 437 p.
- Veselovskij A.N. *Istoricheskaja poetika [Historical poetics]*. Leningrad, 1940.
- Jason H. *Motif, type and genre: A manual for compilation of indices & a bibliography of indices and indexing*. Helsinki, Academia Scientiarum Fennica, 2000. (FFC 273)

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.332 (=512.151)
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-88-95

Н. Р. Ойноткинова

Институт филологии СО РАН

Функционально-семантическая типология и синтагматика шаманских текстов алтайцев

В статье рассматривается вопрос о функционально-семантической типологии и синтагматике трех шаманских текстов, которые, по классификации А.В. Анохина, посвящены горным духам (Жер-суу) и божествам Нижнего мира. Типология шаманских текстов и обрядов проведена с учетом типа адресата, функции обряда, а также сюжетной и синтагматической организации текста. Несмотря на то, что эти устно-поэтические произведения относятся к одной и той же традиции, для них характерна вариативность. С точки зрения поэтики проанализированные тексты представлены в единой религиозно-мифологической системе алтайского шаманизма, его пантеона и поэтического языка.

Ключевые слова: алтайцы, шаманизм, шаманский текст, семантика, синтагматика, прагматика текста, типология шаманских текстов.

Введение. В рамках данной статьи мы обратимся к проблеме функционально-семантической типологии и синтагматике шаманских текстов. Материалом для анализа послужили три шаманских текста, записанных в начале XX в. этнографом, этномузыковедом Андреем Викторовичем Анохиным (1869–1931) у алтайцев.

Фольклорный текст как любой культурно-языковой знак обладает тремя составляющими, тесно связанными между собой: синтактикой, семантикой и прагматикой. Прагматическая и семантическая стороны этих текстов в целом привязаны к внеязыковой ситуации. Ситуация, или положение дел, в котором совершается обряд, играет решающую роль при построении соответствующего обрядового дискурса / текста – как его содержания, так и формы. По мнению Е.С. Новик, «наиболее распространенной функцией сибирских шаманов было лечение болезней, но к их помощи прибегали и в других случаях: при бесплодии и затяжных родах, при эпизоотии, табуировании домашних животных, для очищения или освящения дома, промыслового инвентаря, “оживления” идолов и амулетов, обеспечения удачи на охоте или приплода в стаде, при похоронах, свадьбах и т.д.» [2004, с. 21]. Мотив обращения к тому или иному божеству или духам были обусловлены духовными и материальными потребностями семьи.

Семейно-бытовой характер шаманизма отмечали Л.П. Потапов [1991], В.И. Харитонова [2006] и другие исследователи. По мнению Л.П. Потапова, алтайский шаманизм, как и шаманизм других народов Сибири, имел семейно-бытовой характер, большинство обрядов было направлено на удовлетворение потребностей семьи и рода. Ученый писал: «Вера в полную зависимость человека от духов и бо-

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, к. 205, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: n.bayzhanova@mail.ru; тел.: 8-(383)-330-14-52.

жеств составляла непреложную основу алтайского шаманизма, что со всей очевидностью вытекает из его культовой практики, характера просьб и пожеланий, которыми насыщены камлания, индивидуальные обращения к божествам и духам рядовых шаманистов. Все они сводились к испрашиванию здоровья, урожая трав, удачи на охоте, чадородия, умножения скота и т.п. Верили, что все виды благополучия находятся во власти духов и божеств, контакт с которыми осуществляли шаманы» [Потапов, 1991, с. 23]. Шаманы, обладавшие многими духами-помощниками, всегда выполняли важные социальные роли, в том числе и лекарей, служителей религии и культовой практики. Л.П. Потапов писал: «Несмотря на то, что лечебная функция шаманов практически была распространенной, так как при отсутствии настоящей медицинской помощи к ним обращались весьма часто, главной же и специфической формой их ритуальной деятельности являлось камлание, осуществлять которое мог только шаман – служитель религии. Камлание, составлявшее ритуальную основу культовой практики алтае-саянских шаманов, было самым характерным видом шаманистского моления» [Там же, с. 137].

А.М. Сагалаев охарактеризовал шамана как человека со сверхвысокой чувствительностью, богатым воображением, который обладал даром вхождения в состояние транса, обреченный служить и людям, и духам [2003, с. 267].

Функциональное предназначение обряда и его адресат, божество или духи-хозяева, с которыми выстраивается коммуникативная связь, диалог шамана для решения той или иной жизненно важной проблемы, определяют семантику текста, состоящую из синтагматической цепи речевых и неречевых действий, последовательно исполняемых друг за другом. Синтагматика шаманского обряда и дискурса состоит из сюжетно-смысловых блоков, формирующих связанный обрядовый текст. Умение выстраивать обряд и текст зависит от опыта и памяти исполнителя, знания пантеона, устно-поэтической традиции. Анализ синтагматической структуры обрядов заключается в сопоставлении ключевых эпизодов сюжетной организации и семантических компонентов текстов разных исполнителей, это позволит нам проследить вариативность и устойчивость шаманской традиции алтайцев.

Е.С. Новик считала, что «вычленение повторяющихся, неизменных, инвариантных элементов камланий позволит классифицировать этот текучий и с трудом поддающийся инвентаризации материал, сделает его легко обозримыми доступным для дальнейшего изучения», кроме того, «послужит более надежным основанием для анализа конкретных этнических форм и, далее, для историко-генетических реконструкций шаманства в различных регионах Сибири. Выявление синтагматических связей между отдельными фрагментами шаманского действия позволяет вскрывать значения составляющих компонентов, поскольку по месту и по роли той или иной обрядовой акции в контексте камланий можно судить об их семантике» [2004, с. 19].

Первая попытка систематизации и классификации шаманских произведений алтайцев принадлежит А.В. Анохину. Ученый впервые пришел к выводу, что «культ шаманистов-алтайцев... настолько систематизирован, что в нем есть свои стройные мистерии-служения. В них, с одной стороны, выражается вся идеология шаманства и раскрывается творчество, фантазии кам'ов, полных архаизма и оригинальности. Мистерий у шаманистов много, каждая с определенным содержанием, но текст их каждый кам или камка варьирует по своему»¹. Записанные им шаманские тексты были классифицированы по типу адресата. Таким образом, им были выделены четыре типа мистерий: 1) «мистерия к Ульгеню и его сыновьям» (по его мнению, это является самой сложной мистерией); 2) «мистерия горным духам (Жезім-су)»; 3) «мистерия Эрлику и его сыновьям»; 4) «мистерия духам 'ару неме' и 'кара неме'»².

Рассмотрим структуру и сюжетную организацию трех шаманских текстов, которые, по типологии А.В. Анохина, относятся ко второму и третьему типу мистерий: камлание горным духам (Жер-су) и камлание Эрлику и его сыновьям. В предлагаемой нами типологии шаманских обрядов функционально-семантический критерий является основным, который позволяет учитывать все три семиотические составляющие обряда и текста. Итак, при функционально-семантической типологии шаманских текстов и обрядов нам следует учитывать *адресата* и *функцию обряда*, проводимого в тех или иных ситуациях, также *семантику текста*, складывающуюся из сюжетно-смысловых блоков, вычленяемых при анализе синтагматических звеньев текста.

1. Шаманские обряды, исполняемые для испрашивания благодати

Обряд шаманки Мыза, как и обряд шамана Шагая, было записано летом 1914 г. Текст шаманки Мыза, 49 лет, из рода юс (jүс), проживавшей в долине р. Мукур-Чаргы, состоит из 636 строк. Юс (jүс) – название рода тубаларов, который наряду с другими родами – кондош, кузен, тибер, тогус – в

¹Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера, далее МАЭ РАН), ф. 11, оп. 1, д. № 156, л. 3.

² Архив МАЭ РАН, ф. 11, оп.1, д. № 11, л. 4.

прошлом входил в Кергежскую волость (до 1703 г. называлась Тиргешской). Отметим, что название рода тогус созвучно с названием тогус-огуз, под которым было известно объединение ряда племен теле в VII–VIII вв. Род юс, по преданию, произошел от рода комдош [Потапов, 1969, с. 51–52]. Более подробное жизнеописание шаманки Канаа из рода сойонг, проживавшей сначала на р. Алаш, притоке р. Кемчик, можно найти в книге А.В. Анохина [1924, с. 130–131].

Шаманка Мыза, совершая ритуал для испрашивания благодати для одной семьи, обращалась к светлым духам и божествам верхнего мира (Айас-хану, Кудаю), духам-покровителям Среднего мира (Жер-су, Лезим, Пура-каан, духам-хозяевам священных гор Кемчик, Аба-Жыш и озера Алтын-Кёл), духам шаманов-предков (Кудан-кам, Жалтан-пий, Кёле-кам, шаманка Канаа), духам-помощникам (Суйла с конскими глазами, птица-орёл – Кара-Куш), а также к духам Нижнего мира (Кёмур-хану, семи его сыновьям). Смысловые блоки текста обряда имеют свои названия, например: Ару тös ‘Чистым духам’, Кара тös ‘Тёмным духам’, далее обозначены Чачылгы ‘Окропление’, Отко ‘Огню’ и т.д. Пояснения к основным действиям обряда на русском языке позволяют увидеть структуру обряда. Так, к эпизоду, где шаман собирается делать кропление духам, собиратель дал следующую ремарку: «Кам спрашивает своих духов, какую масть нужно принести в жертву (*мал көр жат*). Действие совершается в юрте, мандяке (шаманском халате), с бубном. Кам делает *чачылгы* – кропление»³.

Судя по комментариям к основным смысловым блокам шаманского текста, сделанным самим Анохиным, обряд длился три дня: «На другой день из табуна ловят лошадь и привязывают к приготовленным березам около аила. Кам окуривает лошадь арчином (можжевельником. – Н. О.) кругом по солнцу (*аластан жат*). Кам становится перед лошадью с западной стороны. В правой руке держит березовую ветку, в левой руке чашку с молоком»⁴.

Шаманка Мыза спрашивала у божеств, будет ли жить счастливо и благополучно та семья, для которой она совершает обряд. Получив положительный ответ, она оглашает наказ божеств, что условием благополучия семьи является соблюдение морально-этических правил жития: не пить алкоголь, быть гостеприимными, не слушать сплетников и клеветников, быть добродетельным и сострадательным по отношению к бедным⁵.

В шаманском сознании алтайцев благодать, полученная у светлых божеств и духов, является высшей духовной ценностью; это достигается при соблюдении условия морально-этических правил жития, отсутствии плохой кармы. В этих текстах наиболее употребительными являются ключевые слова-концепты: *жаргы* ‘решение, благодать, свет, сияние, блеск’ и *биян* ‘благословение, благодать’. Лексема *жаргы* в современном алтайском языке имеет значение ‘решение, суд’. В шаманских текстах оно также передает также значения «благодать, свет, сияние, блеск». Божественная энергия или благодать человеком познается через свет и озарение, расцвет и улучшение его жизни, вот почему алтайские шаманы употребляли понятие *алтын жаргы* ‘золотой суд, решение’, в некоторых случаях *алтын жарык* ‘золотое сияние, свет’ (притяжательная форма – *алтын жарыгы* ‘его золотое сияние, блеск, благодать, золотое решение’). Главной целью проводимых шаманами обрядов являлось испрашивание божественной благодати, представляющейся золотым сиянием, светом, спускающимся с небесных сфер в домашний огонь.

По сведениям А.В. Анохина, на другой день шла подготовка жертвенной лошади. Шаманка совершила ритуал, встав перед лошадью с западной стороны. В правой руке она держала березовую ветку, а в левой руке – чашку с молоком. Лошадь омыли молоком, окурили можжевельником и привязали к березам около юрты. Для того чтобы узнать, примут ли такую жертву духи, устроили обряд гадания. Смысл ритуала гадания заключался в том, что если поставленная на круп лошади чашка с молоком упадет дном вниз, то божество примет дар, если же чашка упадет вниз открытой стороной, то божество не примет жертву. Чашку с молоком, поставленная на круп лошади, упала дном вниз, и лошадь принесли в жертву. Во время вечернего обряда шаманка с помощью своего помощника Суйлы, отправляла душу жертвенной лошади к духу горы Дьезим (Лезим). После этого все вернулись в юрту, камка, сев около двери на мужской стороне, обратившись лицом на юг, к духам-покровителям, преодолевая семь препятствий (*туудак*), полетела к духу-хозяину горы Дьезим для того, чтобы узнать о судьбе этой семьи.

Утром следующего дня был устроен обряд жертвоприношения лошади. Что происходило в это время, исследователь не описывает подробно. Судя по тексту, после поднятия кожи жертвенной лошади на жердь (*жукели*), видимо, шаманка вновь созывала духов-хозяев гор – *тёс*, расположенных в северной части Горного Алтая (Абыкан, Адыган, Аба-Жыш, Бабырган, Кара-Кайа), а также духа-

³ Архив Томского областного краеведческого музея (далее ТОКМ), ф. 16, д. № 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

хозяина озера Алтын-Кёл. Совершалось окропление молоком и иногда молочной водкой. Далее по тексту состоялся ритуал испрашивания благ, счастья и удачи. Все участники обряда встали в ряд, сняв шапки. Правой рукой они хватали с пола шапки, быстро перебрасывали их в левую руку. Правой же рукой хватали с земли траву, засовывая ее за пазуху, произносили: «Оп куруй!». Слово *оп куруй* употребляется в призывании счастья, благодати, удачи в обрядах и других тюркских и монгольских народов. Приведем отрывок из текста:

<i>Ўўрлү малыма алкыш жетсин,</i>	Пусть скоту моему с вожакom благословение дойдет,
<i>Ўргүлји журттума пыйан ползын!</i>	Пусть вечному роду моему будет благодать!
<i>Тебелү малым көп ползын!</i>	Пусть скота у меня на горных пастбищах будет много!
<i>Тергелү журттума амыр ползын!</i>	Пусть роду моему с почетным местом будет спокойно!
<i>Айдаган малым көп ползын!</i>	Пусть перегоняемого скота у меня будет много!
<i>Азраган палам көп ползын!</i>	Пусть выращенных детей будет много!
<i>Алтын жаргым одума шокишызын!</i>	Пусть золотой суд моему огню пристанет!
<i>Куруй! Куруй! Оп куруй!</i>	Куруй! Куруй! Оп куруй!
<i>Маараган малду болойын,</i>	Пусть блеющего скота у меня [много] будет,
<i>Паркыраган журтту болойын!</i>	Пусть в доме моем будет шумно!
<i>Куруй! Куруй! Оп куруй!</i>	Куруй! Куруй! Оп куруй! ⁶

Финальным этапом обряда стало обращение к духу-хозяину домашнего огня и духам-покровителям дома – *дъайык*. Большое внимание в шаманской практике уделялось домашнему огню, поскольку он представляется местом, куда спускается божественная благодать. Дух-хозяин огня считался посредником между миром божеств и духов и миром человека, и многие обряды, устраиваемые во благо людей, начинались с ритуального освящения и угощения огня. Шаманка, читая благопожелание, подливала в огонь масло. При этом присутствующие обходили посолонь треножник и кричали: «*Оп куруй! Оп куруй!*!». Масло было вылито в трех местах напротив ножек тагана.

Рассмотрим обряд шамана Баланди. По краткому описанию А.В. Анохина, *кам* Баланди был из черневых турок (под черневыми турками в исторической литературе имелись в виду алтайские роды, проживавшие в северной части Горного Алтая), из рода дьарык, являлся потомственным шаманом, поэтому по линии отца он имел покровителей, как то: Куйбадяк, Жезим-тайга, Кёгёди (Көгөди – шаманка), Баки, Адару, Едегеш, Сарыук, Жарынак; по линии бабушки Тилек: Канаа, Кажайгай (шаманка), Тајада, он же Курагаш и четыре брата, сыновья Тобока – Икеш, Жёдик (Жөдік), Тадужек, Тарлаак⁷. Эти данные находят соответствие в опубликованном труде учёного [Анохин, 1924, с. 142]. Обряд жертвоприношения духам-хозяевам Алтая и священных родовых гор алтайским шаманом Баланди также проводился с целью прошения благодати для одной семьи. Камлание было записано А.В. Анохиным 29–30 августа 1910 г. в с. Анос (ныне в Чемальском районе).

Текст, как и предыдущий, имеет комментарии к основным действиям обряда. В отличие от комментариев к предыдущему тексту, они очень краткие. В начале камлания Баланди обращался к светлым божествам: Кудаю, духам-хозяевам гор Сюмер, Дьезим, Алаш, Кемчик, Ак-Кая, Адыган, Южебе, Чолмон-Ту, Юч-Чобору (Уймона – уточнено мною. – *Н. О.*), Абу-Кану, духам-хозяевам озер Сют-Кёль и Алтын-Кёл, а также всем духам-хозяевам Алтая-Хангая, т.е. всем духам-хозяевам горного массива Алтая и Монголии. Следует отметить, что в отличие от шаманки Мыза, Баланди не упоминает темных духов.

Следующим звеном обряда является окропление изображения духов-покровителей семьи и дома – *дъайыка* жидкой кашей, называемой *потко*, после этого шаман ставит угощения духу-хозяину бубна, обращаясь так: «*Аяк тери – алтын тэпиши, / Же, бу Слерге тудуп жадым, / Агар башка алтын жаргы суразын тэп. ‘Пот чашки – золотое блюдо, / Ну, вот Вам я приношу! / Светлой голове золотое решение попросить’*»⁸.

Затем началась ритуальная подготовка жертвенной лошади, ее омыли молоком. После этого Баланди, как и шаманка Мыза, гадал, чтобы узнать, примет ли божество жертву. Ответ был положительным, и процесс подготовки к жертвоприношению был продолжен. Об этом свидетельствует ремарка Анохина к эпизоду текста камлания: «После этого кладут на березу *толу* (откуп. – *Н. О.*), лошадь привязывают к священной березе»⁹.

⁶ Архив ТОКМ, ф. 16, д. 15, л. 19, 33.

⁷ Архив МАЭ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 22.

⁸ Архив МАЭ РАН, фонд 11, оп. 1, д. 8, стк. 1–14.

⁹ Архив МАЭ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 22.

Во время вечерней мистерии шаман Баланди отправляется в «путешествие» к божеству Среднего мира Дьер-суу (Дер-суу – букв. ‘Земля-вода’) или в горные хребты Алтая, к чистым горным духам, которых в алтайской шаманской традиции иначе называют Алтай сыны (букв. ‘Хребет Алтая’), для того чтобы доставить приготовленный хозяевами юрты откуп. По представлениям шамана Баланди, хребет Алтая является крайней точкой, куда отправляется шаман. Об этом говорится в следующем эпизоде:

«Ару Алтайдын сыны! / Ызу оттон чыгып жадым, / Алты айрыдан амадан жадым, / Ару Алтайдын сыны – / Жака сүргек, жаан јер. / Амадан јаткан барылгам / Агар-төскө јеткей не? / Алтын јаргы табышкай не? / Жака сүргек жаан јер! / Ару Алтаимнинг јаргы јер, / Мунаг ары ачык јол бергей не. ‘Чистого Алтая хребет! / Из горячего огня выхожу я, / От шести шестов [в аиле] устремлюсь. / Чистого Алтая хребет – / Крайнее препятствие, большое место. / Нацелено [отправляемая] мною барылга / До чистого духа будет ли доставлена? / Золотое решение вручится ли? / Крайнее препятствие – большое место, / Чистого Алтая судное место, / Дальше открытую дорогу даст ли?»¹⁰ (перевод А.В. Анохина, уточнено мной. – Н. О.).

По пути к духу Дьер-суу (Алтая) Баланди преодолевает семь препятствий – ровно столько же, сколько добираться к божеству Нижнего мира и божеству Верхнего мира. Более подробное описание о путешествии к божеству Дьер-суу, по представлениям шамана Мерея Танаша, дано в статье Л.Э. Каруновской [1935, с. 160–167].

Театрализованный характер действий шамана подтверждает комментарий собирателя: «Кам по солнцу делает кружение. Баланди в этом случае представляет камлание: он вертится с бубном против солнца и кланяется своим тёсям (чистым духам): Сют-Кёлю и Сюмер-Улану... Кам выскакивает из дворца духа-покровителя через порог, выражая его действия двойственным прыжком»¹¹. Кроме того, они имели и музыкальный характер, поскольку все действия Баланди сопровождалось его пением, и образцы исполнения зафиксированы на восковом валике наряду с образцами пения других шаманов.

Судя по комментариям к тексту, обряд жертвоприношения состоялся на следующий день, 30 августа 1910 г., где-то у горы. Участники обряда бросали жертвенные кусочки мяса – *чолбу*. По сведениям А.В. Анохина, после этого, обойдя вокруг жертвенника, брызгая молоком, шаман Баланди продолжил обряд со словами благопожелания. Оставшееся мясо жертвенного животного и жир принесли в юрту, и *кам* начал восхвалять огонь. Присутствующие в юрте члены семьи после трапезы обходили вокруг огня. Затем шаман готовился к ритуалу кропления духу-покровителю семьи – *дьайыку* и духу-хозяину огня. Для этого ставят чашку с молоком, нетронутую чашку с молочной водкой. *Кам* брызгает, чтобы благодать и доля божественная спустились на *чалу*¹². Движением бубна как бы выбрасывает счастье на огонь. Кружит около огня. Присутствующие восклицают: «*Он курый!*»¹³

Таким образом, рассмотренные шаманские тексты имеют изоморфную и симметричную структуру. К основным звеньям синтагматической цепи данного типа камланий относятся действия: 1) призывание божеств и духов – покровителей шамана; 2) жертвоприношение духам и испрашивание благодати или здоровья заказчикам обряда; 3) благословление и угощение духа домашнего огня и духов-покровителей. С функционально-семантической точки зрения адресатами этих обрядов являются светлые божества Верхнего мира и духи Среднего мира. Концептуальная семантика этих камланий связана с испрашиванием благодати для семей, которые выступали заказчиками обрядов.

2. Шаманский обряд, исполняемый для лечения больного

Существуя в рамках семейных традиций, шаманство выполняло различные функции, в частности оказания моральной поддержки семьям, лечения больных. Любую болезнь шаманисты-язычники понимали как действия злых духов или как вселение в человека злого духа. Функцию экзорцистов, изгоняющих злых духов, могли исполнять лишь опытные, сильные шаманы, которые могли обращаться к божествам как Верхнего, так и Нижнего мира.

Шаман Шагай из рода иркит стал шаманом в девять лет. Когда записывали от него текст, ему было 20 лет. Шаманский костюм он получил от своего предка Дьимана, а бубен сделал себе сам по образцу маленького бубенчика (*төнүрчек*) – изображения-фетиша, напоминавшего о предке по имени Мёркют (Мөркүт). Обряд, записанный от Шагая в 1914 г. в с. Аскат, проводился для лечения больной

¹⁰ Архив МАЭ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 22.

¹¹ Там же.

¹² По определению Л.П. Потапова, *чалу* – деревянные антропоморфные изображения (идолы) различных духов и божеств (например, Курмуша), изображения в виду куколок (тряпичных) дочерей Ульгения или Абугана (Абукан – хребет в верховьях Абакана), а также изображение на деревянной рукоятке бубна. Деревянная рукоятка бубна символизировала «хозяина бубна» (*чалу айзи*) [Потапов, 1991, с. 165].

¹³ Там же.

женщины. От своего предка Чичкана он получил бубен и халат (*манџак*), от Кинаса – другой бубен. Бубен от Чичкана называется Дьер-су (Дер-суу), а от Кинаса – Дъезим (Дезим).

Объем текста шаманского обряда Шагая составляет 513 стихотворных строк. В самом начале обряда Шагай обращался к своим духам-покровителям: светлому божеству – Дъажыл-кану, духам-покровителям Среднего мира – Дьер-су, Алтаю, Дъезиму, духу предка-шамана Таркана (*букв.* Кузнец), духу домашнего огня (От-эне ‘Огонь-мать’), духу-покровителю дома (*џайык*), а также к темному божеству подземного мира – Паатыру, одному из «сыновей» божества Эрлика. После призывания всех перечисленных покровителей был проведен обряд гадания с *чабыт* (‘опахалом’), суть которого заключалась в том, чтобы узнать у духов, по какой причине человек болеет, вызвана ли болезнь каким-либо злым духом, вселившимся в человека. Для того, чтобы узнать о причине болезни, в юрту принесли березовую ветку и сделали из нее *чабыт* – опахало. К ветке привязали разноцветные ленты: красные, белые и синие. Шаман, взяв *чабыт*, воткнул его в землю толстым концом возле больного человека, напротив *дъайыка*. Затем, взявшись правой рукой за опахало, поворачивал его над больным, совершая ворожбу. Таким образом, шаман без бубна, помахивая опахалом, призывал своих ближних духов, чтобы узнать через них о причине болезни обратившегося за помощью человека и как помочь ему.

Судя по этнолингвистическим данным Л.П. Потапова, *чабыт*, совершавшийся телеутскими шаманами, являлся одним из способов камлания без бубна; у монголо-алтайских тувинцев он назывался *шавыд* (*šavyd*) [Потапов, 1991, с. 230]. Другие алтайские этносы называли это опахало *пайры*, поскольку оно делалось из куска ткани квадратной формы, прикрепленной к палочке в виде флажка, кумандинцы использовали *шырба* в виде ветви березы, пучка веток или лент [Там же, с. 230]. По сообщению шамана Мамыша, у алтайцев с опахалом *чабыт* молились над больным ребенком. Над взрослым же больным, если его болезнь не считалась тяжелой, камлали с опахалом *пайры* [Там же, с. 231].

По комментариям А.В. Анохина к тексту, во время утреннего камлания готовили откуп (*толу*) божеству Нижнего мира Паатыру за выздоровление больной. Утром хозяин привел жертвенного животного и привязал к листовенному колу, вбитому напротив двери юрты. Шаман, подержав над огнем ленту синего цвета, привязал ее на гриву животного (если жертвенное животное бык или корова, то ленту привязывали к рогам). Между жертвенным животным и дверью юрты воткнули три кола, сверху положили различные дары за выздоровление больной: ткань, шубы, рубахи, окуранные можжевельником, общим количеством девять штук. По тексту и комментариям исследователя не совсем понятно, идет ли речь об изгнании злого духа из тела больного. Очевидно то, что шаман Шагай просил божество подземного мира забрать болезнь у человека, лежащего в постели.

Вечернее камлание Шагая начиналось с тех же призываний духов, к которым он обращался в начале обряда. После этого он вышел на улицу, чтобы отправить душу жертвенного животного и дары духам и божествам подземного мира. По комментариям, шаман, обойдя жертвенное животное по солнцу, вошел в юрту, сел у двери покурить, затем продолжил совершать обряд. Он встал на ноги, бил в бубен, кружась. Перечисляя все препятствия в пути, мысленно представляя путешествие по подземному миру, он устремился к божеству подземного мира Паатыру. В описание подземного мира входят все те символы, которые встречаются в текстах других шаманов: черный пень, олицетворяющий место суда, волосяной мост, камень с отверстием, красный яр, два озера – черное и красное, серый тальник, черный дворец Паатыра.

Таким образом, в обряде, проведенном шаманом Шагаем с целью лечения больного, жертвенное животное предназначалось божеству Нижнего мира, но в мистерии шаман обращался и к божествам Верхнего мира, и духам-хозяевам Среднего мира. В обряде лечения больного присутствует элемент, не характерный для первого типа обрядов: для того чтобы узнать о причине болезни, шаман использует опахало-*чабыт*.

Заключение. Таким образом, мы рассмотрели в функционально-семантическом плане два типа камлания, обращенные к божествам двух противоположных миров: первые два текста, записанные от шаманки Мыза и шамана Баланди, посвящены испрашиванию благодати у божеств Верхнего мира и духов-хозяев Среднего мира, третий текст – исцелению больного и «задабриванию» жертвоприношением божества Нижнего мира. Рассмотренные шаманские тексты имеют изоморфную и симметричную структуру, что позволяет заключить, что эти устно-поэтические произведения относятся к одной и той же традиции, но вариативность текстов значительна, что видно и по их объему. Их сюжетная и синтагматическая структуры содержат больше общих элементов, чем частных. С точки зрения лексической организации проанализированные тексты представлены в единой концептуальной системе алтайского шаманизма, его пантеона и поэтического языка.

Список литературы

- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. Репринтное издание. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. (Собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Предисл. С. Е. Малова). Л.: Изд-во РАН, 1924. 152 с.
- Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о Вселенной: Материалы к алтайскому шаманству // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 160–183.
- Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2004. 304 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока / Редкол.: Е.М. Мелетинский и др. Семиотика фольклора).
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.
- Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Сагалаев А.М. Тюркские народы Сибири // Мифы и религии мира. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. 432 с.
- Харитонова В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с.

Архивные материалы

- Полевые материалы А.В. Анохина. О камах и их родословной. 1910 г. Бийский у. Томской губ. Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера, далее Архив МАЭ РАН), ф. 11, оп.1, № 11.
- Полевые материалы А.В. Анохина. Из верований алтайцев-шаманистов (доброе и злое начало и другие духи, творение мира и человека, культ, мистерия. Статья. Архив МАЭ РАН, ф. 11, оп.1, № 156. 17 л.
- Полевые материалы А.В. Анохина. Мистерия кама Баланди (комдош). Архив МАЭ РАН, ф. 11, оп. 1, № 22.
- Полевые материалы А.В. Анохина. Материалы по музыкальному творчеству народов Алтая, собранные А.В. Анохиным. Мистерии Мекечи и Мыза. 1914 г. Архив Томского областного краеведческого музея (Архив ТОКМ), ф. 16, д. № 15, 48 л.
- Полевые материалы А.В. Анохина. Материалы о музыкальном творчестве народов Алтая и др., собранные А. Анохиным. Мистерии кама Шагай. 1914 г. Архив ТОКМ, ф. 16, оп. 8, № 17, 16 л.

N.R. Oynotkinova

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
n.bayzhanova@mail.ru*

Functional-semantic typology and syntagmatics of shamanic texts of Altaians

The paper discusses the issue of functional-semantic typology and syntagmatics of 3 shamanic texts, which, according to the classification of A.V. Anokhin, are devoted to mountain spirits (Jer-suu) and deities of the lower world. The typology of shamanic texts and ceremonies is carried out taking into account the type of the addressee, the function of rites, as well as plot and syntagmatic organization of these texts. The considered shamanic texts have an isomorphic and symmetrical structure: their composition is built according to a single principle. Despite the fact that these poetic works belong to the same tradition, they are characterized by variability. From the point of view of poetics, the analyzed texts are presented in the united religious-mythological system of Altai shamanism, its pantheon and poetic language.

The syntagmatic structure of these mysteries contains both general and particular elements. The main elements of the syntagmatic chain of this type of rites include actions: 1) invoking deities and spirits - patrons of the shaman; 2) a sacrifice to the spirits and asking for grace or health to the customers of the rite; 3) blessing and treat of the spirit of home fire and spirits-patrons.

From the semantic point of view, the addressees of the first two rites are the luminous deities of the upper world and the spirits of the middle world. The conceptual semantics of the first two texts of the rites is associated with asking for grace for families who were customers of the rites. In both mysteries, the shamans address to the deities of the upper world and the spirits of the middle world. In the third text of the rite, in the rite of treating the patient, the sacrificial

animal was intended for the deity of the lower world. In the ritual of treating a patient by the shaman Shagai, there is an element not characteristic of the first type of rite. In order to find out about the cause of the disease, the shaman used a branch with ribbons called *chabyt*. So a shaman without a tambourine, waving this fan, urged his fellow spirits to learn through them about the cause of the illness of the person who asked for help and how to help him.

A feature of the mysteries dedicated to the deities and spirits of middle and upper worlds is the frequent use of the lexeme *jargy* with the lexical meanings "judgment, verdict", "grace, light," which reflects the conceptual meaning of its appeal to the deity of the upper world and the masters of the middle world. In the shamanic consciousness of the Altaians, the grace obtained from deities and spirits is also the highest spiritual value; this is achieved by observing the condition of moral and ethical rules of life, the absence of bad karma in a person. In general, it should be noted that from the point of view of poetic organization, the analyzed texts are presented in the united conceptual and mythological system of Altai shamanism, its pantheon, and poetic language.

Keywords: Altai, shamanism, shamanic text, semantics, syntagmatics, text pragmatics, typology of shamanic texts.

References

Anokhin A.V. *Materialy po shamanstvu u altaytsev* [Materials on the shamanism of the Altaians]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek Publ., 1994. Reprintnoye izdaniye. Anokhin A.V. *Materialy po shamanstvu u altaytsev*. (Sobrannyye vo vremya puteshestviy po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii. Predisl. S. Ye. Malova [The reprinted edition. Anokhin A. V. Materials on the shamanism of the Altaians. (Collected during travels in Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia.) Foreword by S. E. Malov]. Leningrad, 1924. 150 p. (In Russ.)

Karunovskaya L.E. *Predstavleniya altaytsev o Vselennoy: Materialy k altayskomu shamanstvu* [The ideas of Altaians about the Universe: Materials for the Altai shamanism]. *Sovetskaya etnografiya*. 1935, no. 4–5, pp. 160–183. (In Russ.)

Kharitonova V.I. *Feniks iz pepla? Sibirskiy shamanizm na rubezhe tysyacheletiy* [Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of the millennium]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 372 p. (In Russ.)

Novik Ye.S. *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: opyt sopostavleniya struktur* [Rite and folklore in Siberian shamanism: the experience of comparing structures]. 2-ye izd., ispr. i dop. Moscow, Vost. lit. Publ., 2004, 304 p. (Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka. Redkol. Ye.M. Meletinskiy i dr. Semiotika fol'klora [Studies on folklore and the mythology of the East. Ed. E.M. Meletinsky, etc. Semiotics of folklore]). (In Russ.)

Potapov L.P. *Altayskiy shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, 321 p. (In Russ.)

Potapov L.P. *Etnicheskiy sostav i proiskhozhdeniye altaytsev: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Ethnic composition and origin of the Altaians: a historical and ethnographic sketch]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 196 p. (In Russ.)

Sagalayev A.M. *Tyurkskiye narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. In: *Mify i religii mira* [Myths and religions of the world]. Moscow, Ros. Gos. gumanit. un-t Publ., 2003, 432 p. (In Russ.)

Archival material

Materialy A.V. Anokhina. O kamakh i ikh rodoslovnoy. 1910 g. Biyskiy u. Tomskoy gub. [A.V. Anokhin's materials. About shamans and their genealogy. 1910. Biyskiy u. Tomsk Bay]. Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo RAN (Kunstkamera, MAE RAN) [Archive of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)], fond 11, inv. list 1, № 11.

Materialy A.V. Anokhina. Iz verovaniy altaytsev-shamanistov (dobroye i zloye nachalo i drugie dukhi, tvoreniye mira i cheloveka, kul't, misteriya [A.V. Anokhin's materials. From the beliefs of Altaians-shamanists (good and evil entities and other spirits, creation of the world and man, cult, mystery). Arkhiv MAE RAN [Archive of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)], fond 11, inv. list 1, № 156, 17 leaves.

Materialy A.V. Anokhina. Materialy po muzykal'nomu tvorchestvu narodov Altaya, sobrannyye A.V. Anokhinym. Misterii kamki Mekechi i Myza. 1914 g. [A.V. Anokhin's materials. Materials on the musical creativity of the Altai peoples, collected by A.V. Anokhin. Mysteries of the shamans Mekechi and Myza. 1914]. Arkhiv Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya (TOKM) [Archive of the Tomsk Regional Museum of Local History], fond 16, op. № 15, 48 leaves.

Materialy A.V. Anokhina – Materialy o muzykal'nom tvorchestve narodov Altaya i dr., sobrannyye A. Anokhinym. Misterii kama Shagay. 1914 g. [A.V. Anokhin's materials. Materials about the music of the Altai peoples, etc., collected by A. Anokhin. Mysteries of the shaman Shagai. 1914]. Arkhiv TOKM [Archive of the Tomsk Regional Museum of Local History], fond 16, op. 8, № 17. 16 leaves.

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398(7)

DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-96-100

Дж. Руей-Уиллоуби

Университет Кентукки, Лексингтон (США)

Представления о жанрах несказочной прозы в американской фольклористике¹

Североамериканское и западноевропейское понятие жанров несказочной прозы (легенда, быличка, бывальщина) довольно значительно отличается от принятого в российской фольклористике. В статье сравниваются эти разные системы. Хотя содержание текста играет роль в его классификации, американские понятия жанров в большей степени зависят не от самого содержания рассказов, а скорее от отношения рассказчика к тексту. Под влиянием исследований Л. Дег (L. Dégh) с 1960-х гг. термин «легенда» в американской и западноевропейской традиции фольклористики обозначает главным образом процесс, а не сам текст. Легенда считается способом творить и обсуждать верования о характере нашего мира и спорных общественных вопросах. Статья рассматривает, как фольклористы с этой точки зрения подходят к жанру легенды.

Ключевые слова: североамериканская и западноевропейская фольклористика, современные подходы, представления о несказочной прозе.

Термин «легенда» (*legend*) в американской фольклористике включает следующие жанры: предание, легенда, быличка и бывальщина; иными словами, этот термин в целом совпадает с понятием «несказочная проза» в русской фольклористике. Тем не менее мифы отличаются от жанра легенды. Из-за таких несовпадений в понятии жанров специалисты обеих стран часто смущаются. Цель этого доклада – рассмотреть американскую систему, чтобы выяснить, как американские ученые отличают эти жанры друг от друга.

Мы начнем с истории изучения легенды в американском контексте. Проблема заключается в том, что жанр легенды имеет не простое значение. В таких рассказах бывает изобилие действующих лиц, включая людей, богов, святых и даже животных. В сюжетах мы видим сверхъестественные отношения, великие бои, религиозные чудеса, а также отражение повседневных событий, таких как криминальные действия, сексуальные эскапады и университетские шалости. Ян Харальд Брунванд, главный

¹ **От Ред. коллегии.** В данной публикации представлен текст доклада, который был прочитан Дж. Руей-Уиллоуби на Всероссийской конференции «Несказочная проза народов Сибири: теоретические подходы и методы исследования» (13–15 мая 2018 г., Новосибирск). Доклад подготовлен автором на русском языке. Редактором внесена необходимая правка, стиль автора сохранен.

Руей-Уиллоуби Джинмари (Rouhier-Willoughby Jeanmarie) – Ph.D., профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы Университета Кентукки.

Контактная информация: кафедра современных и классических языков, литератур и культур, 1055, Паттерсон Офис Тауэр, Университет Кентукки, г. Лексингтон, Кентукки, США, 40406 (Department of Modern and Classical Languages, Literatures and Cultures, 1055 Patterson Office Tower, University of Kentucky, Lexington, KY, USA, 40506). E-mail: j.rouhier@uky.edu; тел.: (859)-257-17-56; факс: (859)-257-37-43.

коллекционер американских легенд в XX столетии, предоставляет нам на выбор множество образцов, которые демонстрируют диапазон текстов легенд [Brunvand, 2014]. Мы начнем с животных-героев. Брунванд в качестве примера ссылается на историю о «Задыхающемся добермане» [Brunvand, 2014, pp. 116–199]. В этой истории хозяйка возвращается домой и обнаруживает свою собаку задыхающейся. Она берет собаку и мчится с нею к ветеринару, который находит в собачьем горле два пальца. Выясняется, что собака откусила пальцы с руки вора, который все еще прячется в доме. Полиция арестовывает его благодаря героической собаке. Данная история рассказывает об «обычной» собаке, однако животные в легендах также могут быть сверхъестественными – это так называемые крипиды: Йети, Мофман (легенда Западной Вирджинии) или Чупакабра из пуэрто-риканской легенды [Brunvand, 2014, pp. 120–121]. Чупакабра описывается как большое собако- или медведеобразное двуногое существо, с шипами на спине и острыми когтями. Считается, что она нападает на животных, прежде всего на коз, и пьет их кровь. Легенда распространилась по всему испаноязычному миру Северной Америки, истории о случаях наблюдения этого существа были зарегистрированы и в США – во Флориде и Техасе, штатах со значительным количеством испаноговорящего населения.

Большинство населения США является протестантами, при этом существуют легенды о святых. Одна из распространенных легенд связана с захоронением статуи Святого Иосифа, покровителя семей и домов, в чьем-либо дворе, что помогает людям быстрее продать свой дом [Brunvand, 2014, pp. 86–87]. В некоторых версиях легенды «Исчезнувшая автостопщица» (истории о том, как мужчина подбирает у обочины женщину) привидение, которое затем исчезает на месте своей смерти, на самом деле является святым [Brunvand, 2014, p. 688]. Святой часто предупреждает о какой-либо опасности, например, о предстоящем важном событии. Также распространены мемораты о святых, где верующие рассказывают, как святой защитил или помог им каким-то образом. Они, наряду с историями о привидениях (обсуждаемыми ниже), являются наиболее распространенными легендами о сверхъестественном в американской нарративной традиции.

Мы уже видели пример криминальной легенды («Задыхающийся доберман»), но в легендах также возможны более легкомысленные темы. Университеты являются родиной разнообразных легенд о студенческих выходках, включая легенду «Вы знаете, кто я?», в которой профессор отказывается принимать экзаменационную работу студента по какой-то незначительной причине. Студент, один из многих в большом вступительном классе, спрашивает профессора: «Вы знаете, кто я?» Получив отрицательный ответ, студент быстро кладет экзаменационный лист в середину высокой пачки бумаг и уходит [Brunvand, 2014, pp. 194–195]. В другой истории профессор одерживает победу, когда студент представляет курсовую работу, которую сам же профессор написал еще колледже [Brunvand, 2014, p. 528]. Исследовательница Элизабет Такер задокументировала важную роль, которую легенды о привидениях играют в кампусах колледжей, в особенности как следствие студенческих самоубийств [Tucker, 2007]. В дополнение Брунванд приводит множество юмористических легенд о том, как неверный супруг наказывается при попытке изменить, например «Голая вечеринка-сюрприз» или «Прочный цементный кадиллак». В первой истории [Brunvand, 2014, p. 137] жена в сотрудничестве с ассистенткой мужа планирует вечеринку-сюрприз для его дня рождения. Жена просит ассистентку пригласить его на ужин, пока друзья и семья собираются в доме ассистентки. Когда они прибывают в ее дом, ассистентка идет сменить одежду (на самом деле – предупредить гостей вечеринки), и тогда мужчина, верящий, что она хочет с ним переспать, раздевается, но только чтобы столкнуться с женой, выпрыгнувшей из соседней комнаты с криком «Сюрприз!», которая видит перед собой своего голого мужа. Во второй истории мужчина подозревает свою жену в интрижке, затем как-то возвращается рано домой и видит припаркованный рядом с его домом кадиллак. В окно он видит, как его жена разговаривает с другим мужчиной. Он строитель, и возвращается домой с бетономешалкой, чтобы залить кабриолет бетоном. Выясняется, что машина была подарком-сюрпризом на его день рождения, а мужчина внутри – продавцом машины [Brunvand, 2014, pp. 593–595]. В целом, все эти истории могут быть классифицированы американскими и западноевропейскими специалистами как легенды.

Русские фольклористы, наверное, с вышеупомянутыми характеристиками не были бы согласны и отрицали бы такое понятие жанра. Вообще с точки зрения понятия жанра «легенда» в русской фольклористике такие сюжеты не обозначают легенду. Большинство этих рассказов считаются не легендами, а быличками или бывальщинами. Но в американской и западноевропейской фольклористике они являются примерами такого жанра. Чтобы выяснить ситуацию с жанром, мы должны вернуться к 1960-м гг.

В 1960-х гг. происходил огромный подъем изучения легенды (или сказочной прозы) во всех формах среди американских фольклористов. Такой сдвиг был результатом интереса к современной

традиции, особенно к вопросу, как народные жанры показывают веру народа. Пионером этих исследований была венгерская исследовательница Линда Дег (L. Dégh), переехавшая в США в 1960-х гг. и работавшая в Индианском университете. Вместе с ученым Андреем Васонией (A. Vásonyi, ее муж) она изменила подход к легенде, открыв путь к изучению этого жанра. В статье «Does the Word 'Dog' Bite? Ostensive Action: A Means of Legend Telling» они основали критический подход к легенде и ее рассказыванию, которого раньше не хватало [Dégh L., Vásonyi A., 1983]. Это и стало фундаментом изучения легенд в американской фольклористике. В их представлении о жанре содержание текста – не самое главное. Хотя оно, без сомнения, играет свою роль в классификации текста как мифа, легенды, былички, бывальщины и т.д.

Авторы считают, что легенда (во всех ее многообразных формах) представляет возможность для так называемого *ostensive* действия или *ostension*. На их взгляд, легенды не только рассказывают о реальности, но имеют возможность ее творить, чтобы слова стали фактами. В итоге легенда – в основном не текст, а процесс. Легенда влияет на поведение человека и даже на понимание им реальности [Dégh, Vásonyi, 1983, pp. 18–19]. Дег и Васоний ссылаются на легенды (впервые зафиксированы в 1940-х гг.) о том, как конфеты, розданные во время американского праздника Хэллоуин, были отравлены. Такие рассказы коренным образом изменили традицию среди детей, повернув их к более безопасным способам праздновать Хеллоуин [Dégh, Vásonyi, 1983, p. 12].

С этой точки зрения специалисты не должны пренебрегать легендой как продуктом ложного представления или как фейк ньюс (*fake news*). Наоборот, она отражает систему веры и приглашает к дискуссии. По мнению Дег, рассказчики отлично знают, что противоположные позиции насчет этой веры оказывают влияние на наши представления о мире и действительности. Легенда тогда является способом рассматривать систему веры и даже спорить о ней. Во многих случаях рассказчики не признают саму веру. В итоге они не представляют легенду как истину или ложь, но открывают возможность откровенно обсуждать разные позиции насчет какой-либо темы. Легенда в итоге играет основную роль в нашем представлении о событиях и развитии систем веры о мире и быте. Хотя против этих выводов имеется масса научных и фактических фактов, эти концепции сохраняются. На самом деле они (и легенды) строятся на довольно крепких исторических фактах, как противоположные мнения экспертов, несмотря на общее представление о легенде как неправде или плохой логике. В книге «Легенда и вера» Л. Дег формулирует заключение, что «*legend touches upon the most sensitive areas of our existence, and its manifest forms cannot be isolated as simple and coherent stories. Rather, legends appear as products of conflicting opinions, expressed in conversation*» ‘легенда касается самых болезненных мест нашей жизни, и ее очевидные формы не могут быть изолированы как простые и связные рассказы. Наоборот, легенды являются продуктами противоречащих друг другу мнений, выраженных в разговоре’ [Dégh, 2001, p. 2].

Стоит отметить, что, если имеет смысл в обсуждении текста определить, каков жанр данного текста, американские ученые решают этот вопрос с точки зрения рассказчика, т. е. на основе его мнения о верности текста. Если он явно не верит в содержание рассказа и транслирует его с целью увлечь или испугать слушателей, то текст считается бывальщиной, даже если излагается с точки зрения первого лица. Если текст описывает личный опыт рассказчика и представляется как факт, то тогда он считается быличкой. Остальные тексты с указанными выше сюжетами и персонажами считаются легендами. Как следствие, история наподобие «Исчезнувшей автостопщицы» может быть рассказана, чтобы напугать или развлечь слушателей, с четким указанием со стороны рассказчика, что эта история считается неправдой, благодаря использованию таких фраз, как «это лишь городская легенда» или «я не верю в приведенный» в конце истории. В ситуациях, когда история рассказывается человеком, который получал, например, предупреждение от святого, история может быть явно сформулирована как меморат. Однако в контексте, когда люди рассказывают истории о приведениях или обсуждают, могут или не могут те существовать, история будет классифицирована как легенда. Хотя, по мнению специалистов по легендам, в большинстве случаев это не имеет значения, потому что результат рассказа любого этих трех жанров одинаковый: открывается возможность обсуждать разные понятия о вере и жизни, особенно, как пишет Дег, о болезненных местах нашего опыта.

Я приведу один пример этого подхода. Новый Орлеан называется самым густонаселенным духами городом в США, и рассказы о привидениях в почти каждом доме старого города часто распространяются. Один из сюжетов, который все еще активно развивается, рассказывает о Делфин Лалаури. Так звали французскую даму, которая изображается садисткой, мучившей своих рабов. В Новом Орлеане уже в 1830-х гг. ходили слухи, что она однажды сбросила кнутом афроамериканского ребенка с крыши дома. По газетам этого времени мы знаем, что в 1834-м г. у нее в особняке был пожар. Говорят, что раб в цепях на кухне его поджег, чтобы избежать пытки Делфин. Полицейские обнаружили

комнату на третьем этаже дома, где она мучила многих своих рабов и где были обнаружены лежащими пострадавшие с ужасными ранами. Собралась группа разъяренных местных. Они вбежали в особняк, разрушили все внутри в поиске Делфин, чтобы ее наказать, но не нашли ее. Кажется, она убежала в Париж, где и умерла в 1869-м г. С тех пор люди видят привидения в ее бывшем доме. Самый популярный вариант, что призрак девочки появляется каждую ночь на крыше и прыгает с нее. Дом стал школой и еще жилым домом для итальянских иммигрантов. Все жители рассказывали о том, как они видели привидения в цепях, бродящие по лестницам. Дом долго стоял пустым и заброшенным, а теперь является музеем, там можно проводить экскурсии, искать призраки.

Напоминаю, что, с точки зрения Л. Дег, легенда позволяет вести дискуссию о спорных вопросах, поэтому этот жанр сам является процессом для конструирования веры. В этом рассказе, на мой взгляд, первый спорный вопрос – о жизни после смерти. В таких случаях считается, что человек, не умиривший своей смертью, становится беспокойным мертвецом. Но по догме христианства так не должно быть. Душа невинно умершего должна перейти на тот свет, жить у бога в раю. Поэтому в первую очередь такой рассказ рассматривает некоторые из самых важных вопросов о вере: существуют ли призраки? Если существуют, то как людям согласовать такое явление и христианскую веру? Мы видим здесь конфликт двух разных систем – народного верования и христианства. Дег предполагает, что решение этого конфликта происходит не в процессе рассказывания текста, а после того – когда люди спорят о значении, т. е. когда начинается процесс легенды. Значение текста и последующее обсуждение его позволяют конструировать систему веры, совпадающую с христианством (рассказчик не верит в рассказ, потому что этот рассказ противоречит догме), или наоборот, конфликтует с ним и народные понятия ему более близки. Возможно, возникает смесь обеих систем, и человек ищет обоснование представлению о призраке на основе библейских текстов, например.

Тем не менее вопрос догмы не самый важный в этом рассказе. Без сомнения, сущностью таких текстов является вопрос о моральности рабства [de Caro, 2015, p. 38]. Это грех американской истории, с которым мы все еще не справились. Такие рассказы Л. Дег бы считала именно попыткой оправдаться. Когда белые жители Нового Орлеана передают этот рассказ, они подчеркивают тот факт, что коренные жители возмущались мучением рабов. В то же самое время они до некоторой степени извиняют себя за грехи прошлого, т.е. передают смысл, что у них были добрые, совестливые люди в городе, даже во время рабства. Но они тем не менее вспоминают ту вину, им приходится признавать, что они сами и сам город существовали и даже процветали в результате этой жестокой системы.

Но если другой человек рассказывает легенду, представления могут быть иными. Например, у afroамериканских жителей может быть совсем другое отношение к сюжету, они рассказывают не о совестливых коренных жителях, которые хотели отомстить Делфин. Они описывают, как люди страдали, рассматривают привидения как знак неравенства в американской среде. Доказательство царящей в то время несправедливости, по их мнению, заключается в том, что Делфин от этого ужаса сама не страдала. Наоборот, она еще 30 лет жила в Париже, и ее даже похоронили в родном городе. Она спокойно лежит в могиле, пока ее жертвы, такие же, как и сами рассказчики, все еще мучаются в виде привидений, страдают из-за поведения злой белой женщины (или белых в целом).

Таким образом, легенда (согласно общему смыслу, который придает этому слову Л. Дег; при этом сам текст может быть классифицирован как быличка, бывальщина или легенда) является не текстом, а процессом. Первый этап этого процесса – текст представляет сложную ситуацию, касающуюся общественных нравов (например, в последнем случае – о вере, жизни после смерти, равенстве). Второй этап процесса – легенда приводит к конструированию веры (или слияния разных понятий веры) на ее основе. Может быть, уже существующая вера утверждается, может быть, излагаются новые идеи, с которыми человек должен справиться, чтобы разные системы веры слились, или, может быть, процесс легенды совсем изменит веру. Но независимо от результата сюжет легенды рождает в человеке сомнение: истинна ли моя вера или же мои представления о мире не совсем верны? Окончательно процесс легенды также приводит к *ostension*, т. е. влияет на поведение человека. Человек, например, может отправиться в место, о котором повествуется в легенде (т. е. будет участвовать в так называемом *legend trip*), искать подтверждение своей веры; может быть, он, услышав подобный рассказ, делает вывод, что, поскольку другие такие рассказы существуют, нельзя утверждать ложность описываемых событий. Но очевидно, что, даже если рассказы считаются неверными, люди изменяют поведение на их основе, чтобы подстраховаться (а если вдруг правда?). Поэтому, как утверждает Л. Дег, жанр самого текста – не самое важное для фольклористов; гораздо важнее для понимания легенды влияние последующего процесса на поведение и веру слушателей.

Список литературы

- Brunvand J. H. *The Encyclopedia of Urban Legends*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2014.
- de Caro F. *The Lalaurie Haunted House, Ghosts and Slavery: New Orleans, Louisiana*. In: *Putting the Supernatural in its Place: Folklore, The Hypermodern, and the Ethereal*. Salt Lake City, UT: University of Utah Press, 2015, pp. 24–48.
- Dégh L. *Legend and Belief*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2001.
- Dégh L., Vásonyi A. Does the Word ‘Dog’ Bite? Ostensive Action: A Means of Legend Telling. *Journal of Folklore Research*, 1983, no. 20 (iss.1), pp. 5–34.
- Tucker E. *Haunted Halls: Ghostlore of American College Campuses*. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2007.

J. Rouhier-Willoughby

University of Kentucky, Lexington, United States of America (USA);
j.rouhier@uky.edu

Conceptions of Non-tale Prose Genres in American Folkloristics

This article provides an overview of non-tale prose, with an emphasis on legend, memorate and fabulate, in American and Western European folkloristics. It addresses the complexity of defining these genres in general and how that fact has complicated their study in the scholarly tradition. It traces the development of approaches to non-tale prose from the 1960s on and examines how North American and European specialists have approached it. The approach to legend shifted considerably when the Hungarian scholars Linda Dégh and Andrew Vásonyi immigrated to the United States and began researching legend in the American context. They argue that legend is not primarily a textual genre, but a process designed to foster debate about belief, the nature of reality, and contentious social issues. They were the first to study the important role of ostension in these narratives, e.g., how legend (and its subgenres) promotes taking action among listeners. Legend prompts people to take ostensive actions of various kinds, from engaging in the so-called “legend trip” as well as protective measures to guard against dangers described in legends, even when the legends are not believed by the tellers. That is, many today dismiss the stories as “urban legends” or “urban myths,” to indicate their status as untrue. Nevertheless, they behave differently as a result of the stories. Therefore, non-tale prose (broadly described as legend in Western Europe and North America) not only provides the context for an exploration of belief, but fosters the creation of reality and how people understand it. While the process of legendry is intimately connected to narratives, this process cannot be divorced from the text if one is to have a complete understanding of the genres, their content, and social functions.

The article provides an example from Frank de Caro’s analysis of a popular New Orleans legend to illustrate this approach. The social history and relationships revealed by this supernatural legend are more than just a debate about ghosts and their existence, although that plays a part in the popularity of the legend. Rather, the legend provides an opportunity, in the New Orleans’ context, to debate about the legacy of slavery and inequality in the city. As a result, this narrative opens the door to discussion of a sensitive topic from various perspectives, and teller chooses which aspect of the story to emphasize to communicate their opinions on this shameful period in US history.

Keywords: North American and Western European folkloristics, contemporary approaches, conceptions of non-tale prose.

References

- Brunvand J.H. *The Encyclopedia of Urban Legends*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2014.
- de Caro F. *The Lalaurie Haunted House, Ghosts and Slavery: New Orleans, Louisiana*. In: *Putting the Supernatural in its Place: Folklore, The Hypermodern, and the Ethereal*. Salt Lake City, UT: University of Utah Press, 2015, pp. 24–48.
- Dégh L. *Legend and Belief*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2001.
- Dégh L., Vásonyi A. Does the Word ‘Dog’ Bite? Ostensive Action: A Means of Legend Telling. *Journal of Folklore Research*, 1983, no. 20 (iss.1), pp. 5–34.
- Tucker E. *Haunted Halls: Ghostlore of American College Campuses*. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2007.

УДК 398.224 (=152.153)
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-101-106

В. В. Миндибекова

Институт филологии СО РАН

Особенности исторического предания об Ир Тохчине в сказочной прозе хакасов

Историческое предание об Ир Тохчине рассматривается как один из важнейших источников для изучения материальной и духовной культуры народа. Варианты предания получили широкое бытование среди хакасов и представляют художественную и историческую ценность. В ходе работы рассматриваются реальные события, затронувшие жизни людей, и герои, сыгравшие значимую роль в жизни народа. На основе архивных и опубликованных материалов изучаются распространенность сюжета, степень вариативности. Они созвучны историческим событиям прошлого хакасов. В исторических преданиях описывается традиционный уклад быта и социальных отношений. В качестве критериев разграничения жанров хакасской сказочной прозы выступают степень историзма, наличие конкретных персонажей (исторические личности и т.д.). Предание рассматривается на материале опубликованных текстов.

Ключевые слова: сказочная проза хакасов, предания, сюжеты, Ир Тохчин.

Сказочная проза является одной из объемных и содержательных составляющих фольклорного наследия, ориентированных на отражение реальных событий в жизни этноса. Важной частью сказочной прозы являются исторические предания (*полган нимедеңер кип-чоохтар*). В них повествуется о прославившихся в прошлом личностях и описываются отдельные имевшие место в жизни этноса события. Эти предания имеют общую установку на достоверность описываемых событий. Факты произошедших событий подтверждаются ссылками на старых людей, общеизвестность, указания на различные реалии и т.д., что должно демонстрировать подлинность описываемого события. То, о чем рассказывается в преданиях, для рассказчика и слушателя является правдивым и сопровождается словами *сын* 'правда', *андаг полган* 'так было'. В этих произведениях описываются конкретные места и известные участники событий, упоминание о которых усиливает достоверность сказываемого.

В сказочной прозе хакасов распространены предания о Ханза-пиге – *Хаңза-пиге*, Очен-пиге – *Өчең-пиге*, Ир Тохчине, Амыр Сарыге – *Амыр Сарыҕе*, Тасха Матыре и многих других персонажах. Среди них Ир Тохчин является одним из прославленных и почитаемых среди народа героев. Предания об Ир Тохчине повествуют о временах монгольского нашествия на хакасскую землю. Основным конфликтом предания становится борьба Ир Тохчына против Моол-хана. Сюжетно-тематический состав преданий об Ир Тохчине включает повествования о противостоянии врагам, об угоне людей Моол-ханом, об их освобождении Ир Тохчином из плена, об объединении народа.

Миндибекова Валентина Виссарионовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, к. 205, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: mindibekova@ngs.ru; тел.: 8-(383)-330-14-52.

В собирание и изучение хакасских преданий весомый вклад внесли такие хакасские ученые, как М.И. Боргояков, В.Я. Бутанаев, К.М. Патачаков. Исторические предания были использованы хакасским этнографом К.М. Патачаковым для рассмотрения вопросов происхождения родов и племенных групп хакасов в его книге «Родовой состав и народные предания о происхождении бельтиров» [1959]. К фольклорным материалам неоднократно обращался тюрколог М.И. Боргояков. Он проследил историю отдельных хакасских родов с привлечением исторических преданий в статье «Вопросы этногенеза хакасов XVII–XVIII вв. и исторические предания» [Боргояков, 1974]. Ценные материалы по историческому фольклору хакасов содержатся в трудах В.Я. Бутанаева. В основе исследований лежит собранный им огромный полевой материал по духовной и материальной культуре, этнической истории хакасов, этнонимике, топонимике и др. Большое научное и практическое значение имеет подготовленный В.Я. Бутанаевым «Хакасско-русский историко-этнографический словарь» [1999]. Предания и легенды хакасов были проанализированы в работах «Исторический фольклор хакасов» [Бутанаев, Бутанаева, 2001], «Мир хонгорского (хакасского фольклора)» [Бутанаев, Бутанаева, 2008], где впервые авторами систематизированы данные по историческому фольклору хакасов. Труды ученых внесли огромный вклад в собирание преданий и определение его жанрового состава.

Источниками для нашего исследования послужили опубликованные тексты преданий, записанные В.В. Радловым (Friedrich Wilhelm Radloff, 1837–1918). Этот выдающийся ученый, лингвист и тюрколог стал родоначальником новой эпохи в развитии отечественной и мировой тюркологии. Его научные изыскания приходятся на вторую половину XIX в. В 1859–1871 гг. он изучал тюркские языки Алтая. После себя Радлов оставил богатое наследие в виде книг и экспедиционных материалов. Фольклорное наследие тюркских народов опубликовано в его классическом труде «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи» (1868). Всего В.В. Радловым было издано десять томов «Образцов...» (СПб., 1866–1907). Записи по хакасскому фольклору сделаны в ходе поездки по Хакасии в 1863 г. и вошли в IX том «Образцов народной литературы тюркских племен» [1907а, 1907б]. Тексты даны с переводом на русский язык в дореволюционной орфографии. Фольклорные записи приводятся на хакасском языке. При этом соблюдены особенности диалектов и говоров качинцев, сагайцев, кызыльцев и др.¹

Для нас очень важны работы выдающегося тюрколога, первого хакасского ученого Н.Ф. Катанова (1862–1922) (хак. *Пора Хызыл оолгы*). В конце XIX в. ему удалось записать образцы почти всех фольклорных жанров на хакасском языке. Благодаря переводам Н.Ф. Катанова на русский язык эти тексты стали широко известными.

С 1889 по 1892 г. ученому удалось собрать огромный лингвистический, этнографический и фольклорный материал. Что же касается текстов преданий, то они были записаны со слов сагайцев, качинцев и бельтиров Минусинского округа еще раньше, в 1878 г.

В «Образцах...» [1907б] имеются несколько записей о Ханза-пиге, представляющие собой первые опубликованные записи преданий в переводе на русский язык: «Предание о богатыре Ханза-пиге» [Там же, с. 279–280], «Предание о богатыре Ханза-пиг и 2 его братьях» [Там же, с. 337], «Предание о богатыре Ханза-пиг» [Там же, с. 364–365], «Предание о богатыре Ханза-пиг» [Там же, с. 368], «Предание о богатыре Ханза-пиг» [Там же, с. 413–414], «Предание о богатыре Ханза-пиг» [Там же, с. 453], «Рассказ о портрете Ханза-пиг» [Там же, с. 453]. Также об Очен-пиге записаны тексты на сагайском и кызыльском диалектах: «Сказка о начальнике Очен-пиге» [Там же, с. 454], «Предание об Очен-пиге» [Там же, с. 473].

В эти же годы была записана «Сказка о богатыре Ир Тохсыне» [Там же, с. 265–270]. Рассмотрим этот текст, опубликованный в «Образцах...» [1907б, с. 269]. В начале говорится о брате и сестре, росших без своих родителей. Жили они в юрте. Летом сестра кормила брата ягодами, а зимой – чем придется. Затем мальчик вырос и достиг возраста стрельбы из лука. Сестра, отрезав одну из своих косичек, сделала младшему брату тетиву для лука. Мальчик начал охотиться, стал стрелять птичек и зайцев. Затем он попросил себе коня. Сестра просила брата не уходить далеко от дома, но брат не слушался. Однажды, поднявшись на вершину горы-*тасхыл*, он увидел новые земли, белый дворец и коновязь. Мальчик заметил девушку, которая шла за водой к берегу моря. Влюбившись в нее, мальчик пошел свататься к той красивой девушке. Когда он пришел в дом своей невесты, его начали уго-

¹ Названия диалектных групп хакасов остаются традиционными с дореволюционного времени: *сагайлар* ‘сагайцы’, *хаастар* (*хааштар*) ‘качинцы’, *шорлар* ‘шорцы’ (проживающие на территории Республики Хакасия), *кызыллар* ‘кызыльцы’. В статье используются следующие сокращения названий диалектов хакасского языка: кач. – качинский, кыз. – кызыльский, саг. – сагайский, шор. – шорский.

щать. После того как она накормила его мясом, он превратился в серого волка. Так, вместе с другими волками он начал истреблять скот хана, старшего брата этой девушки. Хан превратил свою сестру в волчицу. У них родились девять волчат, один из них – белолобый. Волки, придя в земли Моол-хана, стали уничтожать его скот.

Тогда Моол-хан послал свою дочь к Ир Тохчыну. Та попросила у него резвого вороного коня, чтобы догнать и убить волков. После уговоров Ир Тохчын дал коня девушке. Сын Моол-хана верхом на этом коне не смог застрелить волков. Когда средний вороной конь убежал от Моол-хана, по дороге волки поймали и съели его. Ир Тохчын увидел сон о том, что случилось, сел на старшего вороного коня, поехал на охоту за волками, убил восемь волков. За девятым, белолобым волком, гнался по разным местностям, давая им имена.

Следующая сюжетная линия носит топонимический характер. Идет сцепление другого сюжета. Из него можно получить информацию об истории возникновения отдельных местностей. Приведем пример: «Добежав до р. Камышты, он схватился за стрелу. Хватаясь за колчан, он вытащил стрелу; хватаясь за ящик, он вытащил лук. Наложив стрелу на тетиву, он натянул и выстрелил, но стрела пролетела под самой печенью волка. Тогда он сказал: “Да будет это Камышта!” Отсюда он доскакал до р. Сыра. На Сыра он еще раз выстрелил, но стрела пролетела над спиной волка (*сырты*). Тогда он сказал: “Да будет это – Сыры!” Далее он отправился на р. Базу. Он там выстрелил мимо головы волка (*нас*) и сказал: “Да будет здесь База!” Далее он поехал на р. Аскыс. На Аскысе он выстрелил через волка (*азыра*) и сказал: “Да будет это Аскыс!” Не найдя волка на Аскысе, он потерял его из виду. Поднявшись на одну скалу, он стал смотреть с нее. Посмотревши оттуда, он нашел зверя. “Да будет имя этой скалы Кара кая, так как черного волка я увидел (*харан*) отсюда!” – сказал он. Эта черная скала находится от устья Аскыса в 15 верстах, на правом берегу речки Аскыса. Отправившись оттуда, он снова погнался за зверем. Погнавшись, прибыл еще к одной речке. “Гнавшись за черным волком с белой полосой, я почувствовал лень (*еринчек*)”. Он назвал эту речку Есью. Отправившись дальше, он прибыл еще к одной речке. Перебредя эту речку, он сказал: “Я измучился!” Эту речку он назвал Тёя. Едет он дальше и гонится; гнавшись, он прибыл еще к одной речке, протекавшей по каменистой (*тастыг*) местности. Он назвал эту речку Таштып. Он погнался за зверем еще дальше. Погнавшись, он поехал вверх по Абакану. Снова пришла очередь стрелять. Догнавши, он прострелил зверю грудь. Пока он еще не успел заворотить своего коня и пока конь перепрыгивал через черного волка с белой полосой, волк разорвал вороному коню брюхо. Вороной конь тут же испустил дух.

“Догнавши черного волка с белой полосой, я застрелил его здесь! Он разорвал моему вороному коню брюхо! Да будет это Кан-тегир (царь-небо, кровавое небо)!” – сказал он. Оттуда он вернулся на свою землю» (перевод уточнен нами. – В. М.) [Образцы..., 19076, с. 269]. Ир Тохчын очень долго гнался за волком, преодолевая труднодоступные места. В конце он все же настигает и убивает волка. В награду Моол-хан отдает ему в жены свою дочь.

В том «Несказочная проза хакасов» включены три варианта предания об Ир Тохчине. Их записи хранятся в Рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Рукоп. ф. ХакНИИЯЛИ). Отобранные варианты текстов отражают всё жанровое и тематическое своеобразие хакасских *кип-чоохов*. Первый вариант записан на кызыльском диалекте в 1965 г. М.Т. Аёшиным от С.П. Кадышева в Ширинском районе Хакасской автономной области (Хакасская АО – прежнее название Республики Хакасия). Перевод был осуществлен Л.К. Ачитаевой [Несказочная проза хакасов, 2016, с. 288–289]. Второй вариант записан на качинском диалекте в 1960 г. И.Ф. Спириным от М.Н. Доброва в пос. Туим Ширинского района Хакасской АО. Перевод С.К. Кулумаевой [Там же, с. 290–291]. Год записи третьего варианта неизвестен, он был записан Тодышевым (инициалы отсутствуют) на шорском диалекте от Е.П. Миягашева. Перевод выполнен С.К. Кулумаевой [Там же, с. 300–301]. Каждый из представленных вариантов имеет свои особенности в сюжетно-тематическом составе, в системе персонажей и в поэтико-стилевых приемах. Диалектные особенности отражены в примечаниях и комментариях к тому.

Варианты преданий об Ир Тохчине повествуют о временах монгольского нашествия на хакасскую землю. Основным конфликтом предания становится борьба Ир Тохчына против Моол-хана. Ир Тохчын описан настоящим *альтом*. О его богатырском внешнем облике говорится не так много: «В старину под горой Куня Ир-Тохчын жил, оказывается. Он был двенадцати аршин ростом, шириной [плеч] в три аршина был – *Иргиде Күн тагның алтында Ир Тохчын чуртаан полтыр. Аның пöзиш он iki аршин, чоны үс аршин полтыр*» [Там же, с. 290–291].

У Ир Тохчына были самые сильные и выносливые кони *аргамаки* (*аргамах*). Поэтому Моол-хан отправляет к нему своих людей просить коня, чтобы догнать волков, истребляющих скот. В текстах встречаются упоминания о старшем, среднем и младшем вороных конях. Так, чтобы удержать

младшего вороного коня, запертого у Моол-хана, требовалось очень много усилий: Пример: «Младшего вороного коня, тремя печатями запечатав, в девятиаршинный железный сарай загнав, на него сорок пудов песка взвалив, железными путами спутав, на рот намордник надел, чтобы [конь] не ржал – *Kičig хара атты үс ничетнеп, тогыс арсин тимір хазаага киріп, үстүне хырых пуд хум артып, тимір кізеннең тузап, кістебезін тіп, ахсын пурғустан салган*» [Несказочная проза хакасов, с. 294–295]. Причем богатырскими были только средний и младший кони: Приведем пример: «Младший вороной конь, средний вороной конь, богатырские кони его погибли. Старший вороной конь не был богатырским конём – *Очы хара ады, ортын хара ады, алып полган ады өлген. Улуг хара ады алып ат нимес*» [Там же, с. 306–307]. Они погибают от волков. Среднего вороного коня поймали по пути домой, когда он убежал от Моол-хана. Младший конь погибает от белолобого волка, разорвавшего его брюхо. Возможно, коней Ир Тохчына настигло проклятье Паян-хыс: «Пусть у тебя не будет потомков, а если есть, пусть их жизнь будет короткой! – *Төлің чох ползын, пар даа полза, чурты хысха ползын!*» [Там же, с. 288–289].

Ир Тохчын является одним из почитаемых и уважаемых в народе героев, в его образе проявляется идеализация «доброего» хана. Также встречаются упоминания о том, что он был прекрасным сказителем – *хайджи*, умел играть на музыкальном инструменте – *чатхане*.

Ир Тохчын показан ханом-охотником. В сюжете, где Ир Тохчын гонится за могучим черным белолобым волком, прослеживается тесная связь с топонимическими текстами о происхождении названий мест. Каждый свой выстрел герой предания сопровождает словами, дающими название местности. Приведем пример: «Ир-Тохсын, видя это, [за ними] погнался. Горный Алтай не дав перевалить, восемь белых волков, восьмерых стреляет, дальше за белолобым чёрным волком погнался. Долго ли гнался, недолго ли гнался, гонится. Землю семь раз обогнув, гонится, не может догнать. Когда до [реки] Камышта добрался, на выстрел приблизился. Колчан схватив, стрелу вынул, колчан схватив, лук вынул. Тетиву натянув, выстрелил, в подбрюшье [волку] выстрелил. “Пусть Камышта будет”, – сказал – *Ир Тохсын, аны көріп, ам киліп, сүр сыхчых. Алтай сынны азырбачых, сигіс хуу пүүрді сигізінең атчых, аннаң аңдар хасха хара пүүрді сүр сыхчых. Ұр сүрген, ас сүрген, сүрүп парча. Чир үстүнде читі крести сүр пари, чит полбин пари. Өөкке читкенде, ох синіне чидісчк аттарга. Хурлугун харбап, ох суурган, саадах харбап, чаа суурган. Кіріскее салган, тартып киліп атхан, алтына өөгін сүре атхан: “Өөк ползын”, – тіп чоохтаан*» [Там же, 2016, с. 302–305].

В данном тексте представлены примеры народной этимологии топонимов Аскизского, Усть-Абаканского, Таштыпского и Ширинского районов Хакасии. Например: «Оттуда до реки Аскиз доехал. Через Аскиз выстрелил: “Пусть Аскиз будет”, – так назвал. В Аскизе этого белолобого черного волка потерял – *Ол парганнаң Асхыс суға партыр. Ол Асхысты азыра атыптыр: “Асхыс ползын”, – тіп адаптыр. Асхыстың істінде, ол хасха хара пүүрді таппин чідірібістір*» [Там же, с. 305]. Достоверность сюжета подкрепляется своеобразными доказательствами в виде названий скал (Харахая), гор (Сундуки), сохранившихся до наших дней. Очень много упоминаний о реках (Абакан, Аскиз, Белый Июс, Биря, Енисей, Сыр, Туим и др.) и озёрах (Иткуль, Хараколь). Названия рек наделены своей семантикой. Например, *Өөк суғ* ‘река Камышта’: хакасское название реки сближается со звучанием слова *өгінең* ‘с загровка’. Приведем пример: «– *Өгіңнің түгін сойа аттырған чир Өөк суғ адалзын! – тіп ирткен* ‘– Место, где я с загровка клок шерсти тебе отстрелил, пусть рекой Камышта называется! – говоря, промчался’» [Там же, с. 298–299]. Как видим в приведенном отрывке, историческое предание содержит топонимический мотив.

Конечно, исторические и топонимические предания трудно разграничить. В хакасском фольклоре множество топонимических преданий, но они очень короткие по сюжету и небольшие по объёму. А исторические предания отличаются большим объёмом. Эта проблема была рассмотрена в работах Н.А. Криничной. По ее мнению, «предание, в котором топонимический мотив играет сюжетобразующую роль, не утрачивает историзма; а наоборот, предание, в котором стержневым является исторический мотив, не исключает наличия в его структуре топонимического» [Криничная, 1987, с. 70].

Таким образом, исторические предания позволяют передать из поколения в поколение и сохранить память о наиболее важных событиях в жизни народа. Исторические предания легко включают в свою структуру топонимические предания, которые еще более усиливают достоверность повествуемого. По своей сохранности во времени топонимические предания отличаются устойчивостью, и чем сохраннее их художественная сторона, тем стабильнее сюжет топонимических преданий. Включение их в исторические предания усиливает достоверность последних, закрепляя их в исторической памяти народа. Несказочная проза имеет огромное значение в системе фольклорных

жанров хакасов. Системное изучение и публикация текстов несказочной прозы позволяет ввести в научный оборот новые источники для изучения духовной жизни народа.

Список литературы

Боргояков М.И. Вопросы этногенеза хакасов XVII–XVIII вв. и исторические предания // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1974. № 5. Вып. XIX. С. 122.

Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 1999. 238 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Исторический фольклор хакасов. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 2001. 148 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 2008. 376 с.

Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 225 с.

Несказочная проза хакасов / Сост. В.В. Миндибекова, Г.Б. Сыченко. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с.; ил., ноты + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34).

Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. СПб.: Изд-во АН СССР, 1907а. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым: Тексты. 668 с.

Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. СПб.: Изд-во АН СССР, 1907б. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым: Переводы. 659 с.

Патачаков К.М. Родовой состав и народные предания о происхождении бельтыров // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1959. Вып. 7. С. 127–134.

V. V. Mindibekova

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
mindibekova@ngs.ru

Features of the historical tale about Ir Tokhchin in Khakass non-fairytale prose

The article discusses Khakas historical texts (*polgan kip-chookhtar*) about *Ir Tokhchin*. One particularly valuable feature of this text is that it contains variants in all four Khakas dialects: Sagai, Kachin, Kyzyl and Shor. Non-fairytale prose is one of the most substantial components of the Khakas folk heritage. This paper discusses the genre features of Khakas non-fairytale prose that have been little studied until recently. Non-fairytale prose are one of the most important sources for studying the material and spiritual culture of an ethnos. Based on archival materials, an attempt is made at making a genre differentiation of non-fairytale prose.

Historical tales form the largest and most content-rich aspect of the Khakas folklore tradition. An important place among them is occupied by a cycle that includes stories about famous persons, about the struggle of the tribes that developed historically into the modern Khakas nation. They tell of famous past heroes and describe various incidents that took place in the nation's history. Particularly widespread are tales about *Ir Tokhchin*.

The types of story lines of Khakas historical tales include narratives about the nation's resistance to aggressors, the destruction of encampments by enemies, enslavement and flight from captivity, and the people's renewed unification around courageous leaders. Some conclude with a description of how fighters perished in fierce battles; others tell of how victory over the enemy was achieved. Sometimes, even the most diverse story lines share motifs of heroic competitions. They provide a broad picture of the everyday life and social relations. The creation of historical tales from the point of view of their development was originally connected with the depiction of actual events and people. They clearly reflect the actual historical and geographic entities. Among them we find a cycle including stories about the struggle of the tribes against their oppressors: Mongols and Jungars. They mention specific enemies who bear the name of 'Mool'.

The article on folklore explains the place these tales occupy in the ethnic traditions of the Khakas people, the specifics of different genres, poetic values, and also ethnographic and historical information about the Khakas, their language, dialects, writing system, and the history of collecting and studying the Khakas folklore.

Keywords: non-fairytale prose of Khakas, historical tales, plots, Ir Tokhchin.

References

Borgoyakov M.I. Voprosy etnogeneza khakasov XVII–XVIII vv. i istoricheskie predaniya [The problem of the ethnogenesis of Khakasses of the XVII – XVIII centuries and historical legends]. *Uchenye zapiski Khakasskogo NIIYaLI* [Procs. Khakassky NIIYaLI]. Abakan, 1974, no. 5, iss. XIX, p. 122.

Butanaev V.Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan, Izd-vo Khak. gos. un-ta, 1999. 238 p.

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. *Istoricheskiy fol'klor khakasov* [Historical folklore of Khakasses]. Abakan, Izd-vo Khak. gos. un-ta, 2001. 148 p.

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. *Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora* [The world of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan, Izd-vo Khak. gos. un-ta, 2008. 376 p.

Krinichnaya N.A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: Voprosy genezisa i struktury* [Russian Folk Historical Prose: Issues of Genesis and Structure]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 225 p.

Neskazochnaya proza khakasov [The non-fairy tale prose of Khakasses]. Ed. V.V. Mindibekova, G.B. Sychenko. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 34). 540 p.

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. Saint-Petersburg, 1907a, vol. 9: Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov [Dialects of Uryankhaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses]. Texts collected and translated by N.F. Katanov: Texts. 668 p.

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. Saint-Petersburg, 1907a, vol. 9: Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov [Dialects of Uryankhaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses]. Texts collected and translated by N.F. Katanov: Translations. 659 p.

Patachakov K.M. Rodovoy sostav i narodnye predaniya o proiskhozhdenii bel'tyrov [Genealogy and folk legends about the origin of the Beltyrs]. *Uchenye zapiski Khakasskogo NIIYaLI* [Procs. Khakassky NIIYaLI]. Abakan, 1959, iss. 7, pp. 127–134.

ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

УДК [398.23+781.1/.21/.7+783.659](=512.151)

DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-107-117

Г. Б. Сыченко

Международный совет по традиционной музыке, Рим (Италия)

Шаманское призывание Кана-Суйлы: к проблеме работы с ранними источниками¹

Статья посвящена проблеме анализа ранних источников по традиционной музыке. На примере образца шаманского призывания, записанного А.В. Анохиным в 1910 г. в Горном Алтае, демонстрируются методы работы с его вербальным и музыкальным параметрами. Так, выполняются сравнительно-текстологический анализ звучащей и письменной версий, музыковедческий анализ нотированного автором текста (общая и музыкальная композиция, стиховая, слогоритмическая и ладоинтонационная организация). Вся доступная информация, касающаяся данного образца (опубликованные данные, материалы рукописного и звуковых архивов), проанализирована и сведена к непротиворечивой версии. На основе проведенного анализа сделаны выводы о типе шаманского текста, его этнической атрибуции и месте в шаманском наследии тюркских народов Саяно-Алтая. Высказывается гипотеза о методах работы одного из первых сибирских этномузыковедов.

Ключевые слова: шаманизм, фольклор, музыка, Сибирь, Анохин, архивные источники, ранние фонозаписи, тюркские народы, алтайцы, алтай-кижи, тубалары.

Ранние источники для изучения народной музыки имеют огромную ценность. Особое место принадлежит ранним фонозаписям, сделанным в тот момент, когда традиционные культуры только начали подвергаться значительным трансформациям, происходившим в течение XX и XXI вв. Сравнение подобных материалов с более поздними, в том числе современными аудиозаписями позволяет исследовать типологические свойства фольклорных традиций. В силу плохого технического состояния записей работа с ними затруднена и требует специальных методов, а их введение в научный оборот становится отдельной научной проблемой.

Среди копий фоноваликов коллекции А.В. Анохина, хранящихся в архиве Института алтаистики им. С.С. Суразакова (ИА), имеется одна фонозапись, сделанная от шамана по имени Баланди. Это образец под № 139/2275, который находится на пленке с индексом А-9. На коробке черными чернилами помечено: «№ 9 1910 г. (от 125 до 141)». По всей вероятности, эта пометка сделана лицом, проводившим копирование материалов, так как приводится нумерация институтских копий. На этой же коробке синими чернилами сделана пометка «ск. (скорость. – Г. С.) 19». Простым карандашом добавле-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Типология обрядового фольклора алтайцев: слово, музыка, действие» (руководитель проекта Н.Р. Ойноктинова, грант РФФИ 17-04-00314а).

Сыченко Галина Борисовна – кандидат искусствоведения, доцент, вице-председатель Международной исследовательской группы по изучению музыки тюркоязычных народов при Международном совете по традиционной музыке (International Council for Traditional Music, ICTM).

Контактная информация: e-mail: sytchenko@mail.ru

но: «Радио переписано 24/VII-78 г.». Последняя запись, по-видимому, означает, что материалы переписывались для радио (предположительно, Горно-Алтайского).

В оцифрованной коллекции² данный образец числится под № 048. Очевидно, уже в то время пленки сохранились не в полном объеме, что объясняет расхождение в нумерации. На бумажном вкладыше в коробке с магнитной лентой содержится общая информация, совпадающая с данными на коробке: «Кассета IX. 1910 год». По поводу интересующего нас образца на вкладыше имеется запись черными чернилами: «139/2275. Вер. р. Чопош. Камлание камка Баланди». Эта же информация объявлена на ленте: «Сто тридцать девять. Верховья реки Чопош. Камлание. Камлает камка Баланди». Кроме того, на вкладыше есть пометка еще об одном образце: «v138/2274. Вер. реки Чопош. Камлание камка Баланди». Этот номер отмечен галочкой (v) как один из наиболее интересных, однако, к сожалению, на магнитной ленте его нет. По всей видимости, при копировании он был пропущен.

В Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинского дома, ИРЛИ) в коллекции А.В. Анохина³ имеются оба образца под номерами 2274 и 2275 соответственно. В инвентарной книге имя шамана не указано, но приводятся названия камланий: «Камлание (I<неразборч.> Сурен)» (№ 2274) и «Камлание. Суйла» (№ 2275), а также географическое название места записи: «Вершина Чапош». Других материалов с данной географической локализацией нет.

Таким образом, есть все основания полагать, что речь идет об одних и тех же материалах, которые были скопированы не полностью. Возможно, причиной было качество записи. При прослушивании фонограмм по поводу этого номера мною было отмечено: «Почти ничего не слышно, сильный технический шум».

Что касается исполнителя рассматриваемых шаманских призываний, то в горно-алтайских копиях содержится существенная неточность. Нет никаких сомнений в том, что под именем Баланди в материалах А.В. Анохина фигурирует не шаманка, а шаман (или *кам*). По всей вероятности, переписывающий материалы (мы предполагаем, что запись велась в студии Института русской литературы АН СССР) черпал информацию из сопроводительных записей к валикам и просто повторил неверно записанные или переписанные кем-то сведения.

Итак, в настоящий момент мы располагаем только одним образцом, записанным от этого шамана. На основе имеющихся данных можно заключить, что образец под № 2275 (ИРЛИ) / 139 (ИА) / 048 (цифровая копия) представляет собой записанное в 1910 г. А.В. Анохиным от *кама* Баланди призывание духа-помощника Суйла. Место записи – верховья небольшой реки Чопош⁴, правого притока Катуня в ее среднем течении. Эти данные находят подтверждение в опубликованном труде ученого [Анохин, 1924]. Основные сведения о шамане Баланди приводятся на с. 142–144; в книге есть и другие упоминания об этом шамане [Там же, с. 30]. Все эти данные находят соответствие в рукописях (полевых и чистовых записях) ученого, хранящихся в рукописном архиве Института антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (ф. 11, оп. 1, № 22, название папки «Мистерии кама Баланди»)⁵. И в книге, и в архивных материалах фигурирует только шаман Баланди, никаких сведений о шаманке с таким именем нет.

Сведения о духе-помощнике Суйла приводятся в монографии А.В. Анохина [1924, с. 13–14, 43, 73]. Здесь даются такие характеризующие его эпитеты: *ат каракту Кан-Суйла*⁶ ‘с конскими глазами Хан-Суйла’, *ат карактуу мөркүдүм* ‘с конскими глазами беркут мой’, *айи-күннүн кыркыны* ‘обритки⁷ месяца и солнца’ (с. 13), *эки тилдү кан-келе* ‘двуязычный кан-заика’ (с. 14). Однако не все встречающиеся материалы были записаны от *кама* Баланди. Приведенный на с. 94–98 текст, в котором упоминается Суйла, записан от шамана Мамый с р. Апшыйакту, текст на с. 132 принадлежит шаману Сюртешу с верховьев р. Эликманар. Таким образом, персонаж по имени Кан-Суйла являлся достаточно распространенным в правобережье среднего течения р. Катунь.

В рукописных материалах, относящихся к *каму* Баланди, имеются текст и перевод призывания данного духа:

² Оцифровка выполнялась Г.Б. Сыченко в г. Новосибирске в 2004–2005 гг. с имеющихся пленок.

³ Старый номер коллекции 54, новые – 63 и 64.

⁴ По сведениям из «Топонимического словаря Горного Алтая» О.Т. Молчановой, Чопош (Чепош) – это река, гора и населенный пункт в Шебалинском районе [Молчанова, 1979, с. 344]. В устье р. Чопош, на Чуйском тракте расположено одноименное село (Чепош).

⁵ Фотокопия данных материалов была получена и любезно предоставлена автору статьи Н.Р. Ойноткиной.

⁶ Национальные термины приводятся в современной орфографии.

⁷ Так у автора. Вероятно, обритки – это нечто сбритое или соскобленное. Скорее всего, речь идет о том, что Суйла является частью, эманацией божеств Луны и Солнца, то есть принадлежит к кругу, семье данных небожителей.

1	Ат каракту Кан-Суйла,	С конскими глазами Кан-Суйла,
2	Аиры тильдү Бий-кижи!	Двухъязычный Бий-кижи!
3	Ак барыгалды башкарып,	Руководя белой барылгой,
4	Алтын сыны кодрүлүп,	Возносясь золотым станом,
5	Алтын жаргын сурап,	Прося золотое решение,
6	Адар төскө конүгүп,	Пускаясь в путь к чистому Төсю,
7	Адам Суйла Бий-кижи!	Отец мой Суйла Бий-кижи!
8	Айрылбастан баш сурап,	От неотъемлемаго прося голову,
9	Астыкпастан тын түлеген.	От незаблудшаго жизнь выпросил ⁸ .

Примечательно, что и к переводу, и к тексту в рукописях есть пометки: «Начало на фонографе» (перевод: тетрадь 1, л. 59, авт. пагинация с. 10 фото 0414) и «15 Ав[густа] Записана на фонограф молитва “Кан-Суйла”» (текст на алт. языке тетрадь 3, л. 31, авт. пагинация с. 28 фото 0432). Отсюда явно следует, что именно призывание Суйла должно содержаться на одной из фонограмм.

Нотная и текстовая расшифровка старых фонограмм весьма затруднена из-за сильного технического шума и искажения звучания. При отсутствии записанного вербального текста разобрать слова иногда невозможно. Однако при его наличии можно попытаться отождествить какие-то отдельные слова и фразы. Мы сравнили имеющийся в записи текст с фонограммой и пришли к следующим выводам. Оказалось, что это действительно начало призывания духа-помощника Суйла. Его имя упоминается в первых двух строках и совпадает с начальными строками текста. Однако дальше начинаются расхождения. Достаточно упомянуть, что текст Анохина содержит 9 строк, тогда как в тексте, представленном на фонограмме, их 35: 30 текстовых (далее строки Т) и 5 строк-вокализаций на междометия (строки ВМ). Если отбросить строки ВМ, то вербально-текстовых строк оказывается более чем в 3 раза больше, чем в записанном тексте.

В приводимом ниже вербальном тексте полужирным шрифтом отмечены строки или части строк, которые удалось отождествить (приводятся также номера строк базового 9-строчного текста); строки, которые с большой долей вероятности удалось расшифровать и которые отсутствуют в базовом тексте, выделены полужирным шрифтом с курсивом; отдельные услышанные слова, не складывающиеся в смысловой текст, представлены обычным шрифтом. Угловыми скобками показаны фрагменты, которые невозможно расслышать из-за низкого уровня записи и зашумленности фонограммы.

Период	Мелодическая строфа	Строка	Текст на алтайском языке	Перевод
(1)		1		<i>Оой!</i>
	I	2	(1) Ат каракту Кан-Суйла(йи),	С конскими глазами Кан-Суйла,
		3	(2) Айры тильдү Бий-кижийим!	Двухъязычный Бий-кижи мой!
	II	4	<i>Ару Ульгень бу јер тенгере</i>	<i>У чистого Ульгенья в этой небесной земле</i>
		5	<i>Арватына учурдаган.</i>	<i>Все узнавайте.</i>
(2)		6		<i>Эй, да, оой!</i>
	III	7	<i>Кирбириктү <...></i>	<i>С красивыми ресницами ...</i>
		8	<...> ачындаган,	...
	IV	9	<i>Алтын кырлу ачылзуни,</i>	<i>С золотым хребтом ...,</i>
		10	<i>Аайлу кырду ада нарчан.</i>	<i>Подобный скале весь ты, отец.</i>
	V	11	(5) Алтын жаргын <...>	Золотое решение ...
		12	(7) Адам Суйла Бий-кижийим!	Отец мой Суйла Бий-кижи мой!
(3)		13		<i>Эй, да, оой!</i>
	VI	14	(8) Айрыл(ы)бастан ай кырлыва	От неотъемлемаго голову ...
		15	<...>	...
	VII	16	(9) Астыкпастан от адарга	От незаблудшего ...

⁸ Текст приводится по оригиналу, орфография источника сохранена.

	17	Айда парда тын түлеген.	... жизнь выпросил.
VIII	18	(5) Алтын жаргын <...>	Золотое решение ...
	19	(7) Адам Суйла Бий-кижийим!	Отец мой Суйла Бий-кижи мой!
IX	20	(3) Ак барыгалды башкынчады	Руководя белой барылгой,
	21	<...>	...
X	22	<i>Бисте, бисте</i> <...> <i>бу јер јерде</i>	<i>К нам, к нам в эту землю</i>
	23	Бир јанымны <...>	...
(4)	24		<i>Эй, да, оой!</i>
XI	25	Арыгванча <...>	...
	26	(5) Алтын жаргын <...>	Золотое решение ...
XII	27	(7) Адам Суйла Бий-кижийим!	Отец мой Суйла Бий-кижи мой!
	28	(5) Алтын жаргын <...>	Золотое решение ...
XIII	29	(3) Ак барылга да башкарлу]	Руководя белой барылгой,
	30	Агар чырга <...>	...
(5)	31		<i>Эй, да, оой!</i>
XIV	32	Агар <...>	...
	33	<...>	...
XV	34	<...>	...
	35	<...>	...

Как видим, почти все строки базового текста удалось полностью или частично расслышать на фонограмме. Не были отождествлены строка 4 *Алтын сыны көдрүлүн* 'Возносясь золотым станом' и строка 6 *Адар төскө конүгүн* 'Пускаясь в путь к чистому төсю'. Возможно, они были исполнены дальше, но не записаны, так как запись на фоновалик ограничена по времени. Тем не менее нет никаких сомнений в том, что это именно та фонозапись, о которой идет речь в рукописях А.В. Анохина.

Несовпадение двух текстов – звучащего и письменного – объясняется в первую очередь принятой до сих пор практикой редактирования ритуальных текстов. Ритуальный текст, шаманский в особенности, весьма специфичен. Он содержит множество повторов, вставных элементов (дополнительных слогов, частиц, возгласов, звукоподражаний и т.п.). Часто опускаются какие-то части фраз, некоторые строки быстро проговариваются (шаманская скороговорка) и т.д. Расшифрованный с фонограммы шаманский текст часто производит впечатление бессвязного и даже алогичного. Большинство ученых, публиковавших шаманских тексты, прибегало к их редактированию. Опубликованные шаманские призывания чаще всего обработаны, приведены к логичному и читаемому виду, иногда – это надиктованные в необрядовой ситуации произведения шаманского репертуара. Однако «в полном смысле шаманским текстом может считаться только текст, транслируемый во время ритуала. При анализе всегда следует проводить различие между (1) текстами, помещенными в источниках без четкого указания на их происхождение, (2) текстами, исполненными и записанными вне обряда, и (3) текстами, записанными во время реальных обрядов» [Сыченко, 2012, с. 68]. Наш аудиообразец, по всей видимости, принадлежит ко второму типу, поскольку пользоваться фонографом во время совершения обряда вряд ли было возможно. Показательно также отсутствие на фонограмме какого бы то ни было инструментального сопровождения. Базовый текст, скорее всего, «извлечен» из звучания, обработан и приведен к компактному непротиворечивому виду. Это косвенно доказывается тем, что в звучащем тексте имеются повторы (см. строки 11–12, 18–20, 26–29), которые при реконструкции базового текста, по-видимому, убрались.

Можно предположить, что А.В. Анохин работал следующим образом. Сначала по его просьбе *камом* Баланди было пропето призывание Кана-Суйлы, которое было записано на валик. Однако вряд ли ученый имел возможность делать расшифровку с фонозаписи, поскольку, как известно, количество воспроизведений воскового валика ограничено. Скорее всего, затем в ходе работы с информантом и был записан базовый текст, содержащий основные смысловые строки призывания.

Техническое состояние фонограммы позволило сделать полную нотную расшифровку рассматриваемого образца (см. Приложение к статье) и проанализировать его музыкальные особенности. Так, композиция призывания складывается из пяти периодов неравной длины, устроенных однотипно (в приведенной ниже схеме периоды показаны арабскими цифрами в скобках). Каждый из них начинается строкой-вокализацией. Первая строка отличается от остальных четырех, в которых используется стандартная формула «Эй, да, оой!». После строк VM следует от четырех до десяти строк T, объединенных в двустрочные мелострофы (последние показаны римскими цифрами). Период, таким образом, включает

строку ВМ и от двух до пяти мелостроф, а общая композиция образца может быть выражена следующим образом:

(1) ВМ I II (2) ВМ III IV V (3) ВМ VI VII VIII IX X (4) ВМ XI XII XIII (5) ВМ XIV XV.

Каждая из строк мелострофы распадается на два сегмента, преимущественно 4-слоговых (увеличенные 5- и 6-слоговые сегменты встречаются только в начальной позиции мелострофы). По мелодическому строению первые три сегмента (а) идентичны, последний – четвертый (b) – отличается. Его завершающий характер наряду со вступительной строкой ВМ придает периоду черты тирадной структуры:

Музыкальная композиция	Стиховое строение	Слогоритмическая организация	Мелос
Вокализация			
Мелострофа 1	4+4+4+4		a a a b
Мелострофа 2	4+4+4+4		a a a b
Вокализация			
Мелострофа 3	4+4+4+4		a a a b
Мелострофа 4	4+4+4+4		a a a b
Мелострофа 5	4+4+4+4		a a a b
Вокализация			
Мелострофа 6	5+4+4+4		a a a b
Мелострофа 7	4+4+4+4		a a a b
Мелострофа 8	4+4+4+4		a a a b
Мелострофа 9	5+4+4+4		a a a b
Мелострофа 10	6+4+4+4		a a a b
Вокализация			
Мелострофа 11	4+4+4+4		a a a b
Мелострофа 12	4+4+4+4		a a a b
Мелострофа 13	4+4+4+4		a a a b
Вокализация			
Мелострофа 14	4+4+4+4		a a a b
Мелострофа 15	4+4+4+4		a a a b

Мелодические элементы **a** и **b** строк Т контрастны: первые оканчиваются верхней ступенью трихордного большетерцового звукоряда (G–a–h = 1–2–3), являющегося ладовой основой данного образца, вторые – первой ступенью, которая к тому же регулярно вдвое увеличена по времени. Общая ладоинтонационная формула образца представлена структурой **1 2 3 / 1 2 3 / 1 2 3 / 1 2 1**, формула финалисов – **3331**. Таким образом, в первых трех сегментах происходит накопление энергии, в последнем – разрешение. Трихордовая основа обогащается внутренним микроинтонационным развитием, включающим вводные тоны к первой и второй ступеням.

Строки ВМ отличаются более свободным метром, наличием выдержанных тонов, а также тетрахордным ладозвукорядом, возникающим в результате добавления к трихордной основе верхнего квартового тона (G–a–h–c = 1–2–3–4). Все строки этого типа кроме первой интонационно схожи: (1) **232** (2) **123431232** (3) **1234343432** (4) **123431232** (5) **1234321232**. Однако интонационный оборот **343** присутствует и в первой строке в виде восходящего мордента (см. рис. 1). Таким образом, первая строка ВМ представляет собой свернутую интонационную модель, которая раскрывается в последующих вокализациях. Строка ВМ, открывающая средний, наиболее продолжительный период, отличается многократным обыгрыванием верхней интонации **343**. Очевидно, верхняя зона в целом трактуется в данном образце как более неустойчивая, создающая напряжение.

Контраст строк Т и ВМ определяется оппозицией конечностроковых ступеней 1 и 2; внутри строк Т оппозиционными являются ступени 3 и 1; в строках ВМ противопоставляются ладоинтонационные ячейки 232 и 343. Пользуясь скромными ладовыми средствами, исполнитель создает по-своему совершенную ладовую форму.

Интересным вопросом является этническая атрибуция образца. Шаман Баланди, по данным А.В. Анохина, принадлежал в черневых туркам [Анохин, 1924, с. 142]. Вероятнее всего, в данном случае можно говорить о западной группе черневых туба, живущих рядом с алтай-кижи и постепенно смешивающихся с ними через браки. Именно в этой зоне шаманство было наиболее сильно и не уступало своих позиций бурханистскому движению центральных районов Горного Алтая. В числе *төсей* – шаманских предков – *кама* Баланди встречаются алтайские, тубаларские и даже тувинские⁹ имена, что отражает реальную ситуацию интенсивных контактов тюркоязычных групп региона.

Многими своими чертами рассматриваемый образец вписывается в общую картину музыкально-поэтического шаманского наследия тюркоязычных народов Южной Сибири. Четкая стиховая и слогоритмическая организация, членение текста на 4-слововые сегменты, сочетание строфического и тирадного композиционных принципов, дистихная мелострофа в качестве основы композиции, использование простейших звукорядов и очень умелое создание накопления и разрешения энергии – все эти черты отмечались нами при характеристике современных материалов, записанных от кумандинских, шорских, сагайских, тоджинских шаманов. Их обнаружение в наиболее ранних фонозаписях свидетельствует о типологическом и культурном единстве шаманского интонирования народов Саяно-Алтая.

Список литературы

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л.: Изд-во РАН, 1924. 152 с. (Сборник МАЭ при Рос. Академии наук. Т. IV. Ч. 2)

Молчанова А.Т. Топонимический словарь Горного Алтая / Ред. А.Т. Тыбыкова. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алт. кн. изд-ва, 1979. 400 с.

Сыченко Г.Б. Методологические проблемы изучения шаманских текстов тюркских народов Южной Сибири // Народная культура Сибири: Материалы XXI науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 67–71.

G. B. Sychenko

International Council for Traditional Music (ICTM), Rome, Italy

sytchenko@mail.ru

Shamanic invocation of Khan-Suyla: on the problem of analysis of early sound records

The article is devoted to the comparative analysis of two variants of the anecdote about smart faithless wife, recorded from the Khakas-Sagais and Tuvinians-Toju in 1996 and 1999 respectively. The first one was published recently in the volume “Khakas Folk Tales” in the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far East” (vol.33), the second one is being published in the present article. Both texts are expressed in the form of narrative with the singing episode. The analysis of motives shows that two texts are closed to each other and only vary in small details. The examining of the singing episodes represented by a genre of lullaby demonstrates that in each case they are close to the lyric song poetry of Sagay and Toju cultures. Moreover, they use poetical, verse, rhythmical, modal and melodic structures typical for the so-called “model tunes” of the related traditions. But all these features of the musical episodes demonstrate quite a number of details which distinguish them from the proper model tunes. On the other hand, in both cases one may find also traces of the lullaby genre, but expressed in a rather formal way. That stresses the fact that the performance of the lullaby in this narrative is aimed not to a child, but to a lover, being a message warning him about the husband’s presence. In conclusion, the author tries to explain how this story could be distributed among two Turkic peoples living rather far from each other.

The article is devoted to the problem of analysis of early sources on traditional music, early sound records in particular. On the example of the sample of shamanic invocation recorded by Anokhin in 1910 in the Mountain Altai the methods of work with its verbal and musical parameters are demonstrated. Thus, comparative textual analysis of the sounding and written versions, as well as musicological analysis of the notation made by the author are carried out.

⁹ В частности, упоминается известная шаманка Канаа, которую считали своим *төсем* многие алтайские шаманы.

General and musical composition, verse, syllable rhythmic and pitch (modal intonational) organization of the piece are analyzed. All available information concerning this sample (published data, materials of manuscript and sound archives) is brought together and examined.

On the basis of the analysis the author makes some important conclusions. Thus, the hypothesis about the methods of work of one of the first Siberian ethnomusicologists is expressed. The text most likely was not recorded during a real shamanic séance. A.V. Anokhin probably worked with shaman afterwards and recorded in his field notebook a short version without repetitions, vocalizations and so on.

Ethnic attribution of the piece was made, but the analysis shows that main characteristics of the text demonstrate similarity with shamanic repertoire of the Turkic peoples of Sayano-Altai. It has many common traits with shamanic heritage of the Kumandins, Chalkans, Shors, Sagais, Toju people.

Keywords: shamanism, folklore music, Siberia, Anokhin, archive sources, early records, Turkic peoples, Altaians, Altai-kizhi, Tuba.

References

Anokhin A.V. *Materialy po shamanstvu u altaytsev, sobrannye vo vremya puteshestviy po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniyu Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii* [Materials on Shamanism of the Altai]. Leningrad, Publ of RAN, 1924, 152 p. (Sbornik MAE pri Ross. Akademii nauk [Collection of Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences], vol. IV, pt. 2)

Molchanova O.T. *Toponimicheskiy slovar' Gornogo Altaya* [Toponymical Dictionary of Gornyi Altai]. Ed. A.T. Tybykova. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. otd-e Alt. kn. izd-va, 1979, 400 p.

Sychenko G.B. *Metodologicheskie problemy izucheniya shamanskikh tekstov tyurkskikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [Methodological problems of study of shamanic texts of Turkic peoples of South Siberia]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy XXI nauchno-prakticheskogo seminara Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia. Procs. of the XXI-th scientific and practical workshop of the Siberian regional university center of folklore studies]. Ed. T.G. Leonova. Omsk, Publ. of OmGPU, 2012, pp. 67–71.

Приложение

① $\text{♩} = 71$ 5,04

Ой!
I. $\text{♩} = 136$ 3,64

Ат ка_рак_ту Кан – Суй_ла (йи),
 $\text{♩} = 137$ 3,95

Ай_ры тиль_дү Бий – ки_жи_йим!
II. $\text{♩} = 146$ 3,28

А-а_ру-у У-ль_гень пү_је-рь_де-рь_де 3,70

А-р_ва_тын_на у_чу-р_да-а_ган.
② $\text{♩} = 157$ $\text{♩} = 137$ $\text{♩} = 149$ 7,80

Эй, да, ой! О, го, го, го, го! 3,26

Кир_би_рик_тү-ү < ... >
 $\text{♩} = 150$ 3,61

< ... > а_чы-н_да_ган,

IV.

9 3,30
Ал _ тын кы-р _ лу а _ чы-л _ зу _ ни,

10 3,93
Аай _ лу-у кы-р _ ду а _ да пар _ чан.

V. $\text{♩} = 154$

11 3,22
Ал _ ты-н ја-р _ гын < ... >

$\text{♩} = 157$

12 3,72
А _ дам Суй _ ла Бий – ки-и _ жи _ йем!

③ $\text{♩} = 146$

13 6,58
Эй, да, о! О!

VI. $\text{♩} = 155$

14 3,20
Ай _ ры _ л(ы)бас _ тан ай кы-р _ лы _ ва

$\text{♩} = 152$

15 3,55
< ... > < ... >

VII. $\text{♩} = 153$

16 3,14
Ас _ ты-к _ пас _ тан от а - а _ да - р _ га

$\text{♩} = 156$

17 3,46
Ай _ да - а па-р _ да тын тў-ў _ ле-е _ ген.

VIII.

18 3,12
 Ал _ тын ја-рь _ гын < ... >
 ♪ = 155

19 3,57
 А _ дам Суй _ ла Бий – ки _ жи _ йем!
 ♪ = 152

IX.

20 3,17
 Ак ба_ры_гал_ды ба-аш_кы-ын_ча_ды
 ♪ = 156

21 3,57
 < ... > < ... >

X.

22 3,93
 Бис_те, бис_те <...> пу је-рь је-рь_де
 ♪ = 160

23 3,34
 Бир ја_н _ дым_ны < ... >

24 7,67
 Эй, да, о!

XI.

25 3,14
 А _ рыг_ван_ча < ... >
 ♪ = 154

26 3,50
 Ал _ ты-н ја-рь_уын < ... >

XII. $\text{♩} = 159$
 27 3,02
 А да-м Су-й ла Бий-ки-и жи-м ни(й)!
 $\text{♩} = 156$

28 3,48
 Ал ты-н ја-рь үын < ... >

XIII. $\text{♩} = 160$
 29 3,00
 Ак ба-а ры-л га да баш ка-р лу
 $\text{♩} = 158$

30 3,41
 А үа - р чы - р га < ... >

⑤ $\text{♩} = 166$
 31 5,41
 Эй, да-а, ой!
 3 $\text{♩} = 161$

XIV. $\text{♩} = 161$
 32 2,98
 А гар <...> <...>
 $\text{♩} = 160$

33 3,37
 <...> <...>

XV. $\text{♩} = 164$
 34 2,92
 <...> <...>
 $\text{♩} = 166$

35 2,89
 <...> <...>

УДК 398.54 (=511.143):781
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-118-127

Г. Е. Солдатова

Институт филологии СО РАН

Интонационные феномены медвежьего праздника манси

Статья посвящена рассмотрению интонационных феноменов медвежьего праздника манси, одного из обско-угорских народов. Автор исследует звуковой пласт обряда с точки зрения этномузыковеда, принимая во внимание не только собственно музыкальные события (пение и игра на музыкальных инструментах), но и околomuзыкальные явления (голосовые и инструментальные звукоподражания, сигналы и др.), которыми пронизаны медвежьи игрища. Песни и наигрыши составляют основу для трансляции обрядовых текстов и показа мифологических персонажей, околomuзыкальные интонационные феномены отмечают важные синтаксические и семантические моменты обряда. Работа основана на опубликованных источниках и полевых материалах, собранных в экспедициях с участием автора в конце 1980-х – начале 2000-х гг.

Ключевые слова: манси (вогулы), обряды, медвежий праздник, фольклор обских угров, музыкальный фольклор манси, обрядовая музыка, этномузыковедение, интонационная культура.

Медвежий праздник (медвежьи игрища) – центральный феномен фольклорной культуры обских угров (хантов и манси), многодневный обряд, представляющий ключевые моменты мировоззрения, аккумулирующий возможности музыкального и театрального искусств, народной поэзии и прозы. Имея некую внутреннюю каноническую схему-основу, он подвержен значительной вариативности, связанной с местом, временем проведения, составом участников и другими обстоятельствами. По-видимому, за счет вариативности, открытости нововведениям и изменениям медвежий праздник сохранился до наших дней.

С точки зрения этномузыковедения данный обрядовый комплекс интересен тем, что содержит богатую палитру музыкальных жанров – вокальных и инструментальных, а также довольно пестрый и разнообразный пласт околomuзыкальных (интонационно маркированных) явлений. Цель настоящей статьи – показать появление и функционирование интонационных феноменов в масштабном обрядовом полотне медвежьих игрищ.

Исследование проведено на основе ряда опубликованных источников, а также неопубликованных материалов, записанных в экспедициях. Важнейшими среди публикаций являются работы финского исследователя А. Каннисто [Materialien..., 1958] (сведения в них относятся к началу XX в.), отечественного этнографа В.Н. Чернецова [Источники..., 1937] (1920-е – 1930-е гг.) и книга С.А. Поповой, посвященная описанию современного праздника [Попова, 2011]. Полевые данные получены автором в экспедициях 1980-х – 2000-х гг. в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа и Свердловскую область. Хронологические рамки работы охватывают, таким образом, период чуть более ста лет.

Солдатова Галина Евлампьевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, к. 206, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация. E-mail: ge.soldatova@yandex.ru; тел.: 8-(383)-330-14-52.

Подробное этнографическое описание обряда, совершаемого обскими уграми по поводу убитого на охоте медведя, объяснение мифологической основы, ритуальных действий содержатся в работах Н.Л. Гондатти [1888], В.Н. Чернецова [Источники..., 1987; Чернецов, 1968], Т.А. Молданова [1999], О.В. Мазур [1997], З.П. Соколовой [2002], А.А. Гриневиц [2012], К.А. Сагалаева [2008] и др. Основные пункты сценария игрищ у хантов и манси совпадают, что позволяет опираться на описания хантыйского медвежьего праздника, имеющиеся в литературе. Поэтому, упомянув главные моменты обряда, будем останавливаться лишь на значимых в контексте этномузыковедческого рассмотрения событиях. Нас будет интересовать, в каких точках обрядового комплекса появляется музыка (пение, инструментальное музицирование), где именно используется интонационная краска – выделенная особым способом речь (крик, подражание голосам животных, изменение своего голоса), другие способы отметить какие-либо разделы обряда с помощью звука.

Еще до начала праздника, как только медведь убит, охотники «включаются» в систему ритуальных действий, они начинают использовать звуковые символы. Так, приближаясь к деревне, они делают предупредительные выстрелы, тем самым оповещая жителей о приближении священного гостя – медведя, с этой же целью они издают возгласы на табуированном охотничьем языке. Подробнее об этих возгласах, их семантике см.: [Попова, 2017, с. 107].

Собственно медвежий праздник (сосьв. *уй йикв* ‘зверя пляска’, верхнелозьв. *торев йикв* ‘медведя пляска’) проводится в доме охотника или в другом помещении, где исполняются священные и несвященные песни, танцы, сценки-представления, наигрыши на музыкальных инструментах, совершается трапеза, окуривание и т. п. Такое помещение называется *йикв кол* ‘танцевальный дом’. Праздник продолжается обычно четыре-пять дней, в зависимости от пола убитого медведя и возможностей устроителей обряда. Действия происходят в темное время суток – во второй половине дня и ночью.

Как установлено исследователем музыки хантыйского медвежьего праздника О.В. Мазур, в основе обряда лежит оппозиция сакрального / профанного [Мазур, 1997; Vasylenko (Mazur), 2016]. Похожий принцип действует и в обрядовой драматургии мансийских игрищ.

Тексты песен медвежьего праздника, записанных в конце XIX – первой половине XX в., опубликованы в отдельных томах двух собраний вогульской народной поэзии, изданных в Венгрии и Финляндии [Munkácsi, 1893; Kannisto, Liimola, 1958, 1959]. Мансийские тексты в этих книгах даны в финно-угорской транскрипции и переведены соответственно на венгерский и немецкий языки. Ряд томов из этих собраний, в том числе посвященных медвежьему празднику, переизданы недавно в Ханты-Мансийске [Медвежьи эпические песни..., 2012; Мансийские песни..., 2016; Каннисто, Лиимола, 2016]. Тексты транслитерированы в современную мансийскую графику и переведены на русский язык. Медвежьи песни в переводе на русский язык можно найти и в книге «Мифы, предания, сказки», подготовленной Н.В. Лукиной [Мифы..., 1990], а описания драматических представлений – в переведенной ею же работе А. Каннисто [Каннисто, 1999].

Обязательный раздел, открывающий каждую ночь праздника – священные песни о медведе (*уй эрыг* ‘песня зверя’). Содержание этих песен отражает мифы о медведе: его божественном происхождении, спуске на землю, трудной жизни в лесу, о первых охотниках на медведя и т.п.

В отличие от других вокальных жанров, медвежий эпос исполняется коллективно. Трое мужчин в распашных ритуальных халатах, повернувшись лицом к медведю, поют, поднимая и опуская сцепленные за мизинцы руки. При этом исполнитель, стоящий посредине, поет более громко, с четкой артикуляцией. Как правило, он очень пожилой человек, хороший знаток традиции. Остальные (чаще – молодежь и люди среднего возраста) лишь тихо подпевают ему, независимо от того, насколько хорошо они знают песню. Аудиозаписи коллективного пения *уй эрыг* отсутствуют, поэтому можно предполагать, ориентируясь на северохантыйскую параллель¹, что речь идет об образцах гетерофонного склада. Продолжительность звучания священной песни, со слов информанта, составляет в среднем полчаса (информант И.В. Алгадьев)².

Окончание каждой песни хозяин праздника³ отмечает звоном в колокольчик, и практически сразу начинается следующая песня. Непрерывность исполнения наряду с сюжетной однородностью песен способствует тому, что они воспринимаются как единый эпический текст. Подтверждением этой мысли стала записанная от И.В. Алгадьева песня *уй эрыг*. Исполнитель пояснил, что она делится на

¹ Северохантыйские медвежьи песни в коллективном исполнении автору довелось услышать во время записи казымского медвежьего праздника в составе МЭЭ 1991а и КФЭ 2002.

² Материалы МЭЭ 1992, дневник Г.Е. Солдатовой.

³ Хозяин праздника / хозяин медведя – охотник, убивший данного медведя, в честь которого устроен праздник.

пять фрагментов: каждую ночь праздника звучит только один⁴. Певец всячески подчеркивал этот момент при записи: после каждого фрагмента он делал большую паузу, отклонялся от микрофона назад, затаивал дыхание, стараясь показать свое отсутствие во время перерыва.

Возможно, «растягивание» одной песни на весь цикл связано с угасанием традиции и утратой значительной части песенного фонда, что и подвигло певца на имитацию звучания нескольких песен. Тем не менее этот факт можно рассматривать как стремление участника обряда соблюдать нормы ритуального поведения – исполнить определенное количество священных песен.

В некоторых локальных версиях медвежьего праздника, как отметил А. Каннисто, существовала возможность замены священных песен о медведе непесенной формой исполнения [Materialien..., 1958, с. 364]. Допущение такой замены подчеркивает обязательное звучание нарратива (пусть даже в упрощенном варианте, без музыки), несущего общественно важное знание – истории медведя. Сейчас на фоне отсутствия знатоков мифоэпической традиции возможность замены вокальной формы на речевую еще более актуальна. На медвежьем празднике 2011 г., как пишет С.А. Попова, ведущий исполнитель Н.И. Хозумов медвежью песню на ночь «петь не стал, но рассказал сказку и несколько интересных случаев из жизни охотников, что соответствует обычаю – если нет певцов, то можно рассказывать сказки» [Попова, 2011, с. 47].

Второй напев *уй эрыг*, с речитациями на одной высоте, показала Д.С. Самбиндалова. Исполнение медвежьих песен женщинами во время проведения обряда запрещено, и данная запись осуществлена специально по нашей просьбе. Тем не менее Дарья Степановна спела ее уверенно, продемонстрировав хорошую память и универсальное знание песенной традиции. В названии песни, которое дала сама исполнительница, используется подставное имя медведя («братишка»), так как слово *торев* ‘медведь’ разрешено только охотникам: «*Анапсикве нохквалы эрыг* ‘Братишку поднимающая песня’». Примечательно, что данный напев обнаруживает стилистическое сходство с мелодиями медвежьих песен, записанных А. Каннисто в начале XX в. и опубликованных А.О. Вайсяненем [Wogulische, 1937, № 141 и 142]. Значит, мелодическая канва обрядовой песни сохраняется в памяти исполнителей и передается следующим поколениям певцов, продолжая жить долгое время.

К блоку песен *уй эрыг* примыкают пробуждающие медведя песни – *холи эрыг* ‘утренняя песня’. Исполняет песню пробуждения хозяин медведя. Он должен провести ночь рядом с медвежьей головой, а на рассвете, не зажигая света, спеть *холи эрыг*⁵ [Materialien..., 1958, с. 363; Источники..., 1987, с. 225]. Нами записаны две пробуждающие песни – у среднесосьвинских и сыгвинских манси. Оба напева обладают ограниченным квинтой диапазоном, достаточно равномерным ритмическим движением, однострочной формой – признаками, характерными для мифоэпических песен манси [Солдатова, 2017].

По окончании *уй эрыг* начинаются танцы (сосьв. *йикв*; обск., пелым. *йек*) – мужские и женские. Во время танца певцы обматывают руки жертвенными платками и взмахивают свободными концами; женщины засовывают руки в рукава, а лицо покрывают платком, так что не остается открытых участков тела⁶ [Materialien..., 1958, с. 365]. Танцы сопровождаются наигрышами на музыкальных инструментах, самый распространенный из которых – цитра *сауквылтап*⁷. Репертуар танцевальных мелодий весьма разнообразен. Существуют мелодии, специально предназначенные для аккомпанемента мужскому танцу (*ойка йикв тан* ‘мелодия мужского танца’), женскому танцу (*эква йикв тан* ‘мелодия женского танца’), танцу девушек (*агит йикв тан* ‘мелодия танца девушек’) и др. Особо отмечается территория проживания танцующих, например, «*Тапс хум йикв тан* ‘мелодия танца мужчин с реки Тапсуй’». В этой части праздника отчетливо проявляются этнолокальные различия мелодики.

Драматическая часть праздника включает представления духов-покровителей и комические сценки-представления в масках, тем самым действие затрагивает разные слои мифологического пространства. Представления сакрального плана посвящены духам-покровителям, которые в большинстве своем являются тотемными предками [Чернецов, 1971, с. 88]. Для их изображения артисты используют меха, халаты, рукавицы, шапки, специально изготовленные для ритуальных целей. Представления духов мо-

⁴ Материалы МЭЭ 1992, дневник Г.Е. Солдатовой.

⁵ Здесь и далее термины, приведенные в материалах А. Каннисто в финно-угорской транскрипции, транслитерированы автором в современную мансийскую графику.

⁶ По сей день у обских угров сохранился экзогамный брак и обычай закрывать лицо перед мужчинами другой фратрии – родственниками мужа. Медведь как предок фратрии включается в систему человеческих родовых отношений, поэтому перед ним женщины закрывают лицо.

⁷ Описания музыкальных инструментов, их функции в контексте обряда см. в работах: [Солдатова, 2014 и др.; Шесталов, 2013].

гут исполняться и в песенной, и в танцевальной форме. Зафиксированы их названия: *йаных йек* ‘большой танец’, *пупыг тулыглап* ‘представление духа’, *яныг тулыглап* ‘большое представление’, *тулыглап эрыг* ‘песня-представление’ [Источники..., 1937; Materialien..., 1958], (Материалы МЭЭ 1992).

Перед появлением духа-покровителя певец особой специализации – *кастыу хум* ‘призывающий человек’ исполняет призывную песню *кастыу эрыг* (вариант названия жанра: *кастил* ‘призыв, возглас’). В ней он обращается к духу, приглашая его посетить праздничный дом. В это время за дверью уже находится человек, облаченный в соответствующие ритуальные одежды. В определенный момент песни музыкант начинает играть на *сау́квылтап*’е мелодию данного духа, и тот заходит в дом.

Призывные песни отличаются по манере исполнения от мифоэпических песен. В наших записях напевы этой группы интонируются в экстаичной, импульсивной манере (П.Е. Вынгилев, Н.Л. Гындыбин), изобилуют вибрато и глиссандированными звуками, для них характерно постепенное ускорение темпа и повышение тональности к концу песни. Есть также примеры сосредоточенного и отрешенного пения (И.В. Алгадьев).

В.Н. Чернецов наблюдал, как на медвежьем празднике 1937 г. в Ильпи-пауле призывали и изображали духа р. Пелым (*Полум-ойка* ‘Пелымский старик’). «Кастын хум поет, стоя перед медведями, закрыв глаза, слегка раскачиваясь. <...> Когда кончается песнь... стучит по столу. Музыкант начинает играть *Полум ойка тан* ‘мелодия Пелымского старика’. – Г. С.). Входит Полум ойка... Подходит к столу, кланяется... Кастын хумите становится за ним, продолжая петь. Полум ойка танцует семь кругов. Снова кланяется медведям и уходит» [Источники..., 1937, с. 217].

Пелымский дух «приходил» и на праздник, описанный С.А. Поповой [2011], для этого исполнялась его призывная мелодия на *сау́квылтап*’е. Наигрыш «Полум-ойка» и сегодня относится к числу активно бытующих мелодий, нам удалось записать шесть его вариантов от представителей разных этнолокальных групп манси (сыгвинской, верхнесосьвинской, верхнелозьвинской).

В некоторых случаях наглядный показ пришедшего духа заменяется звучанием его именной мелодии. У сыгвинских манси таким способом изображаются духи *Нёр-ойка* ‘Гора-старик’ и *Аяс ойка* ‘бог Малой Оби’ [Ромбандеева, 1993, с. 126–127]. Различия в способе показа персонажей могут быть связаны с локальными особенностями и с религиозно-мифологическими представлениями данной этнической группы. Например, в бассейне р. Сыгва в селениях, откуда была видна гора, медвежьи праздники не проводились [Там же, с. 129]. А вот на празднике ивдельских манси, живущих в предгорьях Урала, напротив, представление Нёр-ойки, во время которого танцевали трое, пятеро, семеро мужчин, является устойчивым эпизодом [Новикова, 1995, с. 77].

Необычный вариант – исполнение сразу трех призывных песен в одном эпизоде – описывает Е.И. Ромбандеева. Это представление духов-предков деревни Мувынтес – семи богатырей *Я талих сат отыр* ‘Верховий реки семь богатырей’ – на сыгвинском празднике. Семь богатырей предстают «в образах людей, вооруженных саблями, одетых в островерхие шапки». Во время первой песни богатыри подходят к дому, стучат снаружи о бревно, извещая о своем прибытии, и ждут приглашения. Когда начинается вторая песня, они заходят в помещение. Один из богатырей взмахивает перед медведем саблей, украшенной красным сукном и колокольчиками, остальные «попарно стоят, ударяют саблей о саблю, произнося при этом мелодичное: *ох-ох-ов!*». Они медленно двигаются по кругу. В этот момент начинается третья песня, «темп музыки более быстрый», она сопровождает пляску с прыжками и выкриками: «*аг-агаг-аг!*» [Ромбандеева, 1993, с. 124–126]. В этом эпизоде, помимо собственно пения, присутствуют другие виды омузыкаливания: стук о бревно извещает о приходе артистов, а звон колокольчиков и удары о саблю, возгласы и крики – звуковые символы мужского военного танца.

Для каждого мансийского селения существует свой «набор» духов, приглашаемых в праздничный дом. Местный пантеон формируется в зависимости от особенностей ландшафта и родовой принадлежности жителей, порождая в свою очередь локальный ритуальный мелодический фонд.

Представления сатирического плана (*тулыглап* ‘представление’) заметно отличаются от сакральных и по атрибутике – суконный армяк, деревянный посох, берестяная маска (*сас нёл* ‘берестяной нос’), и по сюжетам, и по интонированию. В большинстве представлений высмеиваются людские пороки (трусость, хвастовство, жадность, лень и др.). Темы *тулыглап* могут быть весьма разнообразными, но обязательно актуализируются.

Речевые эпизоды таких представлений произносятся измененным голосом, часто фальцетом: «говорят не своим голосом, поют – своим» (информант И.В. Алгадьев)⁸. В других разделах праздника

⁸ Материалы МЭЭ 1992, дневник Г.Е. Солдатовой.

такой прием не используется, поэтому можно сказать, что в *тулыглап* актеры применяют две маски: реальную, надеваемую на лицо, и символическую – звуковую.

В жанровом отношении, вероятно, нужно дифференцировать представления с воспроизводимым текстом (разговорные и песенные) и небольшие импровизируемые выступления масок. Само существование последнего жанра установлено традицией, однако содержание сценок в значительной степени импровизируется актерами в соответствии с негласно поставленной задачей – внести сумятицу, хаос в регламентированный ход праздника. Такие интермедии могут разыгрываться между любыми двумя номерами, независимо от жанрового наклона.

Каждая сценка заканчивается танцем актеров под аккомпанемент *саңквылтан’а*. Танец может быть подхвачен зрителями, поскольку строгой регламентации танцевальных эпизодов в драматической части обряда нет.

Таким образом, каждую ночь медвежьего праздника исполняются священные песни о медведе, призывные песни духов-покровителей, танцы разных жанров, представления духов-покровителей и представления в масках.

Понимание жанровой дифференциации песен, танцев и сценок отражается не только в народной терминологии. Все выступления «записываются» с помощью зарубок на счетной деревянной палочке *сорхылиң-йив* ‘дерево с зарубками’, которая затесана на «несколько граней и на каждой грани отмечается лишь одна категория действий или обрядов» [Чернецов, 1971, с. 88]. Обычай отмечать количество и разновидность песен и представлений, исполненных на празднике, распространен у всех групп обских угров.

В последнюю ночь обряда, которая считается самой священной и важной, усиливается блок сакральных жанров. У верхнесосьвинских манси именно в это время праздник «посещают» важнейшие духи-покровители, среди которых *Отэр* ‘Богатырь’ (другие имена его: *Луву хум* ‘Всадник’, *Эквалыгрись* ‘Сынок женщины’, *Мир-суснэ-хум* ‘За народом смотрящий человек’) и *Сянь* ‘Мать’ (*Калтась-эква* ‘Женщина Калтась’). Расширяется и круг используемых фоноинструментов: ритуальная атрибутика снабжена издающими звук предметами, и появление божеств обязательно сопровождается звенящим фоном.

Мир-суснэ-хум изображается богато одетым всадником на «лошади» – посохе, обмотанном сукном. Вместо посоха может фигурировать ритуальная сабля, на которую наброшено священное покрывало *ялтың улама* с колокольчиками по углам [Гемуев, 1990, с. 88–90].

Непременным атрибутом богини *Калтась* является большой платок, к каждому из концов которого привязаны бубенчики – *силың тор* ‘платок с бубенчиками’ (информант В.В. Алгадьева)⁹. Платок накидывают на голову танцора, при движениях которого бубенчики вздрагивают, создавая звенящий аккомпанемент танцу. В обоих случаях звуковая функция бубенчиков и колокольчиков очевидна: они подчеркивают высокий сакральный статус персонажей.

Во время трапезы в последнюю ночь поедается мясо медведя, при этом все присутствующие подражают крику ворона¹⁰. Данный пример также демонстрирует звуковое маскирование, позволяющее участникам обряда показать себя непричастными к нарушению фратриального табу, переложив вину на ворона¹¹.

В заключительном разделе праздника разыгрываются устрашающие, «запугивающие» медведя представления, во время которых появляются животные – разорители праздника: журавль, филин, лиса, ворон. В этих сценках музыкальный компонент и омузыкаливание вообще играет существенную роль.

В представлении журавля появляется шумовой фоноинструмент – желобчатый клаппер *тарыг нёл* ‘журавлиный клюв’ [Богданов, 1981, стб. 1026–1028; Попова, 2011, с. 62; Каннисто, 1999; Чернецов, 1968, с. 105–106]. Человек, изображающий журавля, «держит палку, которую выставляет перед собой и на конце которой прикреплено деревянное устройство, подобное журавлиному клюву, при потягивании за шнур оно открывается и закрывается. “Журавль” ходит по комнате, при этом он щелкает

⁹ Материалы МЭЭ 1992, дневник Г.Е. Солдатовой.

¹⁰ Уместно вспомнить аналогичное поведение других сибирских этносов в ритуалах, связанных с медведем. Якуты при поедании медвежьего мяса «каркали как вороны», а тувинцы-тоджинцы читали заклинание, во время которого «временами подражали голосу ворона» [Алексеев, 1980, с. 116, 123].

¹¹ По мнению В.Н. Чернецова, «скрывание людей под видом воронов, которые прилетели клевать мясо, и полное отрицание того, что люди присутствовали на празднике» возникло как компенсация за нарушение запрета, существовавшего прежде для людей фратрии Пор, на убийство медведя-предка и поедание его мяса [1968, с. 110].

клювом и пытается ущипнуть людей» [Каннисто, 1999, с. 19]. Несмотря на то, что журавль выполняет функцию антагониста медведя, его появлению предшествует исполнение призывной песни. Возвышенное отношение к разорителю медвежьего праздника, вероятно, связано с другой его функцией – тотемно-генеалогической, уже утраченной сегодня.

Нами записаны два варианта *тарыг эрыг* ('песня журавля'). В первом случае мелодия обладает признаками призывной песни (исполнитель И.В. Алгадьев), во втором – *тарыг эрыг* исполнена на напев пробуждающей песни (исполнитель Н.Л. Гындыбин). Почему текст призывной песни наложен на напев пробуждающей, однозначно сказать нельзя – ведь мы не имеем достаточного количества поющих образцов для выяснения этого вопроса. Однако можно предположить, что это связано с принципом политекстовости обрядовых напевов сакральной части медвежьего праздника.

Филин появляется также после исполнения призывной песни *йтыг эрыг* 'песня филина'. Есть и инструментальный вариант призывания – наигрыш «Мелодия филина». Инструментальные мелодии филина бытуют в разных локальных традициях: нами записаны сыгвинские, верхнелозьвинские, тапсуйские наигрыши. Сценка филина сопровождается прыжками и выкриками «пуфф-ху-у, пуфф-ху-у» [Попова, 2011, с. 62].

Лиса с соломенным хвостом «начинает бегать, принюхиваться, “лаять” по-лисьи» [Там же, с. 62–63]. По данным В.Н. Чернецова, в песне лисицы *охсар эрыг* говорится о том, как ей удается обманывать охотника, но в конце концов она попадает в ловушку [1968, с. 105].

Звукоподражательными возгласами сопровождается также появление оводов: они щиплют присутствующих на обряде с криками «пир-панн, пир-панн» [Попова, 2011, с. 63].

Обязательным для заключительной части обряда является кукольный театр. Среди вариантов, описанных в литературе, наибольший интерес с точки зрения музыковеда вызывает представление, синтезирующее театральное и музыкальное искусства – танцующие куклы. Верхнелозьвинские и сосьвинские манси для последней ночи медвежьего праздника изготавливали деревянных кукол, мужчину и женщину, которые управлялись музыкантом, играющим на *сауквылтан'е*. Куклы были привязаны к его рукам с помощью ниток, и, когда музыкант начинал играть, куклы совершали различные движения [Новикова, 1985, с. 97].

В самом конце игрищ появляется ворон. А. Каннисто наблюдал, как в начале XX в. на р. Сосьва во время игры в снежки двое мужчин передевались воронами и с криками «*крк!*» сбрасывали медведя со стола, снимали и уносили его жертвенную одежду [Materialien..., 1958, с. 373]. Семантика этого действия имеет то же обоснование, что и звукоподражание ворону во время трапезы (см. сноску 11).

По информации Н.Л. Гындыбина¹² (аналогов которой в литературе не нашлось), в качестве разорительницы праздника может выступать и кукушка. Голос кукушки передается фальцетом. Необычность имитации состоит в том, что типичная «кукушечная» терция сочетается не только со звукоподражательными слогами «*ку-ку*», но и со словами, описывающими действия «кукушки»: «*клюет*», «*долбит*», «*разрушает*».

По окончании всех представлений звучит заключительная песня *ялтыу эрыг* 'священная песня'. В тексте этой песни отражены представления о жизни медведя после смерти (в том числе встреча медведя с богом-отцом, во время которой сын рассказывает о хорошем отношении к нему людей и о своем намерении вновь придти к ним) [Materialien..., 1958, с. 380–381]. Как и другие образцы медвежьего эпоса, песня исполняется коллективно: ее поют пятеро мужчин. Степень сакральности жанра усиливается, что отражается в существовании табу для аудитории: в верховьях Лозьвы женщины выходят, прослушав половину песни, а на реках Обь и Сосьва женщины и дети не могут слушать ее вовсе [Там же].

Интонационное содержание праздника, таким образом, представляет собой своего рода панораму вокальных и инструментальных жанров музыкально-обрядового фольклора манси: мифоэпические песни *уй эрыг* (в том числе заключительные *ялтыу эрыг*), пробуждающие *холи эрыг*, призывные *кастыу эрыг*, песни представлений *тулыглап эрыг*, инструментальные персональные мелодии духов, используемые для призывания и представления божества, танцевальные наигрыши, в том числе связанные с кукольным театром. Помимо собственно музыкальных феноменов, от первого до последнего момента игрищ действо омузыкаливается с помощью особых форм интонирования, отличающихся от речевого. С этой целью используются возможности голоса и фоноинструмента: возгласы, извещающие о доставке медведя, сопровождающие мужской военный танец, крики – имитации голосов ворона, филина, насекомых, изменение голоса и интонирование фальцетом (в сценках-представлениях несакрального плана), инструментальная имитация шелканья клюва журавля, стук о бревно перед входом актеров, изображающих духа, стук посоха во время исполнения песен и сенок, звон коло-

¹² Материалы МЭЭ 1991б, дневник Г.Е. Солдатовой.

кольчика как знак окончания песни, позвякивание бубенчиков и колокольчиков во время танцев духов-покровителей в наиболее сакральные моменты праздника. Вокальная и инструментальная музыка создает фундамент для трансляции обрядовых текстов и показа мифологических персонажей на празднике. Другие явления, интонационно насыщающие обрядовый комплекс и связанные с факультативными формами вокального и инструментального интонирования, пронизывают все пространство праздника, отмечая наиболее важные синтаксические и семантические моменты обряда.

Список информантов

Алгадьев Илья Васильевич, 1935 г. р., верхнесосьв. манси, рыбак, охотник, неграмотный, д. Хулимсунт Берёзовского р-на Тюменской обл.

Алгадьева (Тасманова) Варвара Васильевна, 1940 г. р., верхнесосьв. манси, домохозяйка, малограмотная, д. Хулимсунт Берёзовского р-на Тюменской обл.

Вынгилев Петр Егорович, 1920–2003, среднесосьв. манси, рыбак, охотник, д. Верхненильдино Берёзовского р-на Тюменской обл.

Гындыбин Никита Лукьянович, 1916–1992, среднесосьв. манси, рыбак, охотник, неграмотный, пос. Сосьва Берёзовского р-на Тюменской обл.

Самбиндалова Дарья Степановна, 1931 г. р., верхнесосьв. манси, домохозяйка, малограмотная, д. Хулимсунт Берёзовского р-на Тюменской обл.

Хозумов Николай Иванович, 1932 г. р., сыгв. манси, охотник, рыбак, малограмотный, д. Хурумпауль Берёзовского р-на Тюменской обл.

Список сокращений

верхнелозьв. – верхнелозьвинский (-ое)

верхнесосьв. – верхнесосьвинский (-ое)

КФЭ 2002 – Комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция Института филологии СО РАН в с. Казым Белоярского р-на ХМАО–Югра (декабрь 2002 г., запись медвежьего праздника хантов; состав участников: Н.А. Алексеев, А.С. Кузьминых, К.А. Сагалаев, Г.Е. Солдатова, Г.Б. Сыченко)

МЭЭ 1991а – Музыкально-этнографическая экспедиция Новосибирской государственной консерватории в д. Юильск Белоярского р-на Тюменской обл. (январь 1991 г., запись медвежьего праздника хантов; состав участников: О.В. Мазур, Г.Е. Солдатова, Ю.И. Шейкин)

МЭЭ 1991б – Музыкально-этнографическая экспедиция Новосибирской государственной консерватории в пос. Сосьва Берёзовского р-на Тюменской обл. (январь 1991 г., состав участников: О.В. Мазур, Г.Е. Солдатова)

МЭЭ 1992 – Музыкально-этнографическая экспедиция Новосибирской государственной консерватории в д. Хулимсунт Берёзовского р-на Тюменской обл., д. Тресколье Ивдельского р-на Свердловской обл. (август 1992 г., состав участников: Е.В. Комаров, Г.Е. Солдатова)

обск. – обский (-ое)

пелым. – пелымский (-ое)

сосьв. – сосьвинский (-ое)

сыгв. – сыгвинский (-ое)

Список литературы

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.

Богданов И.А. Хантыйская и мансийская музыка // Музыкальная энциклопедия. М., 1981. Т. 5. Стб. 1025–1028.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 232 с.

Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Типография Потапова, 1888. 92 с.

Гриневиц А.А. Поэтика обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 19 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.

Каннисто А. О драматическом искусстве вогулов // Каннисто А. Статьи по искусству обских угров / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 3–25.

- Каннисто А., Лиимола М.* Драматические представления на медвежьем празднике манси / Пер. с нем. яз. и публикация Н. В. Лукиной. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2016. 242 с.
- Мазур О.В.* Медвежий праздник казымских хантов как жанрово-стилевая система: Дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1997. 185 с.
- Мансийские песни о Медведе в записи Артура Каннисто* / Сост. и пер. с нем. Н.В. Лукиной; консультант по мансийской лексике С.А. Попова. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 328 с.
- Медвежьи эпические песни манси (вогулов) из III тома Мункачи Берната* / Автор-составитель Е.И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 658 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хант., манс., нем. языков.* / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 568 с.
- Молданов Т.* Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных ханты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 139 с.
- Новикова Н.И.* Традиционные кукольные представления на медвежьем празднике у манси // Меж-этнические контакты и развитие национальных культур. М., 1985. С. 89–98.
- Новикова Н.И.* Традиционные праздники манси / Ред. З.П. Соколова; РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1995. 223 с. (Б-ка рос. этнографа).
- Попова С.А.* Медвежий праздник северной группы манси: языковое табу // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 102–112.
- Попова С.А.* Медвежий праздник на Северном Урале. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2011. 76 с.
- Ромбандеева Е.И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Северный дом; Сев.-Сиб. рег. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Сагалаев К.А.* Медвежий праздник современных казымских хантов // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири: Сб. статей и материалов. Новосибирск: Арта, 2008. С. 41–51.
- Соколова З.П.* Культ медведя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2. С. 121–130.
- Солдатова Г.Е.* О звуковысотной структуре мансийских обрядовых напевов // Музыкальная Вселенная Юрия Шейкина (к 50-летию научной деятельности): Сб. статей / М-во образования и науки Рос. Федерации, Аркт. гос. ин-т культуры и искусств; сост. О.Э. Добжанская; редкол.: Т.И. Игнатьева, С.В. Максимова, В.С. Никифорова. Якутск: Алаас, 2017. С. 51–71.
- Солдатова Г.Е.* Музыкальные инструменты обских угров: угасание и возрождение традиции // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 78–84.
- Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала. М., 1971. Ч. 2. 120 с.
- Чернецов В.Н.* Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Hels., 1968. Pp. 102–111.
- Шесталов В.И.* Музыка и мифология медвежьего праздника обских угров / Под ред. С.А. Шесталовой. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2013. 228 с.
- Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung. Bd. IV: Bärenlieder. Hels., 1958. 552 s. (Suomalais-ugrilainen Seura; Vol. 114)
- Kannisto A., Liimola M.* Wogulische Volksdichtung. Bd. V: Aufführungen beim Bärenfest. Hels., 1959. 363 s. (Suomalais-ugrilainen Seura; Vol. 116)
- Materialien zur Mythologie der Wogulen.* Gesammelt von Artturi Kannisto. Bearb. und hrsg. von E. A. Virtanen und Matti Liimola. Hels., 1958. 443 s. (Suomalais-ugrilainen Seura; Vol. 113).
- Munkácsi B.* Vogul Népköltési Gyűjtemény. III/1. Medvénekek. Vogul szövegek és fordításaik. Budapest, 1893. 539 с.
- Vasylenko (Mazur), Ol'ha V.* Style and Genre Aspects of Kazym Khanty Bear Festival Songs. In: Anthropology & Archeology of Eurasia. Vol. 55, 2016. Iss. 1. Pp. 22–40. DOI: 10.1080/10611959.2016.1263489 (Published online: 16 Feb 2017)
- Wogulische und Ostjakische Melodien.* Phonographisch aufgenommen von A. Kannisto und K.F. Karjalainen. Herausgegeben von A.O. Väisänen. Hels., 1937. 378 s. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; Vol. LXXIII)

G. E. Soldatova

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
ge.soldatova@yandex.ru

Intonational Phenomena of the Bear-Feast of Mansi

The article is devoted to the study of musical and music-related phenomena of the Bear-Feast of Mansi (Voguls), one of the Ob-Ugric peoples of Siberia. The author describes the musical events that occur during this ceremony, as well as those music-related moments when artists utter shouts, exclamations, change their voice, imitate the voices of animals and birds, use the sounds of noise instruments as signals or symbols.

The sources of research are the publications of ethnographers (A. Kannisto, V. Chernetsov, S. Popova, etc.), as well as the field materials collected during several expeditions to the north of the Western Siberia with the participation of the author in the late 1980s and early 2000s.

Intonation phenomena of the Bear-Feast is a kind of panorama of vocal and instrumental genres of ritual musical folklore of Mansi: mythical epic songs *uj eryg* (including the final *yalpyŋ eryg*), awakening songs *holi eryg*, invocative songs *kastyŋ eryg*, songs of dramatic performance *tulyglap eryg*, personal instrumental tunes of spirits for invoking and representing the deities at the festival, dance instrumental tunes (including puppet theater).

Besides the musical phenomena in the exact sense, the Bear-Feast from the beginning to the end with the special forms of intonation is sounded. For this purpose, folk actors use their voices or phonoinstruments. Such phenomena include exclamations that announce the delivery of a bear; exclamations accompanying male military dance; cries imitating the voices of birds (crow, owl), insects; changing in timbre of their own voice and falsetto intonating (in dramatic scenes); symbolic imitation of clapping of the crane's beak; knocking on a log before the entrance of actors depicting the spirit; staff knocking during the singing of songs and scenes; the ringing of the bell, marking the end of the song; the tinkling of bells and jingles while dancing the dance of the spirit-patrons in the most sacred moments of the festival. Thus, music (vocal and instrumental) creates the foundation for the transmission of ritual texts and for the show of mythological persona to the participants of the festival.

The music-related phenomena which imbue the ritual complex are associated with additional forms of vocal and instrumental intonating. They create not only the sound background of the rite, their role is to mark the important syntactic and semantic moments of the Bear-Feast.

Keywords: Mansi (Voguls), rituals, Bear-Feast, Ob-Ugrian folklore, Mansi folk music, ritual music, ethnomusicology, intonational culture.

References

- Alekseev N.A. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of the religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 317 p.
- Bogdanov I.A. *Khantyyskaya i mansiyskaya muzyka* [Khanty and Mansi music]. In: *Muzykal'naya entsiklopediya* [Musical encyclopedia]. Moscow, 1981, vol. 5, col. 1025–1028.
- Gemuev I.N. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [Mansi world of view: Home and Cosmos]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 232 p.
- Gondatti N.L. *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri* [Traces of paganism among the natives of North-West Siberia]. Moscow, Tipografiya Potapova, 1888, 92 p.
- Grinevich A.A. *Poetika obryadovykh pesen medvezh'ego prazdnika kazymyskikh khantov* [Poetics of ritual songs of the Bear-Feast of Kazym Khanty]. Cand. of PhD. Ulan-Ude, 2012, 19 p.
- Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1987, 284 p.
- Kannisto A.O. *dramaticheskoe iskusstvo vogulov* [On the dramatic art of the Voguls]. In: Kannisto A. *Stat'i po iskusstvu obskikh ugrov* [Articles on the art of the Ob-Ugrians]. Translated from German by N.V. Lukina. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1999, pp. 3–25.
- Kannisto A., Liimola M. *Dramaticheskie predstavleniya na medvezh'em prazdnike mansi* [Dramatic performances at the Mansi Bear-Feast]. Translated from German and published by N. V. Lukina. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir gorod Khanty-Mansiysk, 2016, 242 p.
- Mazur O.V. *Medvezhiy prazdnik kazymyskikh khantov kak zhanrovo-stilevaya sistema* [Kazymsky Khanty Bear-Feast as a genre-and-style system]. Cand. of Arts. Novosibirsk, 1997, 185 p.
- Mansiyskie pesni o Medvede v zapisi Artura Kannisto* [Mansi songs about the Bear in the recording of Arturri Kannisto]. Compiled and translated from German by N. V. Lukina. Consultant on Mansi lexis S. A. Popova. Tomsk, Khanty-Mansiysk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2016, 328 p.
- Medvezh'i epicheskie pesni mansi (vogulov) iz III toma Munkachi Bernata* [Bear epic songs of Mansi (Voguls) from Volume III of Munkachi Bernat]. Compiled, transliterated, translated from Mansi by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, Print-Klass, 2012, 658 p.

- Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, tales of Khanty and Mansi]. Compiled by N. V. Lukina. Moscow, Nauka Publ., 1990, 568 p.
- Moldanov T. *Kartina mira v pesnopeniyakh medvezh'ikh igrishch severnykh khanty* [View of the world in the songs of the Bear-Feast of the Northern Khanty]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1999, 139 p.
- Novikova N.I. Traditsionnye kukol'nye predstavleniya na medvezh'em prazdnike u mansi [Traditional puppet shows at the Mansi Bear-Feast]. *Mezhetnicheskie kontakty i razvitie natsional'nykh kul'tur* [Interethnic contacts and the development of national cultures]. Moscow, 1985, pp. 89–98.
- Novikova N.I. *Traditsionnye prazdniki mansi* [Traditional Mansi holidays]. Moscow, 1995, 223 p. (B-ka ros. etnografa [Russian ethnographer library]).
- Popova S.A. Medvezhiy prazdnik severnoy gruppy mansi: yazykovoie tabu [Bear-Feast of the northern group of Mansi: a language taboo]. *Finno-ugorskiy mir*. 2017, no. 3, pp. 102–112.
- Popova S.A. *Medvezhiy prazdnik na Severnom Urale* [Bear-Feast in the Northern Urals]. Khanty-Mansiysk, Izdatel'skiy dom «Novosti Yugry», 2011, 76 p.
- Rombandeeva E.I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [The history of the Mansi (Vogul) people and their spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut, Severnyy dom and Severo-Sibirskoye regional'noye knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 208 p.
- Sagalaev K.A. Medvezhiy prazdnik sovremennykh kazymskikh khantov [Bear-Feast of modern Kazym Khanty]. In: Soldatova G. E. (Ed.). *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri*. Novosibirsk, Arta, 2008, pp. 41–51.
- Sokolova Z.P. Kul't medvedya [Bear cult]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2002, no. 2, pp. 121–130.
- Soldatova G.E. O zvukovysotnoy strukture mansiyskikh obryadovykh napevov [About the pitch structure of the Mansi ritual tunes]. *Muzykal'naya Vselennaya Yuriya Sheykina (k 50-letiyu nauchnoy deyatel'nosti)* [Musical Universe of Yuri Sheikin (on the 50th anniversary of scientific activity)]. Yakutsk, Alaas Publ., 2017, pp. 51–71.
- Soldatova G.E. Muzykal'nye instrumenty obskikh ugrov: ugasanie i vrozozhdenie traditsii [The musical instruments of Ob-Ugrians: the extinction and revival of tradition]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2014, no. 4, pp. 78–84.
- Chernetsov V.N. *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [Rock paintings of the Urals]. Moscow, 1971, pt. 2. 120 p.
- Chernetsov V.N. Periodicheskie obryady i tseremonii u obskikh ugrov, svyazannye s medvedem [Periodical rituals and ceremonies of the Ob-Ugrians associated with the bear]. *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Hels., 1968, pp. 102–111.
- Shestalov V.I. *Muzyka i mifologiya medvezh'ego prazdnika obskikh ugrov* [Music and mythology of the Bear-Feast of Ob-Ugrians]. Khanty-Mansiysk, Izdatel'skiy dom «Novosti Yugry», 2013, 228 p.

ПОЛЕВАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.33 (=161.3) (571.14)
DOI 10.25205/2312-6337-2018-2-128-136

Т. В. Дайнеко

Институт филологии СО РАН

Записки из Петропавловки: по результатам экспедиции 2016 г. в Маслянинский район Новосибирской области

В статье опубликована часть материалов, собранных автором в 2016 г. во время фольклорно-этнографической экспедиции в село Петропавловка Маслянинского района Новосибирской области. Представлены фрагменты расшифровки беседы с жительницами села, которые являются потомками переселенцев из Белоруссии и из пограничных регионов и наследниками их фольклорной традиции. Для публикации отобраны сведения о календарных обрядах и песнях села Петропавловка, связанных со Святками, Масленицей, Радоницей, Троицей (описания обрядовых действий, приготовление особой еды и пр.). В опубликованных фрагментах интервью сохранены лексические, синтаксические и фонетические особенности речи информантов. Приводятся вербальные тексты календарных песен. Цель статьи – ввести в научный оборот новые материалы по фольклору белорусов-переселенцев Сибири.

Ключевые слова: фольклор белорусов Сибири, календарные обряды и песни белорусов Сибири, материалы экспедиции, полевая фольклористика.

В июле 2016 г. состоялась комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция в Маслянинский район Новосибирской области, проведенная сектором фольклора Института филологии (ИФЛ СО РАН) и Новосибирским областным центром русского фольклора и этнографии (ОЦРФиЭ)¹. Маршрут экспедиции охватил р.п. Маслянино (районный центр), а также сёла Петропавловка и Пряmsкое. Вообще, как отмечает Н.В. Леонова, «белорусская диаспора... не образовала в сибирском регионе больших ареалов компактного проживания этноса (расселение белорусов в Сибири носит, скорее, островной и рассеянный характер)» [2011, с. 32]. Маслянино, Петропавловка и Пряmsкое относятся к смешанному типу поселений, в которых «белорусы соседствуют с различными группами старожильческого или новопоселенческого населения региона» [Там же].

¹ Финансирование экспедиции осуществлялось за счет средств, полученных по Федеральной целевой программе «Сибирская фольклорно-этнографическая экспедиция-2016». В подготовке и проведении экспедиции принимали участие младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН Т.В. Дайнеко (руководитель), научный сотрудник того же сектора Е.Л. Тирон и сотрудник ОЦРФиЭ – зав. отделом экспедиционно-исследовательской работы Т.Ю. Мартынова.

Дайнеко Татьяна Владимировна – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, к. 206, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: tan-dai@mail.ru; тел.: 8-(383)-330-14-52.

Участники экспедиции ставили своей целью собрать историко-этнографическую информацию от проживающих в указанных населенных пунктах потомков переселенцев из Белоруссии и из прилегающих к ней российских регионов, а также записать сохранившиеся в памяти информантов образцы традиционного фольклора. Последние предполагалось использовать при подготовке второй части белорусского тома академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В настоящее время особый интерес представляют публикации материалов экспедиций именно в «живом» виде, то есть с сохранением особенностей речи информантов, включением в публикацию не только текстов фольклорных произведений, но и рассуждений информантов о жизни и быте в прежние времена². Это позволяет наиболее выпукло представить локальную фольклорную традицию, оставляя место для интерпретаций исследователей, и вместе с тем ввести в научный оборот архивные материалы. Анализ опубликованного таким образом материала позволяет сделать выводы о степени сохранности той или иной локальной традиции, о ее характерных особенностях, что является важным при изучении фольклорно-этнографических комплексов белорусов-переселенцев [Леонова, 2000, с. 87].

В данной статье публикуются сведения о календарных праздниках, собранные в селе Петропавловка³. Но прежде чем приступить непосредственно к материалам, записанным в этом селе, стоит вкратце охарактеризовать и другие этапы фольклорно-этнографической экспедиции 2016 г. в Маслянинский район Новосибирской области.

В районном центре **Маслянино** образцы белорусского фольклора записывались от участников ансамбля «Петропавловские родники», который появился в 2013 г. и сразу стал одним из самых ярких коллективов области среди исполнителей аутентичного фольклора. Состав участников следующий:

- Валентина Григорьевна Гайдук (Марченко), 1942 г. р.
- Вера Ефимовна Наливайко (Панюшкина), 1943 г. р.
- Петр Денисович Гайдук, 1938 г. р.⁴

Репертуар маслянинского состава отличается от записанного в с. Петропавловка: он обширнее, коллектив звучит более слаженно – сказываются частые репетиции и выступления. Среди записанных преобладают песни лирического жанра.

В селе **Прямское** в настоящее время приходится констатировать угасание некогда яркой локальной певческой традиции, которое в первую очередь связано с отсутствием преемственности. В последние годы ушли из жизни многие участники фольклорного ансамбля «Прямчаночка» (в годы расцвета в нем насчитывалось 16 человек). Самой большой утратой стал уход Елены Тимофеевны Анащенко (1926–2015), которая была лидером и запевалой ансамбля.

Для беседы и записи песен в сельском клубе собрались:

- Екатерина Владимировна Прудникова (Киркоро), 1946 г. р.
- Мария Степановна Хомянок (Рапунова), 1936 г. р.
- Лидия Федоровна Новикова (Понуровская), 1946 г. р.
- Вера Викторовна Туняк (Садохина), 1937 г. р.
- Валентина Юрьевна Ковалева, 1959 г. р., художественный руководитель коллектива.

Из многочисленных в прошлом весенних хороводов села Прямское удалось записать песни «Карагод веду» и «И чего же, Маша, плачешь». От участников ансамбля зафиксированы также сведения о календарных обрядах, о свадьбе.

Отметим, что при единых корнях фольклорные традиции двух соседних сёл – Прямского и Петропавловки – имеют как общие, так и отличные черты. Часть песенного репертуара сёл – общая, при этом тексты песен могут быть одинаковыми, а напевы – различаться. Жители обоих сёл нередко считают, что именно соседи позаимствовали у них песню («Прямцы богато переняли наших песен» – замечание информантов из Петропавловки). Жанр весенне-летнего цикла – хороводы – больше характерен для Прямского (их водили на Радуницу). В Петропавловке же некоторые информанты утверждали, что водить хороводы и вообще веселиться на Радуницу – грех. И в том, и в другом селе молодое поколение говорит уже чисто, без сохранения диалекта, некоторые пожилые люди тоже, по их

² Ценность подобного рода публикаций осознается учеными – и этнографами, и фольклористами; в частности, об этом пишет Е.Ф. Фурсова, предваряя издание своих полевых дневников [2012, с. 3]. Автором настоящей статьи уже были подготовлены публикации, находящиеся в русле данной тенденции – см., например: [Дайнеко, 2016, 2017].

³ Материалы экспедиции хранятся в личных архивах собирателей, а также в архивах Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии и сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

⁴ Отметим, что все они – уроженцы села Петропавловка, переехавшие в районный центр на постоянное место жительства.

словам, не любят «гЫканье». Поющие же носители традиции сохраняют особенности белорусского говора.

Село Петропавловка. На подготовительном этапе экспедиции были изучены материалы фонд-архива Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии, касающиеся Петропавловки. Выяснилось, что три предыдущие экспедиции (1997 г. – Г.В. Любимова, Е. Попок, Т. Куликова, 2003 г. – Л.В. Суrowяк, 2013 г. – Т.Ю. Мартынова, Л.В. Суrowяк) записывали разные составы исполнителей. И в зависимости от составов принципиально отличается репертуар: 1997 г. – зафиксированы календарные гЫкальные песни, которые ныне никто не поет, 2003 г. – записано много духовных стихов, 2013 г. – преобладает протяжная лирика. Последнее справедливо и по отношению к материалам фольклорно-этнографической экспедиции 2016 г.: подавляющее большинство в репертуаре исполнительниц составляли лирические песни.

Изучение документов показало, что село Петропавловка было основано приблизительно в 1907 г. Село первоначально называлось Укроп, по названию реки, протекающей рядом; впоследствии было переименовано в Петропавловку, по именам первых строителей, братьев Петра и Павла. Первыми жителями стали белорусские (большой частью) и украинские переселенцы из Черниговской губернии и Брянско-Смоленского пограничья. Видимо, смешанный этнический состав населения (в том числе в рамках одного рода) обусловил то, что свои песни жители делят не по этническому признаку, а по родственной принадлежности – «мамина», «отцова», «свекровь пела» и т.п.

Проводником в данной экспедиции для ее участников была Валентина Михайловна Чебакова (в девичестве Гайдук), 1951 г. р., уроженка с. Петропавловка, ныне жительница г. Бердск. Она же стала и информантом: от нее записаны несколько песен ее мамы, Гайдук Нины Макаровны (1924–2002), в том числе редкого жанра – баллады. Валентина Михайловна рассказала о жизни села прежних лет, о своих родителях, родственниках и односельчанах. Именно благодаря ей удалось собрать в селе следующий исполнительский состав (см. также Список информантов в конце статьи):

- Любовь Васильевна Гайдук (Дударева), 1935 г. р.
- Надежда Ивановна Дударева (Цыганок), 1947 г. р.
- Надежда Павловна Ушакова (Филоненко), 1939–2017 гг.
- Евдокия Терентьевна Андрюк (Науменко), 1927 г. р.

Отметим, что, несмотря на пожилой возраст, у всех исполнительниц сохранились сильные голоса. Ярким тембром обладает даже самая старшая из них – Е.Т. Андрюк, которая выводила сложные подголоски в ряде песен.

Встреча участников экспедиции с информантами происходила в течение одного дня⁵. За это время были записаны историко-этнографические рассказы информантов об особенностях труда в первой половине XX в. (в том числе юношеского и детского), о бытовом укладе, о свадебном и похоронном обрядах⁶. В данной статье представлены лишь те фрагменты беседы, в которых информанты рассказывают об особенностях обрядов села Петропавловка, связанных с некоторыми вехами годового календарного круга⁷. К сожалению, таковых фрагментов совсем не много (информанты склонялись больше к пению лирических песен). Тем не менее записаны краткие сведения о проведении Святков, праздновании Масленицы, Радоницы. Значительную часть данной публикации занимают этнографические рассказы о праздновании Троицы. Вероятно, это обусловлено датой проведения беседы – она происходила на следующий день после этого праздника. Также удалось записать несколько календарных песен, в том числе фрагменты весенней гЫкальной (в настоящее время они уже вышли из бытования в данном селе); в данной публикации приводятся словесные тексты песен.

Отметим, что в речи всех информантов сохранилась характерная лексика (*йна, яго, смяротное, пирад, тады* и пр.) и особенности произношения: фрикативное «г», твердое «ч», «ў» вместо «в», типичные глагольные окончания (например, *ляжать, купляют, помре*), нелитературные ударения и

⁵ Встреча состоялась 20 июня 2016 г. в сельском клубе с. Петропавловка. Были сделаны аудио- и видеозаписи беседы, проведена фотосъемка.

⁶ Особенно много о свадебном обряде рассказала Н.И. Дударева: от нее зафиксирован последовательный рассказ обо всех этапах свадьбы села Петропавловка, о традиционной одежде, в том числе об изготовлении свадебного венка. Кроме того, в доме Н.И. Дударевой осуществлена фотосъемка предметов быта – украшенных вышивкой (наволочки, рушники) и тканых (рушники, половики). О некоторых чертах похоронного обряда рассказала Л.В. Гайдук.

⁷ В основном о календарных обрядах рассказывали Л.В. Гайдук и Н.И. Дударева, остальные участники ограничились небольшими дополнениями.

другие признаки, по которым можно идентифицировать принадлежность информантов к потомкам белорусских переселенцев или выходцев из русско-белорусского пограничья⁸.

Святки. В селе было принято совершать обход дворов с пением поздравительных песен только вечером с 13 на 14 января. «Щёдры петь», как это называлось в Петропавловке, ходили жители села всех поколений, большой компанией – и дети, и молодежь, и взрослые: «кто хоча – иди!» Колядовщиков пускали не только на порог, а «хоть куды! В нашей дярвене – хоть за стол, хоть на кровать (смеются)». Распространено и любимо было ряженье – мазали лицо сажей или раскрашивали красками, надевали вывернутые шубы, завязывали причудливым образом платки, надевали ан голову тюки, закрывая лицо, и пр. «А красочки ж были вон тыи кругленькие, а йны ж тякли, знаете девки. Накрасисся – и оно всё сюды стекло (делает руками движение с лица и вниз на грудь). Я как-то нарядилась на щёдры, пришла домой, мой Коля сказав: “Иди умыйся, я тебя боюсь” (смеются)». Порой колядовщики «безобразию тварыли» – например, крали пельмени, устраивали беспорядок во дворе. Бытовал обряд вождения «козы»: «Под Рожаство хлопцы надявали шубу мехом кверху, делали рога». Была и песня «под козу», но ее информанты не вспомнили. Дети бегали по домам родственников за подарками, в основном съедобными: «побегишь по дядьках, по тётках, штоб хто яечко даў. Побегу к дядьку, [родители спросят:] – Ты куды? – Побегу к дядьку, он шче мне яечко не даваў. – То мамкин брат или папкин. А теперь пошли дятей по тое яечко!» (смеется) (Н.И. Дударева). «Нихто не ходя никуды...» (Л.В. Гайдук). «Святое дело было – к родственникам сбегать за яйцами» (В.М. Чебакова). «А хрестная мне до самой смерти носила яйца. Етой такой закон был – ужо хрестная всегда принесе табе яец» (Н.И. Дударева). При опросе Т.Ю. Мартыновой по списку песен, записанных в предыдущих экспедициях, в числе прочих была песня «Ти дома ли, дома пан хозяин...» – ее информанты не спели, но сказали, что знают: «ну, ета щёдры, знаем!» Традиция поддерживается информантами и в настоящее время: «А я и сейчас по двóре хожу. Каждый год! Пшеницу – в карман [и пошла]» (Н.И. Дударева). Вместе с Л.В. Гайдук они проговорили начало текста песни-посевания: «Сею-сею, посеваю, с Новым годом поздравляю. / Рожь и пшаницу, всякаю пашницу./ На паличке сундучок – подавай-ка пятачок, / Налетай-ка... што бочок, што стаканок – хто што придумает!» Также прозвучало начало щедровки: «Щодер-бодер, а хозяин злодер, / А кому добрый... – што хотели [пели]!». Также во время обхода дворов пели частушки: «тут пийсят грамм нальют, там нальют – и частушки пошли». Интересен комментарий относительно алкоголя: «А када мы были молодые, наше поколение... Теперь жа ети не умеють выпивать: напьются – и на работу не идуть. А у нас это всё просто було: мы погуляем – и корову шли доить, и телят поить...» (Н.И. Дударева). На посиделки или вечерки молодежь собиралась обычно «по домах».

На Масленицу, по рассказам информантов, главным ритуальным действием было сжигание чучела на речке – этим занимались только парни.

Обнаружилось интересное пересечение масленичного и свадебного песенного репертуара. В.М. Чебакова напела песню, которую затем и спела вместе с Л.В. Гайдук и Н.И. Дударевой. Песня эта масленичная по всем характеристикам (текст, типовой масленичный напев), но в Петропавловке она исполнялась на второй день свадьбы – вероятно, из-за веселого и юмористического характера, подходящего для свадебного пира, и текста на семейную тематику. «На другий день [поют эту песню], в первый день не пели таких», «вот все пляшут и поют»:

Што у середу на Маслянаю,
 На жидовские заговены
 Как пабывся баран с козлом,
 Помешалася вода с маслóm.
 Зять на тёще капусту возил,
 Молоду жану в пристяжку водил,
 Тпру, стой, молодая жена,
 Несолёная капуста твоя!
 Ой, зять ты мой, зять, гавно,
 Пачаму ж ты не сказал давно?
 Посадила б я капусточку,
 Насолила б я пелюсточку

(Пояснение от информантов: «Пёлюсть – по-нашему, это кочан капусты, разрезанный пополам».)

⁸ В сделанной нами письменной расшифровке беседы далеко не все из этих особенностей нашли отражение: фрикативное «г» следует подразумевать по умолчанию, некоторыми чертами фонетического строя пришлось пожертвовать ради удобства восприятия текста читателем.

Н.И. Дударева показала с помощью всех присутствующих на встрече, как именно в хореографическом отношении исполняли данный хоровод: надо было встать друг за другом, положить руки на плечи соседу спереди и идти вперед в темпе песни, притоптывая, немного дробя ногами. Она же спела в конце встречи еще одну песню на такой же напев:

Што у середу на Маслянаю,
На жидовские заговены
Парасёнок яичка изнёс,
На высокую паличку занёс.
А глухий та подслушивая,
А слепый та подглядывая,
А безрукий яечко украў,
А безногий в поход побежаў.

«— А когда пели? — Это пели на другой день свадьбы, когда уже все... — А почему тогда Масленица? — Ну все равно пели».

Затем были проговорены варианты текста. Н.И. Дударева вспомнила такие строки: «Побился баран с козлом, / Помешалася вода с молоком». — «С песком! — исправляет Е.Т. Андрюк. — «Хто што пел», — примирительно поясняет Н.И. Дударева.

Пасха. Радоница. Говоря о том, что «родительский день [был] отдельно» (см. ниже), Л.В. Гайдук имела в виду Радоницу. «— А когда был этот родительский день, после Пасхи? — Да. — Его называли как-то или это был просто “родительский день” и всё? Радоницей не называли? — Вот так и называли — Радоница. [Она] была во вторник после Пасхи. В родительский день [на кладбище] ходили усí! И могилки застилали скатертями, вешали етыя рушники вышиванья на хрясты. Тада ж были хрясты. Это ж теперь уже памятники всё. Сплошь памятники, памятники и памятники. А тада ж было хрясты и хрясты. Вот у кого сколько покойников, приношают скатерстя, застилають каждый сваих. — А где расстилают, на могилках прямо? — Прямо на могилку застилають. А угощение становвють около хреста. На могиле становвють, да, коло хреста становвють. Вот сколько мы времени там побыли, на могилках, походили там, посидели — собираемса усí обедать. Собираемса, кому близко друг к другу. Вот собираемса... тады кругом садимса, у кого што ёсць — приношаем и садимса обедаем. Кучай садимса, сколько там чалавек — я не знаю, у которых могилки близка. — Где-то между могилками садитесь? — Да, расстилаем скатерку, изношаем обед увесь с могилки и обедаем усí умести. И всё. Пообедали, и всё, и пошли. — А какое-то особенное угощение готовили на Родительский день? Яйца обязательно носили на кладбище? — Обязательно яйцы! Блины стряпали. Хто што стряпае. Хто бараньки. Бараньки стряпали, мочáli в сметану. Я, например, тесто мешаю на протакваше (простокваше. — Т. Д.). За-мешала... Раскатала, нарежу на небольшие кусочки. Раскатала, на сковороде у мене постно масло кипить. Я покляла бараньки еты, она шас же подымаются, я перевернула — оно всё уже готовое. В сметану помочála — баранька готова. [Пока] пекла, в чашку складála, чтобы они простыли. А тады помочála — в другую покляла чашку».

Особых песен, исполнявшихся на Радоницу, информантка вспомнить не смогла, посетовав на разрушение со временем преемственности традиции; отметила лишь, что на кладбище положено было петь «молитвы». «— А старые бабушки пели [на кладбище] какие-то особые песни — не молитвы, а другие? — Ни разу не слышала. Ето надо тожа петь, молебные песни. А другие — не знаю, милая моя... У нас уже тада попримёрли старые, а молодые ни черта не знают и не знали... А што бы я пела, када я не знаю? Мене никто не учил! Мать моя помёрла рано, все помёрли рано... Свякруха моя никада не пела ничо́го и не рассказывала ничо́го. Это ж кадась-кадась (когда-когда, то есть очень давно. — Т. Д.) былó, кадась-кадась былó, деўки...» Однако отметим, что эта же информантка затем вспомнила и спела хороводную песню «Карагод веду, я не выведу», слышанную ею от своей матери, которая исполнялась в пасхальный период (см. ниже).

Троица. По словам Л.В. Гайдук, «пирад Троицей была Духова́я суббота». В этот день обязательно надо было собрать в лесу зелени, которой украшали жилище: «У субботу ходили у лес, рвали траву кустовую — кустами которая расте. Бывае полевая мята — она пахне укúсно, и вот мяту ету рвали. Цвяты — аганьки, мядúnки, всякие цвяты рвали. Принóсили дамоў, за стол кídaли. Столы в угле так все стояли, а там кругом лаўки — дык за стол клали туды траву, под стол бросали». Траву не убирали из дому несколько дней, дожидаясь, пока она полностью высохнет, затем собирали в холщовые сумки и хранили в сухом месте, ежегодно пополняя запас, чтобы, когда потребуется, использовать ее в похоронном обряде: «Каждый год собирали [траву] у Духову́ю субботу. И йна высыхала, тая трава, и ету траву собирали и складála у сумку — ну, холщовые были сумки, шитые, из хольста. Подвешивали куды-нёбудь и хранили. Всё время. Могла хоть сколь ляжать. Штоб она только... вода на ей не шла,

не попадала, чтоб она не мокрая была. Чтобы када покойник помрэ, ету самую траву – у подушку. Шили подушку, натáлкали [в нее] траву ету сухую и подушку – под галавú [покойнику] клали». Посещений кладбища накануне Троицы информантка не припомнила, утверждая, что «родительский день был отдельно».

Непосредственно в день Троицы в Петропавловке принято было ходить в лес большой компанией и устраивать там гуляния – качаться на специально устроенных к этому дню качелях, плести венки, веселиться. Л.В. Гайдук описывает, как происходили праздничные гуляния в конце 1940 – 1950-х гг. Согласно ее рассказу, в это время троицкие песни уже исчезли из активного бытования, то же самое произошло с большинством ритуальных элементов, а сохранившиеся утратили свою магическую функцию и превратились в развлечение. «Гады, деўки, жили дружно. Деревня была большая. – Сколько дворов было? – Ой! Я не посчитаю, сколько тут дворов было. А деревня была здоровенная. Молодёжи было много, деўки, народу было много! Ой, як Троица – столько народу! В лес идуть... Одна толпа идёт домой, другая – идти в лес. И парни, и деўки, вси подряд шли. – А пели что-то по пути, пока шли? – Уже, милая моя, не помню. Я вот сколь ходила – дак не пел никто. – А что там делали? – Качались на качели. Хохотали. Што делали – ничо не делали... – А веночки плели? – Плели веночки, из цвятов. Аганьки рвали, медúнки рвали, всё рвали и вянки плели. – А потом что с этими венками делали? – А ничóго! Наденем на дúрневу на галавú, и хорошо (*смеется*). – А вокруг березки что-нибудь делали? – Нет, ничего не делали. – А к речке ходили потом? – Не, к речке не ходили ни разу. Просто: пришли в лес, на полянке там посмеялись, покачались на качелях и снова пошли домой. Домуё пришли, тут что поели – и снова пошли. Вот и ходили взад-вперед (*смеется*)». Особенной еды, по словам информантки, в день Троицы не готовили по причине всеобщей бедности: «– А что в Троицу готовили? – О господи, да у кого что было! Раньше ж что было богато... Босякá ходили, голякá...»

Н.И. Дударева тоже вспоминает катания на качелях как центральный элемент празднования молодежью Петропавловки Троицы: «Вот сейчас Троица – никуды не ходют. А раньше на Троицу хлопцы делали загодéи (заранее. – Т. Д.), за два, за три дни качели, и ужó деўки собираются и на качелях на тых [качаютя]. До тых пор накачаисся, што идешь оттый... (*трясет головой, изображая головокружение*). Выsóко! Хто боится... У нас вот одна упала, Нюра, и убилась: полежала – и всё». На вопрос о том, какие еще действия были характерны для этого дня, она ответила: «Ничóго не делали – ни пили́, ни бала[ва]лись!» Ни одной троицкой песни исполнить она не смогла, но, по ее словам, пение было обязательным для этого дня: «–А песен не пели? – Почаму? Тудысь и пели! – А что пели? – А такие вот старынные раньше пели всякие».

В понедельник после Троицы наступал Дúхов день (в православном календаре праздник также носит название Понедельник Святого Духа). Представления о нем жителей села Петропавловка находятся в русле общей восточнославянской традиции: «– Вчера была Троица. А сёдни в нас праздник – земля именинница... Сёдня земля именинница – нельзя трогать яе. – Это так мама говорила? – И в церкви говóрют так. Поп так говóрит. – А в Петропавловке же нету храма? – Нету. В Маслянино [есть]. Но я в яго не езжу. И родители, покамест у нас храма не было отут, в Маслянином, и родители мои не ездили. Мои родители рано помёрли – матке писят годов було, а батьку – шийсят» (Л.В. Гайдук).

Календарных песен в селе Петропавловка во время экспедиции 2016 г. было записано не много. Кроме тех, что уже приводились, были спеты еще несколько. Среди них есть ценный образец весенних гúкальных песен, исчезнувших в настоящее время из бытования в селе. Рассказывает В.М. Чебакова: «– Вот песню я от мамы слышала. Гúкалка, это гúкалка настоящая. – Ну дык хто умеет гукать? Мы не умеем... – Я два куплета знаю, могу спеть. Не знаю только, в каком месте гукать надо. – Ёны (они – имеются в виду фольклористы, делающие запись. – Т. Д.) найдуть, ёны добавють» (*все смеются*). Далее В.М. Чебакова поет (с гуканьем), некоторые из информантов подтягивают:

Ой, что же я нарбила
Ой, что же я натворыла.
Халóстаго позабыла,
Женатаго полюбила. Ууу!

«– А дальше? – А дальше я еще один куплет знаю. – А почему ты ее всю не выучила? – А мамы уже нету, и не выучила».

Он жанатый, ни халостый,
У яго есь жана в доме,
У яго есь жана в доме,
Да йще дробные дети. Ууу!

Продолжение песни В.М. Чебакова проговаривает: «Всё, третий куплет не знаю. А там дальше поётся... Она его спрашивает: “Милый, а что же мне дальше делать?” Он говорит: “Видишь речку? На той стороне камень. Вот перепрыгни – и об камень головою!”». Остальные информанты соглашались, что это песня старинная – «ето шче наши матки пели», и единодушно утверждают, что «ети гúкалки пели только вясной, гúкалки строго вясной». При этом петь их можно было как в деревне, так и на открытом пространстве – в поле или в лесу: «– А весной где-то на поле их пели? – Ну да. А шче [в лес] пойде, нагúкае там, аж лес раздирáе».

От Л.В. Гайдук был записан (в неполном виде) весенний хоровод «Карагод вяду, я не выведу...»⁹. Информантка рассказала, что «карагод пели старые люди на Паску», а песню «Карагод веду» она помнит от матери, которая хорошо пела. По воспоминаниям Н.И. Дударевой, весенние хороводы могли сопровождаться гúканьем: «Моя мамка шче пела вот етые карагоды, а потом шче так: ууу!» (*пропеваает возглас напряженным тембром в высоком регистре*). Три куплета хоровода Л.В. Гайдук спела одна, так как больше песню никто не знал:

Карагод вяду, я ни вывяду
Вой ли, ой люли, я ни вывяду.
По себе дружка я ни выберу,
Вой ли, ой люли, я ни выберу.
Вот я й выберу, дак я старага,
Дак я старага, да невдалага.

Интересно, что при очевидном разрушении традиции информанты хорошо осознают приуроченность песен и помнят о ней. На предложение исполнить хороводную песню «Ты утица луговая», записанную в их селе, ответили: «Яе шчас не пеюць. Это наша песня, но яе поюць только вясной» (Н.И. Дударева). Затем информанты всё же исполнили этот длинный хоровод полностью, вчетвером (два куплета запеваала Н.П. Ушакова, затем – Л.В. Гайдук, она же знала весь текст, выводила Е.Т. Андрюк):

Ты утица луговая, (2 р.)
Луговая, луговая.
Где ж ты спáла, ночевала, (2 р.)
Ночевала, ночевала.
Ночевала й утка в поле, (2 р.)
Утка в поли, утка в поли.
Утка в поли под кусточком, (2 р.)
Под кусточком, под кусточком.
Под малиновым листочком, (2 р.)
Под листочком, под листочком.
Туда шли-прошли вдалье, (2 р.)
Удалые, удалые.
Туда шли-прошли вдалье,
Молодчики молодые,
Молодые, молодые.
Они шли-шли по лужочку, (2 р.)
По лужочку, по лужочку.
Отрезали по пруточку, (2 р.)
По пруточку, по пруточку.
Изделали по гудочку, (2 р.)
По гудочку, по гудочку.
Вы, гудочки, не гудитя, (2 р.)
Не гудитя, не гудитя.
Свайго батюшку не будитя, (2 р.)
Не будитя, не будитя.
Мой батюшка спит спокойно¹⁰, (2 р.)
Спит спокойно, спит спокойно.
А матушка за рекою, (2 р.)

⁹ Эта же песня, с немного иным напевом, входит в радоницкий репертуар соседнего села Прямское.

¹⁰ Часть исполнительниц здесь пела вариант текста: «Мой батюшка спит с похмелья».

За рекою, за рекою.
Пива гоня виравоя, (2 р.)
Виравоя, виравоя.
Дли зятюшки молодого, (2 р.)
Молодого, молодого.
Пей, зятюшка, не впевайся, (2 р.)
Не впевайся, не впевайся.
Дамой при́дешь, не ругайси, (2 р.)
Не ругайси, не ругайси.

Исполнение первых трех куплетов вызвало обсуждение певческого стиля и многоголосной фактуры (в пении сделали паузу): «Ну яе ж красиво поют!» (Н.П. Ушакова), «Да, надо много [певцов], чтоб отводили (то есть пели на разные голоса. – Т. Д.). Много басуют, штуки три помогают, а один – звонко! Вот так надо. Одна надо, чтоб тоненько-тоненько, штуки три ишче (руками перед собой показывает, что речь идет о средних голосах) и басов многа. А кого тут ужо... (махнула рукой, мол, некому сейчас петь)» (Н.И. Дударева).

Хореографические особенности исполнения этого хоровода Н.И. Дударева описала так: «Вот беришь за руки вси, и как будто вокруг ёлки ходили хороводом. И вот ету жа [песню] пели, ето брались за плечи, как “У середу на Масляную”, играли такую».

В теплое время года молодежь собиралась на улице, «на точкё». Там парни и девки пели, плясали, «в разлуку гуляли» (играли в игру под названием «разлука»), «в ремня гуляли, в красочки». Каждую игру информанты подробно описали и наглядно показали (есть видеозапись).

В заключение отметим, что в сёлах Пряmsкое и Петропавловка, к сожалению, в настоящее время практически нет молодежи, которая перенимала бы песни у старшего поколения. «Старые трошки шче вмеюють [петь старинные песни]...» (Л.В. Гайдук). «А молодые не вмеюють. И им не нравится, не любюють [они такое пение], и смеюются ли нас. Вот прыйдешь репетировать – [и будет] не так, всё не так» (Н.И. Дударева).

Однако в районном центре Маслянино существуют взрослый и детский фольклорные коллективы – «Горлинка» и «Жаворонушки» соответственно (руководитель Светлана Юрьевна Дукальская), в чьем исполнении песни Пряmsкого и Петропавловки продолжают жить. Кроме того, в студии С.Ю. Дукальской в Маслянинском районном Доме культуры организован небольшой музей, где хранятся старинные предметы быта, домашний текстиль и традиционная одежда. Также имеется этнографический ткацкий станок в рабочем состоянии, на котором проводятся занятия по обучению искусству ткачества.

Список информантов

Чебакова Валентина Михайловна (в девичестве Гайдук), 1951 г. р., родилась в с. Петропавловка Маслянинского района Новосибирской области, в настоящее время проживает в г. Бердске.

Гайдук Любовь Васильевна (в девичестве Дударева), 1935 г. р., родилась в с. Петропавловка Маслянинского района Новосибирской области, русская, прадед переселился в Сибирь в начале XX в. из с. Батуровка Брянской области.

Дударева Надежда Ивановна (в девичестве Цыганок, девичья фамилия матери – Гайдук), 1947 г. р., родилась в с. Петропавловка Маслянинского района Новосибирской области, белоруска, бабушка родом из Черниговщины, а дед – из с. Клиницы Могилевской области.

Ушакова Надежда Павловна (в девичестве Филоненко), 1939 г. р., родилась в с. Петропавловка Маслянинского района Новосибирской области.

Андрюк Евдокия Терентьевна (в девичестве Науменко), 1927 г. р., родилась в с. Петропавловка Маслянинского района Новосибирской области, родители переселились в Сибирь из Украины.

Список литературы

Дайнеко Т.В. Календарные обряды и песни села Камышинка (материалы экспедиции 2016 г.) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (вып. 31). С. 85–91.

Дайнеко Т.В. Календарные фольклорно-этнографические традиции белорусов Кыштовского района Новосибирской области // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 2 (39). С. 130–136.

Леонова Н.В. Проблемы изучения фольклора белорусов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 84–87.

Леонова Н.В. Белорусские фольклорные традиции в Сибири и на Дальнем Востоке // Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1: Семейно-обрядовые песни и причитания / Сост. Н.В. Леонова (отв. сост.) и др. Новосибирск: Наука, 2011. С. 12–34. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 31).

Фурсова Е.Ф. Пути-дороги полевые... Из сибирских дневников Е.Ф. Фурсовой. Новосибирск: АртПресс, 2012. 72 с.

T. V. Dayneko

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
tan-dai@mail.ru*

**Notes from Petropavlovka:
according to the results of the expedition in 2016 to Maslyaninsky district of Novosibirsk region**

The paper contains a part of materials collected by the author in Petropavlovka village (Maslyaninsky district of Novosibirsk region) during the folklore-ethnographic expedition in 2016. Petropavlovka village was founded in 1907. At first the village was called Ukrop, by the name of the river flowing nearby; later it was renamed into Petropavlovka, by the names of the first builders, brothers Peter and Paul. The first inhabitants were peasants settling from Byelorussia (mostly) and Ukraine, from Chernigovskaya province and the borderland of Bryansk-Smolensk region. Currently, Petropavlovka is a mixed type of settlements where Byelorussians and representatives of other ethnic groups live. The paper presents the transcription of the interview with the women dwelling in Petropavlovka village, who are descendants of the settlers from Byelorussia and border regions inheriting their folk tradition. The information about calendar rituals and songs of Petropavlovka is selected in the article. The information is compiled according the year calendar cycle that is reflected in the paper sections. According to informants, the Cristmastide (The Christmas – New Year – Epiphany) in Petropavlovka village presented all the main ritual elements: walking from yard to yard singing carols, fortunetelling, evening parties of young people. The songs in this period include the time-connected genres: carols, childrens' recited waits. On Maslenitsa week the main ritual action was the burning of effigies. Humorous "maslenski" songs could be performed not only on Maslenitsa, but also on the second day of the wedding. The spring period in Petropavlovka village was represented by the Easter ritual complex. It also included ritual actions of the Radonitsa: a meal in a cemetery, singing troparions. Several round songs and "gukalnye" songs (they are almost gone now) were recorded in Petropavlovka village. The summer calendar period is marked by the feast of the Trinity Sunday. On the eve of the Trinity Sunday, the inhabitants of Petropavlovka went to the forest and torn the grass and flowers to decorate the home. The young people walked in the forest, swung on swings specially built to this day, the girls woven wreaths of flowers and herbs. The verbal texts of some songs from different calendar cycles are published in the paper. The aim of the paper is to introduce new materials on folklore of Byelorussian settlers to Siberia for scientific use.

Keywords: folklore of the Byelorussians of Siberia, calendar rituals and songs of the Siberian Byelorussian settlers, Maslyaninsky district of Novosibirsk region, fieldwork materials, field folklore study.

References

Dayneko T.V. Kalendarnye obryady i pesni sela Kamyshinka (materialy ekspeditsii 2016 goda) [Calendar Rituals and Songs of Kamyshinka Village (Fieldwork Materials of 2016)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Native Peoples of Siberia], 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 85–91. (In Russ.).

Dayneko T.V. Kalendarnye fol'klorno-etnograficheskie traditsii belorusov Kyshtovskogo rayona Novosibirskoy oblasti [Calendar Folklore-Ethnographic Traditions of the Byelorussians of Kyshtovsky District, Novosibirsk Region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2017, no. 2 (39), pp. 130–136. (In Russ.).

Leonova N.V. Problemy izucheniya fol'klora belorusov Sibiri [The problems of study of the Byelorussian Folklore of Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2000. no. 3. pp. 84–87. (In Russ.).

Леонова Н.В. Белорусские фольклорные традиции в Сибири и на Дальнем Востоке. In: *Fol'klor belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Chast' I. Semeyno-obryadovye pesni i prichitaniya. T. 13. Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The Byelorussian Folklore of Siberia and the Far East. Part 1. Family Ritual Songs and Laments. Vol. 13. Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far-East]. Prepared by N.V. Leonova, T.G. Leonova, L.M. Sviridova, T.B. Varfolomeeva, K.P. Kabashnikov, A.S. Fedosik. Ed. V.M. Gatsak. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, pp. 12–34. (In Russ.).

Фурсова Е.Ф. Пути-дороги полевые... Из сибирских дневников Е.Ф. Фурсовой [The field way and roads... From the Siberian diaries of E.F. Fursova]. Novosibirsk, ArtPress Publ., 2012. 72 с. (In Russ.).

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2018 – № 2 (выпуск 36)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Угощение духов»

Раздел «Лингвистика»:
редактор *Е. В. Тютешева*,
оператор электронной верстки *Н. С. Уртегешев*

Раздел «Фольклористика»:
редактор и оператор электронной верстки *Т. В. Дайнеко*

630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН
E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru

Страница журнала на сайте Института филологии СО РАН:
<http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

Подписано в печать 20.12.2018. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 60 × 80/8. Усл. печ. 17 л.
Тираж 200 экз. Заказ № 283

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090